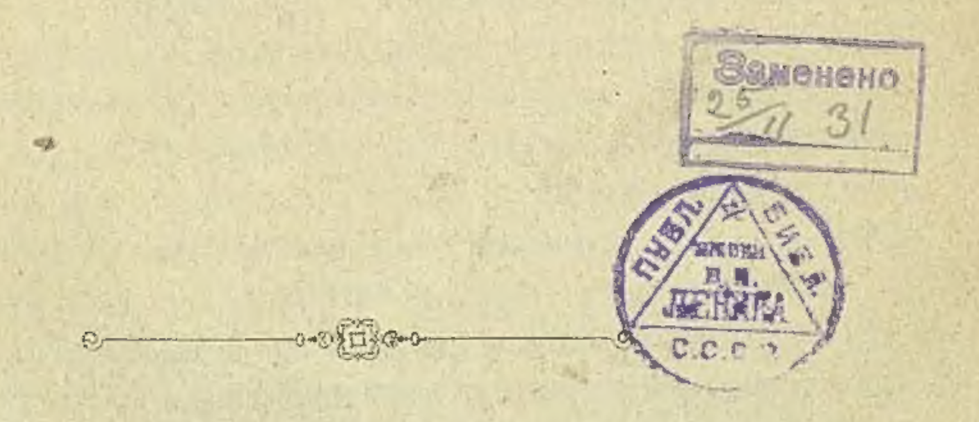


ВОЕННЫЙ СУДЪ

ЕГО

ЗАЩИТНИКИ И РАЗРУШИТЕЛИ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. И. Румша, Невскій проспектъ, домъ № 75—2.
1883.

Шесть лѣтъ тому назадъ, дѣятели общихъ судебныхъ мѣстъ, устроенныхъ въ силу уставовъ 1864 года, были удостоены великой чести. Творецъ означенныхъ уставовъ, по поводу исполнившагося десятилѣтія практическаго осуществленія ихъ, почтилъ этихъ дѣятелей Всемилостивѣйшимъ Своимъ рескриптомъ, чѣмъ еще разъ какъ бы освятилъ всю неприкосновенность дарованныхъ Имъ народу правъ суда. Общественное мнѣніе привѣтствовало эту награду, какъ достойное воздаяніе тѣмъ счастливцамъ, которымъ выпала завидная доля быть осуществителями Высочайшихъ предначертаній и которые выполнили эту задачу съ должнымъ достоинствомъ. Награда эта была тѣмъ болѣе цѣнна, что ни отъ кого не было тайной попытки, если не отнять совершенно пользованіе правами, уставами 1864 года освященными, то, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ.

Годъ спустя, должно было праздноваться десятилѣтіе введенія въ дѣйствіе военно-судебнаго устава. Исполнители послѣднихъ, коимъ выпала на долю дѣятельность, допустимъ, и болѣе скромная, въ правѣ были ожидать такой же или приблизительно такой-же оцѣнки ихъ трудовъ. Но обстоятельства сложились иначе: знаменательное, въ лѣтописи военнаго суда, событіе совпало съ плевненскими неудачами. Все вниманіе и Государя и высшей военной администраціи было поглощено заботой объ устраненіи этихъ неудачъ. А объ обществѣ нечего было и говорить!

Хотя празднованіе 15 лѣтнихъ юбилеевъ у насъ и не принято, тѣмъ не менѣе, въ утѣшеніе себя, въ средѣ дѣятелей военно-судебнаго вѣдомства, могла зародиться скромная надежда, что 7-го сентября 1882 года, ихъ дѣятельность будетъ

оцѣнена по достоинству. Эта надежда казалась тѣмъ болѣе основательной, что годъ тому назадъ, съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, праздновался юбилей главнаго военнаго прокурора, оставлявшаго свой постъ и заслуги котораго, собственно по военно-судебной дѣятельности, были не только признаны оффиціально и вознаграждены высшимъ назначеніемъ, но не отвергались и тѣми лицами, кои, стоя во главѣ военной администраціи, казалось, были вполнѣ компетентны въ оцѣнкѣ какъ этихъ личныхъ заслугъ, такъ и пользы, принесенной военными судами. Вообще эти скромныя желанія опирались и на то, что военно-судебная реформа, не за долго до того, вышла побѣдительницей изъ самаго строгаго испытанія, которому она могла только подвергнуться. Говоримъ *о военномъ времени*.

Увы! надежды не только не оправдались, онѣ торжественно уничтожены и оффиціальными заявленіями о томъ, что военные суды, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ нынѣ, не удовлетворяютъ своему назначенію, и откликомъ прессы, внезапно снявшей печать молчанія для того... чтобы, присоединившись къ хору порицателей, обрушиться на тѣже военные суды. Упомянувъ объ оффиціальныхъ заявленіяхъ, быстро перешедшихъ отъ словъ къ дѣйствіямъ, мы должны, конечно, признать, что они по видимому, по крайней мѣрѣ, не касались лицъ, а исключительно принциповъ. На сколько эта цѣль была выполнена, мы увидимъ, но говоря о признаніи заслугъ, о воздаяніи за извѣстную дѣятельность, мы имѣемъ въ виду не личныя награды, не повышенія въ чинахъ, не ордена: на недостатокъ подобнаго вознагражденія военно-судебные дѣятели жаловаться не могли, не обошли ихъ подобныя награды и въ настоящемъ году (зри подлежащіе №№ „Русскаго Инвалида“).

Заговоривъ о заслугахъ и воздаяніи, мы держимся только отвлеченныхъ воззрѣній... Печать же пошла далѣе: она коснулась и личныхъ заслугъ дѣятелей, какъ настоящихъ, такъ и прошедшихъ.

Это странное совпаденіе одновременныхъ нападокъ и на принципы и на лицъ, представляясь знаменательнымъ явле-

ніемъ времени, нося на себѣ особенную печать, побуждаетъ насъ попытаться анализировать и причины возникновенія этихъ нападокъ и справедливость ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и характеръ тѣхъ мѣропріятій, которыми думаютъ исправить дѣйствительное или фиктивное зло.

Приступая къ осуществленію этой задачи, мы считаемъ нужнымъ оговориться. Мы сами принадлежали къ числу военно-судебныхъ дѣятелей, имѣвшихъ возможность ознакомиться и съ отвлеченной стороной дѣла, его принципами и съ способами практическаго осуществленія ихъ, а, слѣдовательно, и съ личными достоинствами и недостатками отдѣльныхъ дѣятелей. Хотя мы и принадлежимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя выброшены изъ числа непосредственныхъ дѣятелей военно-судебнаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе мы съ одной стороны не разорвали нравственной связи съ вѣдомствомъ, изъ котораго вышли, съ другой — не имѣемъ основаній причислять себя къ числу недовольныхъ. А такъ-какъ, кромѣ того, интересы родины, правды и чести мы ставимъ выше всякихъ личныхъ, эгоистическихъ побужденій, то позволяемъ себѣ думать, что скромный трудъ, предлагаемый нами вниманію читателей, не будетъ опозоренъ признаніемъ въ насъ *пристрастія*.

Задавшись извѣстной цѣлью, мы должны были бы прежде остановить свое вниманіе на оффиціальныхъ заявленіяхъ, а потомъ уже заняться печатью, какъ органомъ нападокъ второстепеннымъ. Но, по нѣкоторымъ причинамъ мы считаемъ удобнѣйшимъ, въ расположеніи нашего труда, придерживаться діаметрально противоположнаго направленія: поговорить сначала о *печати*, а потомъ уже объ *оффиціальныхъ* заявленіяхъ и дѣятельности.

I.

Выдвигая на первый планъ печать, мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь тѣ творенія, которыхъ появленіе вызвано новыми вѣяніями въ оффиціальномъ мірѣ. Числомъ ихъ не много, всего два, одно миніатюрное и по объему и по содержанію, другое—многообъемистое (за 600 страницъ убористой печати). Между ними есть сродство, а, кромѣ того, они имѣютъ органическую связь и съ оффиціальной дѣятельностью, направленной къ разрушенію существующихъ военно-судебныхъ порядковъ. Мы укажемъ кстати, на третье твореніе, тоже печатное, появившееся ранѣе, но которое, на сколько намъ извѣстно, не было распространено въ читающей публикѣ. Оно было напечатано для самоутѣшенія и для распространенія въ средѣ высокопоставленныхъ лицъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ обвиненій, имѣвшихъ чисто личный характеръ. Независимо отъ содержанія, появленіе въ печати спеціально посвященныхъ военно-судебному дѣлу трактатовъ должно было удивить по одному тому, что вниманіемъ печати вообще военно-судебное вѣдомство не было избаловано. Появленіе новыхъ военно-судебныхъ порядковъ въ свое время было встрѣчено періодической печатью не совсѣмъ сочувственно; въ теченіи 15 лѣтняго существованія военныхъ судовъ, въ той же печати время отъ времени проскакивали статейки съ нѣкоторыми критическими замѣтками, а порою и дикія, свидѣтельствующія о полномъ незнаніи дѣла*),

---

*) Какъ разительный примѣръ этого невѣжества мы можемъ указать на фактъ. Когда по Высочайшей волѣ, сужденіе политическихъ преступленій перешло въ вѣдѣніе военныхъ судовъ, «Петербургскія Вѣдомости» сочли себя обязанными ознакомить своихъ подписчиковъ съ формами военнаго суда. Оказалось, что онѣ и не знали о су-

серьезныхъ же изслѣдованій, посвященныхъ военно-судебному праву, встрѣчать намъ не удавалось *). Положимъ, этому препятствовалъ, для гражданскихъ писателей, законъ, включенный въ В. С. уставъ, которымъ разбирать рѣшенія военныхъ судовъ *воспрещалось* безусловно, для военно-судебныхъ дѣятелей, если не законъ, то особенное распоряженіе, сохранявшее силу до послѣдняго времени, на основаніи котораго печатать что-либо, относящееся до военно-судебной дѣятельности, они, т. е. военно-судебные дѣятели, могли только съ разрѣшенія спеціальнаго своего начальства.

Наконецъ, военный судъ считался учрежденіемъ на столько спеціальнымъ, что толковать объ немъ печатно казалось для большинства задачей слишкомъ трудной. Если такимъ образомъ общая литература военными судами не занималась, то военные юристы были вознаграждены массой справочныхъ изданій, обилію которыхъ могли-бы позавидовать и гражданскіе юристы. Благодаря этимъ изданіямъ и оффиціальнымъ, и полуоффиціальнымъ, и частнымъ, дѣятельность военныхъ юристовъ была облегчена до нельзя. Самостоятельнаго труда уже не требовалось: знакомство съ источниками было приближено на столько, что ни судьѣ, ни прокурору не предстояло надобности заглядывать даже въ В. С. уставъ, а тѣмъ болѣе въ подлинныя рѣшенія главнаго военнаго суда: стоило только вооружиться или оффиціальнымъ изданіемъ тезисовъ (графа Сиверса), или, что еще болѣе облегчало трудъ, Анисимовкой (т. е. не гражданской съ Большой Садовой, а спеціально воен-

---

ществованіи новаго военно судебнаго устава, а потому сообщили о порядкахъ, существовавшихъ когда-то. Хотя противъ подобной дикой выходки и было послано въ «Новое Время» возраженіе, но послѣднее не было напечатано. Еще бы... стоило ли потратить какихъ нибудь полстолбца!

*) О происходящемъ въ военныхъ судахъ публика узнавала рѣдко, изъ стенографическихъ отчетовъ, а послѣднихъ удостоивались лишь выходящіе изъ ряда, въ существѣ скандальные, процессы. Хотя право печатанія подобныхъ стенографическихъ отчетовъ составляло въ существѣ монополію двухъ лишь газетъ, а потому казалось, что онѣ имѣютъ возможность ближе ознакомиться съ формальной стороной дѣла, но мы не припомнимъ ни одного отчета, который передактированный газетой не заключалъ бы въ себѣ массы грубыхъ, непростительныхъ ошибокъ.

ной, народившейся въ Варшавѣ), чтобы быть застрахованнымъ, во время процесса, отъ всякой неожиданности. Обиліе подобныхъ справочныхъ изданій, если, строго говоря, и приносило извѣстный вредъ въ томъ отношеніи, что оно отучало военныхъ юристовъ отъ самостоятельной работы, то съ другой стороны, оно приносило свою долю пользы, облегчая и ускоряя механическій трудъ. Но насъ поражало одно: болѣе 10 лѣтъ существуетъ военно-юридическая академія. Въ ней спеціально читались и читаются и военное судопроизводство, и военно-уголовные законы. Лекторы этихъ спеціальныхъ предметовъ, справедливо или несправедливо, пріобрѣли себѣ извѣстную репутацію. Одинъ изъ нихъ даже издатель общаго юридическаго журнала. На нихъ, само собой разумѣется, не могъ имѣть вліянія вышеупомянутый законъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что дѣйствуя подъ щитомъ академіи, они могли-бы подарить насъ, и военныхъ юристовъ и читающую публику, хотя-бы догматическими изслѣдованіями, касающимися преподаваемыхъ ими предметовъ. Они предпочли молчать, по этому, кромѣ однаго только печатнаго руководства Малинина (не академика), въ этомъ отдѣлѣ литературы, мы не можемъ указать ничего выдающагося.

За послѣдніе годы, академія даритъ насъ своими ежегодниками, но въ нихъ, какъ и на актахъ, намъ приходится развлекаться историко-юридическими изслѣдованіями г. Бобровскаго, можетъ быть, и почтенными, свидѣтельствующими о доброй волѣ и трудолюбіи автора, но далеко не отвѣчающими тѣмъ требованіямъ, которыя, по нашему мнѣнію, должны-бы были предъявлять военные юристы, сознательно относящіеся къ своей дѣятельности, и которыя должна-бы и могла-бы была удовлетворять спеціальная академія. Правда, военно-юридическая академія дала толчекъ другаго рода дѣятельности, къ сожалѣнію, не распространившейся въ средѣ читающей публики. Говоримъ о трехъ темахъ, которыя ею были заданы на соискательство адъюнктскихъ въ ней мѣстъ: отвѣты литографированы и подверглись публичной защитѣ въ ограниченномъ кружкѣ своихъ-же. Въ этомъ отношеніи конференція академіи про-

стерла свой эклектизмъ до того, что допустила, со стороны соискателя профессуры въ ней, доказательство безполезности военныхъ судовъ, какъ особаго органическаго учрежденія.

Примѣръ самобичеванія, положимъ, достойный подражанія, но какъ то не гармонирующій съ выше приведеннымъ закономъ, налагающимъ свое veto на всякую попытку самостоятельнаго критическаго соотношенія къ дѣятельности тѣхъ учрежденій, въ руки которыхъ безапелляціонно передана судьба нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лицъ, приговариваемыхъ ими къ самымъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ. Какъ-бы то ни было, но три вышеупомянутые отвѣта на заданныя темы, оставшись литографированными, не проникли въ среду читающей публики. Если къ этому перечню печатныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ подъ пера военныхъ юристовъ, прибавить нѣсколько переводовъ иностранныхъ уставовъ, историческое изслѣдованіе г. Розенгейма (впрочемъ, не оконченное), брошюрку, „объ офицерскихъ судахъ“, г. Максимова—о дѣятельности военныхъ судовъ во время войны, да историческія изслѣдованія г. Бобровскаго,—то этимъ придется закончить нашу библіографію. Скудость послѣдней мы приписываемъ исключительно закону, хотя, можетъ быть, она находитъ объясненіе себѣ и въ другихъ причинахъ, непосредственно зависящихъ отъ той среды, на нравственной обязанности которой, по нашему мнѣнію, лежала забота о воздѣланіи той отрасли литературы, которой они не могли быть чужды по самому характеру ихъ дѣятельности. Но, памятуя существованіе этого закона, который, что ни говори объ немъ и о подобныхъ причинахъ, не могъ не тормозить самостоятельной литературной дѣятельности въ указанныхъ нами предѣлахъ, мы тѣмъ не менѣе съ особеннымъ вниманіемъ, съ особой предупредительностью, съ нескрываемымъ интересомъ должны были отнестись къ тремъ печатнымъ твореніямъ, появившимся передъ нами и призваннымъ восполнить замѣченный нами пробѣлъ.

Первое, вышедшее ранѣе, хотя и безъ цензуры, но въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, слѣдовательно не предназначенное для публики, касалось извѣстнаго сухарнаго процесса

кн. Урусова съ товарищами, розыгравшагося въ Кіевѣ. Въ существѣ это стенографическій отчетъ, напечатанный безъ дозволенія предсѣдателя суда, вслѣдствіе заподозрѣнной обвиняемыми неполноты и неточности оффиціальнаго *) напечатаннаго отчета, мы говоримъ *заподозрѣнной* потому, что не имѣли терпѣнія, да и не видѣли надобности провѣрить это обстоятельство. Къ нашей задачѣ, эта книга, довольно объемистая, (XIV+7+470+96+45 страницъ) относится только предисловіемъ, въ которомъ, въ первый разъ, со времени учрежденія военныхъ судовъ, мы встрѣтились съ такими печатно заявленными обвиненіями противъ суда, которыя, если бы они оправдались, должны были привести не къ дисциплинарному даже производству надъ судомъ, а къ преданію его суду in corpore. Но этотъ памфлетъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ исходилъ отъ обвиняемаго, почитавшаго себя не только невиннымъ но даже „новой силой, силой нашего времени, дѣльцомъ новаго пошиба, не трусливымъ подрядчикомъ, а подрядчикомъ—бариномъ, княземъ“, съ которой пришлось столкнуться и быть побѣжденной „силѣ старой, сложившейся въ извѣстныя формы“, самъ по себѣ не могъ имѣть, да и не имѣлъ послѣдствій; а если мы и указываемъ на него, то во 1) для полноты нашей лѣтописи, а во 2) потому, что намъ, можетъ быть, въ дальнѣйшемъ изложеніи, придется коснуться пресловутаго сухарнаго процесса и, притомъ, какъ орудіемъ противъ тѣхъ, которые, подъ вліяніемъ времени, не нашли ничего лучшаго, какъ зря позорить дѣятельность военныхъ судовъ.

Вторая по порядку времени брошюра, подъ заглавіемъ „возможны ли измѣненія въ организаціи нашего военнаго суда? вышла изъ подъ пера, если не братьевъ-близнецовъ, то лицъ, которыя въ предыдущей литературной дѣятельности своей, заявили себя нераздѣльнымъ сотрудничествомъ; они періодически брали съ военныхъ юристовъ дань за перепечатку военно-судебнаго устава и воинскаго устава о наказаніяхъ, каковые не

*) Оффиціальнаго въ томъ смыслѣ, что онъ былъ процензорированъ предсѣдательствовавшимъ.

коментировали въ строгомъ смыслѣ этого слова, а дополняли лишь тезисами изъ рѣшеній главнаго Военнаго суда, ссылками на приказы и т. д.

Если эти изданія и заключали въ себѣ нѣкоторые недостатки, тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали выше, они принесли свою долю пользы, какъ всякое справочное изданіе. Въ этомъ отношеніи дѣятельность гг. Мартынова и Анисимова (оба военные юристы, одинъ—помощникъ военнаго прокурора, другой—военный слѣдователь), безъ сомнѣнія, почтенная. Съ другой стороны, взявъ въ руки изданную ими брошюру (59 стр.) мы въ началѣ отнеслись къ ней не безъ уваженія по двумъ причинамъ: Во 1) мы порадовались современности брошюры. Она появилась непосредственно за вступленіемъ въ должность новаго Главнаго военнаго прокурора и за возникновеніемъ глухихъ, на первый разъ, слуховъ о томъ, что военный судъ долженъ подвергнуться коренному измѣненію. Лично незнакомые съ авторами, мало зная объ ихъ практической дѣятельности, мы не сомнѣвались въ компетентности ихъ къ разрѣшенію смѣло постановленной задачи, въ особенности потому, что по предшедшей ихъ литературной дѣятельности заключали, что они, въ полномъ смыслѣ этого слова, знатоки дѣла, которое изучили на практикѣ и въ теоріи.

Увы, намъ пришлось разочароваться! Выставляя себя поборниками настоящаго устройства военнаго суда, посвятивъ доказательствамъ цѣлесообразности и неприкосновенности настоящей организаціи суда 29 страницъ, *) они тѣмъ не менѣе на послѣднихъ 30 страницахъ пришли къ убѣжденію о необходимости преобразованій, притомъ такихъ, которыя, не идя въ разрѣзъ съ распространившимися слухами, выказали во всей красотѣ ихъ невѣжество по отношенію къ основнымъ теоретическимъ началамъ судебной организаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и полное непониманіе практической обстановки дѣла. Такъ, напримѣръ, они придумали установленіе надзора

*) Правда, что доказательства эти были почти цѣликомъ заимствованы изъ сборника законодательныхъ работъ.

прокуроровъ за полковыми судами, децентрализацію прокурорскаго надзора, съ включеніемъ ихъ въ составъ дивизіонныхъ штабовъ; сокращеніе числа военныхъ слѣдователей, мотивируя, между прочимъ, эту мѣру и тѣмъ, что по многимъ обвиненіямъ, даже общегражданскимъ, производство предварительныхъ слѣдствій составляетъ роскошь, и сокращеніе числа военныхъ судей. Хотя г. Анисимовъ, въ качествѣ военнаго слѣдователя, и не пожалѣлъ себя, тѣмъ неменѣе прочтеніе брошюры не оставило въ насъ никакого сомнѣнія, что если и можно въ долбяшку изучить военно-судебный уставъ, знать наизусть руководящія рѣшенія Главнаго Военнаго Суда и въ тоже время разыгривать роль безкорыстныхъ защитниковъ извѣстныхъ принциповъ, причемъ доводить это безкорыстіе до самоуничтоженія, то это не мѣшаетъ быть невѣжами въ существѣ и быть ловкими эксплоататорами довѣрчивой публики. Самая своевременность выхода въ свѣтъ брошюры, по прочтеніи послѣдней, пріобрѣтаетъ другой оттѣнокъ. Авторамъ было необходимо забѣжать впередъ и на всякій случай почтительно раскланяться передъ новымъ начальствомъ. 29 первыми страницами они зажимали рты сотоварищамъ. Мы, вѣдь, не враги военного суда, напротивъ, мы поборники его. 30 послѣднихъ страницъ предназначались собственно для начальства (извѣстно, что въ началѣ, мотивомъ преобразованій выставлялась лишь необходимость сокращенія расходовъ, между тѣмъ, въ окончательномъ выводѣ, авторы сулили сбереженій на 184 т. рублей). Такимъ образомъ гг. Мартыновъ и Анисимовъ своей брошюрой били въ двѣ мишени. Разъ этотъ сокровенный умыселъ обнаруженъ, а не обнаружить его трудно, брошюра Мартынова и Анисимова представляется намъ совершенно безобидной, подобной массѣ проэктовъ, одинъ другаго нелѣпѣе, поданныхъ по начальству съ тою же цѣлью: выслужиться и отрекомендоваться.

Совершенно иной характеръ, иное значеніе имѣетъ третье, по времени выхода въ свѣтъ, изданіе, которое представляется уже не брошюрой, а многообъемистымъ сочиненіемъ (646 стр.), написаннымъ съ претензіей высказать первое и послѣднее слово въ начинающейся борьбѣ, разсѣчь своимъ авторитетомъ гор-

діевъ узелъ. Отъ подобныхъ претенціозныхъ сочиненій и требуется большаго. Къ нимъ, по справедливости, слѣдуетъ относиться строго, даже крайне строго. Мы говоримъ о сочиненіи г. Соболевскаго, озаглавленномъ *правосудіе и правовый порядокъ въ войскахъ"* *). Что это сочиненіе написано не безъ претензій, доказывается самимъ заголовкомъ и наконецъ, тѣмъ, что авторъ наименовалъ его *юридическимъ изслѣдованіемъ*.

Съ перваго взгляда покажется, что въ этихъ словахъ не заключается никакого особеннаго значенія. Между тѣмъ, на дѣлѣ не такъ. Не будь прибавлено этихъ словъ, критика могла бы требовать отъ автора лишь одного: фотографической вѣрности изображаемаго съ дѣйствительностью. Съ упомянутой прибавкой, выступаетъ впередъ и другое требованіе: *научности*.

Прочитавъ въ газетахъ объявленіе о книгѣ г. Соболевскаго и съ тѣмъ вмѣстѣ, что цѣна ей назначена 4 руб., мы не могли не заинтересоваться книгой. Судя по заглавію и цѣнѣ, указавшей на то, что въ данномъ случаѣ вышла не брошюрка, а самостоятельное сочиненіе, посвященное къ тому же новой, совершенно не разработанной въ литературѣ, тѣмъ не менѣе безусловно важной, именно въ настоящій моментъ, темѣ, мы въ виду изложенныхъ выше обстоятельствъ, при которыхъ выходъ въ свѣтъ подобнаго сочиненія представлялся мало возможнымъ, поторопились пріобрѣсти ее. Насъ не остановило въ этомъ случаѣ имя автора или, правильнѣе сказать, знаніе, что авторъ—бывшій военно-судебный дѣятель, принадлежащій къ числу *неудачниковъ*. Вѣруя въ прирожденную людямъ справедливость, мы, напротивъ, укрѣпились еще болѣе въ намѣреніи, какъ можно скорѣе ознакомиться съ книгой. Какъ ни кратковременно было служеніе г. Соболевскаго въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, сперва, въ качествѣ слѣдователя, потомъ помощ-

---

*) Въ газетныхъ объявленіяхъ къ этому заголовку прибавляется послѣ точки, слова: „Въ связи и зависимости отъ общаго порядка". Оставляя въ сторонѣ *грамотность* подобной прибавки, мы замѣтимъ, что на экземплярѣ, который мы пріобрѣли, ея нѣтъ. Впрочемъ, г. Соболевскій мастеръ рекламировать свою книгу. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ публикаціяхъ, сдѣланныхъ въ Новомъ Времени, онъ воспользовался исторіей генерала Драгомирова, чтобы предупредить публику, что его книга представляетъ доказательства общности подобныхъ случаевъ.

ника прокурора, мы полагали, что онъ имѣетъ достаточно данныхъ для ознакомленія насъ, въ особенности съ правовымъ порядкомъ въ войскахъ. Ознакомиться съ нимъ онъ могъ и по предшествовавшей своей службѣ (въ войскахъ), и какъ слѣдователь. Мы расчитывали, что этими данными онъ воспользуется, какъ слѣдуетъ, съ должнымъ достоинствомъ, съ безпристрастіемъ, съ забвеніемъ личныхъ счетовъ, съ полнымъ уваженіемъ къ высокости и современности избранной темы. Коварная прибавка, о которой мы говорили выше, или не значилась въ объявленіи, или была оставлена нами безъ вниманія.

И вотъ книга въ нашихъ рукахъ. Объемистая—тѣмъ лучше. Мы принялись за чтеніе съ громаднымъ любопытствомъ. Въ этомъ отношеніи насъ не остановила и наивность, встрѣченная на первой же страницѣ предисловія *), и безалаберность его изложенія. Мы шли все далѣе и далѣе и, странно, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, нами овладѣвало чувство утомленія. Тѣмъ не менѣе мы прочитали книгу до послѣдней страницы, смѣемъ сказать, съ одинаковымъ вниманіемъ, но читали не потому, чтобы книга насъ увлекала, а потому, что считали своимъ долгомъ прочесть ее отъ доски до доски. Сперва мы вооружились карандашемъ, чтобы дѣлать замѣтки, но вскорѣ поняли, что это будетъ трудъ напрасный и безплодный. Добравшись до послѣдней страницы, до послѣдняго слова, мы чуть, чуть не перекрестились, потому, что одолѣть подобное сочиненіе, одолѣть спокойнымъ духомъ,—это подвигъ, это высокая заслуга, въ особенности для того, кто видитъ на каждомъ шагу фальшь между строкъ и фальшь внушенную, увы, личными побужденіями, дурно или почти что не скрываемыми.

Вотъ общее впечатлѣніе, произведенное на насъ книгой Г. Соболевскаго, впечатлѣніе, оправдываемое слѣдующими данными.

По внѣшней формѣ. Скрой Г. Соболевскій свою фамилію и званіе, читая его трактатъ, мы бы имѣли полное право при-

*) Авторъ убѣжденъ, что послѣднюю войну съ Турціей мы начали съ недостаточными силами потому лишь, что повѣрили профессору Газенкампфу, напечатавшему, что военныя силы Турціи не превышаютъ 150 т. чел. О sancta simplicitas!

писать его, можетъ быть, и заслуживающему полнаго уваженія старцу, вздумавшему, въ преклонномъ возрастѣ, подѣлиться съ читающей публикой богатымъ матерьяломъ, имъ собраннымъ въ минуты кипучей дѣятельности. Не мудрствуя лукаво, не затрудняя своей мыслительной, нѣсколько ослабшей способности, излишнимъ трудомъ составленія предварительнаго плана изложенія, систематизированіемъ матерьяла, вообще какимъ либо подготовительными соображеніями, онъ выкладываетъ передъ читающей публикой свой товаръ въ томъ видѣ, въ той послѣдовательности, въ которой онъ сохранился въ умственной кладовой, онъ не отдѣляетъ лично испытаннаго и прочувствованнаго отъ слышаннаго, онъ не подвергаетъ предварительной очисткѣ и провѣркѣ накопившіеся передъ нимъ факты, пробѣлы же, которые инстинктивно чувствуетъ, восполняетъ не имѣющими ничего общаго съ основной темой анекдотами, относящимися или не относящимися къ дѣлу, разсужденіями и поученіями, не заключающими въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго *) Въ результатѣ, при богатомъ и интересномъ матерьялѣ, получается не самостоятельное изслѣдованіе, не хроника даже, а какой то необъяснимый сумбуръ фактовъ, связанныхъ на живую нитку, при чемъ читателю не остается ничего болѣе, какъ разобраться самому въ этомъ сумбурѣ. Но то, что простительно старцу, не можетъ прощено лицу, подобно нашему автору, находящемуся въ цвѣтѣ лѣтъ, выступающему, хотя и въ первый разъ, на литературное поприще, тѣмъ не менѣе имѣющему впереди себя новую, живую, современную тему, которая ему должна быть извѣстна, желающему подарить публику *юридическимъ изслѣдованіемъ*, а не простымъ сборникомъ личныхъ впечатлѣній и претендующему, чуть не на каждой страницѣ, выставить себя не только юристомъ, но воинымъ, на столько, что равнаго ему нѣтъ не только въ той средѣ дѣятельности, лѣтописцемъ которой онъ является, но даже и въ другихъ сферахъ человѣческой дѣя-

---

*) За послѣднее время, столь падкое къ историческимъ воспоминаніямъ, подобныхъ литературныхъ типовъ не мало. Зиссерманы, Завалишины и т. д.

тельности. Не обдумавъ предварительно плана сочиненія, не систематизировавъ и не очистивъ собранный матерьалъ, онъ развертываетъ его передъ читателемъ. Желая доказать свое всевѣденіе, онъ не ограничивается основной темой. Онъ трактуетъ обо всемъ, что только придетъ ему на умъ, кстати или не кстати, лишь бы доказать, что онъ компетентенъ по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ. Поставивъ себѣ основной цѣлью обругать все и вся, авторъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ капитана Копѣйкина. Попадается ему лице посторонняго вѣдомства, онъ треплетъ и его: не попадайся. Въ результатѣ многообъемность изслѣдованія, повторенія на каждой страницѣ, противорѣчія, необъяснимая путаница понятій и воззрѣній, а если прибавить къ этому тяжеловатый, не отличающійся отдѣлкою, слогъ, то весьма понятно, что читателю, для одолѣнія книги, требуется особенное напряженіе вниманія. Въ результатѣ получается крайняя расплывчатость, ослабленіе самыхъ внушительныхъ, самыхъ справедливыхъ аргументовъ. Въ доказательство приведемъ хотя бы подвиги слѣдователя С. Подвиги эти весьма близки автору, потому, что подъ буквой С. скрывается едва ли не онъ самъ. Эти подвиги представляются краеугольнымъ камнемъ сочиненія, главной боевой машиной. Благодаря этому, ссылки на подвиги появляются на каждой страницѣ. Разсказу объ этихъ подвигахъ посвящаются не строки только. Заговоритъ ли авторъ о неопытности военныхъ слѣдователей, въ примѣръ приводится дѣло слѣдователя С. Доходитъ ли очередь до прокуроровъ, является на сцену тоже дѣло. Представляя даже образъ идеальнаго слѣдователя, авторъ хватается за это несчастное дѣло. Если счесть, на сколькихъ страницахъ говорится о Г. С., сколько въ частности посвящено ему строкъ, то получится въ результатѣ, что добрая треть книги посвящена единственно ему.

Между тѣмъ, вынесетъ ли читатель, даже юристъ, какое либо цѣлостное представленіе о самомъ дѣлѣ? Сомнѣваемся. Если авторъ придавалъ ему особенное, не только характеристическое, но рѣшающее значеніе, почему бы не изложить его связно, въ видѣ хотя приложенія, включивъ въ текстъ лишь

выводы и важнѣйшіе факты. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о другихъ аргументахъ, приводимыхъ авторомъ, служащихъ ему, какъ добрый, боевой конь. Эти внѣшніе недостатки, не оставшіеся безъ вліянія на внутреннее содержаніе книги, могли бы быть объяснены и стремленіемъ автора дать сочиненію своему такой объемъ, чтобы оно не подошло подъ предварительную цензуру, и скоростью работы. Но первое предположеніе отстраняется тѣмъ, что избѣгни авторъ многословія, повтореній ни къ чему не ведущихъ, отклоненій отъ основной темы, разсужденій, плохо или совсѣмъ не вяжущихся съ дѣломъ, въ сочиненіи осталось бы тѣмъ не менѣе добрыхъ четыре сотни страницъ, т. е. такое количество печатнаго матерьяла, которое застраховало бы его вполнѣ отъ цензуры. Что касается скорости работы, то, хотя въ книгѣ есть несомнѣнныя доказательства ея *), но допущеніе ея въ серьезномъ юридическомъ изслѣдованіи, къ тому же такой первостепенной важности, ни сколько не оправдало бы автора передъ читающей публикой. Будь передъ послѣдней *не юридическое изслѣдованіе* а *очеркъ*, *опытъ*, *матерьялы* или нѣчто подобное, читатель долженъ бы былъ примириться съ указаннымъ нами недостаткомъ. Поэтому мы въ правѣ объяснить этотъ недостатокъ чѣмъ либо инымъ. Допуская впередъ до предстоящей провѣрки, что Г. Соболевскій замѣчательный юристъ, соединяющій въ себѣ и теоретическую подготовку, и практическую опытность, что онъ высоко образованный человѣкъ, подобнаго которому не найдется въ рядахъ русской арміи, мы, однако же, не можемъ не признать его первый литературный опытъ первымъ блиномъ. Мы не имѣемъ подъ руками формуляра Г. Соболевскаго, да и самъ онъ не повѣдалъ намъ, какое военно-учебное заведеніе было удостоено честью развить его умственныя и нравственныя способности, но смѣло утверждаемъ, что оно отказалось бы премировать Г. Соболевскаго, какъ литератора-юриста. Вѣроятно и Военно-Юридическая академія, давшая

*) Такъ напримѣръ, авторъ говоритъ о циркулярѣ 20-го Апрѣля 1882 г. а книга его вышла, кажется, въ Іюнѣ.

Г. Соболевскому извѣстный знакъ, если бы ей пришлось исполнить тотъ же процессъ премированія, отстранилась бы отъ этой чести, хотя въ существѣ, отъ шлифуемыхъ ею окончательно юристовъ, въ литературномъ дѣлѣ, нельзя и требовать большаго. Академія стремится создавать ораторовъ, а не писателей. Поэтому на новомъ поприщѣ—присяжнаго повѣреннаго—Г. Соболевскій займетъ достойное мѣсто.

Но съ внѣшней стороной изданія можно бы было помириться, если бы внутреннимъ содержаніемъ своимъ оно соотвѣтствовало задачѣ. Посмотримъ же на него съ этой точки зрѣнія.

Г. Соболевскій выставляетъ себя защитникомъ настоящей организаціи военнаго суда и защитникомъ настолько ярымъ, что, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, онъ мирится и съ такими недостатками этой организаціи, которые кидаются въ глаза не только юристу, но мало мало образованному человѣку. Съ этой точки зрѣнія, хотя мы лично и врагъ всякихъ преувеличеній, мы готовы бы были преклониться передъ Г. Соболевскимъ и простить ему многія вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Является вопросъ: какъ же онъ выполняетъ свою задачу? Выступивъ со своимъ сочиненіемъ въ защиту военнаго суда въ то время, когда подъ него подкапываются со всѣхъ сторонъ, онъ избираетъ пріемъ, довольно своеобразный. Онъ силится доказать, что въ нашихъ войскахъ правосудія нѣтъ и помина даже теперь, что дѣятельность нашихъ судовъ представляется насмѣшкой надъ служеніемъ Ѳемидѣ, что... но такъ какъ организація судовъ въ этомъ неповинна, то, очевидно, виновны дѣятели. И дѣйствительно, всей силой краснорѣчія онъ вооружается на послѣднихъ. Онъ выливаетъ на нихъ ушатами помои. По его понятіямъ, весь личный персоналъ военно-судебнаго вѣдомства представляется какой-то клоакой: въ рядахъ его нѣтъ ни одной свѣтлой, стоящей на высотѣ своего положенія, мало мало удовлетворяющей скромнѣйшимъ требованіямъ, личности. Онъ рисуетъ даже не пасквиль на своихъ сотоварищей, нѣтъ... Г. Соболевскому принадлежитъ честь созданія въ русской литературѣ особаго, небывалаго еще, рода произведеній. Положимъ, въ періодической печати, мы встрѣ-

чались съ доносами, но чтобы въ серьезной литературѣ, подъ фирмой *юридическаго изслѣдованія*, можно было унизиться до доноса, возможности подобнаго явленія мы не допускали. Между тѣмъ, г. Соболевскій не ограничивается выставленіемъ на видъ нравственнаго убожества своихъ сотоварищей, онъ возводитъ на нихъ юридическія обвиненія, могущія служить матерьяломъ для судебнаго преслѣдованія.

Спрашивается: на основаніи какихъ же данныхъ составленъ подобный обвинительный актъ? Въ этомъ отношеніи г. Соболевскаго нельзя обвинить въ недостаткѣ данныхъ. Онъ выставляетъ въ авангардъ свои личныя впечатлѣнія и отношенія. Дѣло слѣдователя С. выдвигается, какъ основное, тяжелое орудіе. Затѣмъ идутъ выборки изъ дѣлъ и, наконецъ, рѣшеній главнаго военнаго суда, которыя служатъ автору орудіемъ и для безобразнаго глумленія надъ дѣятельностью этого высшаго судебнаго мѣста, которое, по его словамъ, не только дезорганизуетъ ввѣренную его руководству часть, но и потворствуетъ злоупотребленіямъ и развращаетъ низшихъ дѣятелей, и орудіемъ для ознакомленія съ существомъ дѣлъ, возникавшихъ въ военномъ вѣдомствѣ, по которымъ, какъ авторъ думаетъ, можно заключить о дикости воззрѣній военныхъ прокуроровъ и судей. Независимо отъ этихъ фактическихъ данныхъ, которыя могутъ быть легко провѣрены, авторъ не останавливается и передъ неприкосновенностью домашняго очага, онъ проникаетъ и въ него, черпая все, что только можетъ послужить его основной цѣли—замарать, загрязнить, опозорить.

Чтобы не подвергнуться обвиненію въ диффамаціи или клеветѣ, фамиліи обвиняемыхъ авторъ не называетъ. Онъ ограничивается начальными буквами, но и въ этомъ случаѣ имъ не соблюдается должной осторожности, такъ какъ подъ псевдонимами Стр. и Сер. кто же не узнаетъ дѣйствительныхъ дѣятелей, а, кромѣ того, онъ проговаривается сознательно или нечаянно—это секретъ автора, но, по крайней мѣрѣ, есть счастливцы, которыхъ фамиліи приводятся вполнѣ. Авторъ не ограничивается и этимъ. Чтобы доказать всю несостоятельность теперешняго судебнаго персонала, всю абсурдность и даже пре-

ступность ихъ дѣятельности, онъ неостанавливается передъ извращеніемъ значенія приводимыхъ имъ фактическихъ доказательствъ, онъ, съ натяжкой и злонамѣренно, перетолковываетъ многія положенія В. С. Устава, а объ рѣшеніяхъ и говорить нечего.

Мы не будемъ разбирать, насколько нравственны и честны подобные пріемы, насколько соотвѣтствуютъ они основной задачѣ, предпосланной себѣ авторомъ, и характеру сочиненія, наименованнаго *юридическимъ изслѣдованіемъ.* Мы позволимъ себѣ привести лишь одно соображеніе. Г. Соболевскій, насколько намъ извѣстно, подвизался въ двухъ военныхъ округахъ: кіевскомъ и варшавскомъ. Большинство данныхъ, подобранныхъ авторомъ, извлечены имъ изъ дѣлъ этихъ судовъ, какъ болѣе ему извѣстныхъ, все, что касается личнаго характера дѣятелей, заимствовано тоже изъ тѣхъ же округовъ. Въ силу простаго закона логики, который не можетъ быть безъизвѣстенъ автору, и какъ юристу, и какъ образованному человѣку, можно ли отъ десятка, двухъ, трехъ фактовъ извѣстной окраски заключать о томъ, что эти факты составляютъ общее достояніе судебной дѣятельности, отъ личнаго характера и недостатковъ, присущихъ двумъ, тремъ десяткамъ людей одной профессіи, заключать о нравственной неблагонадежности всего сословія. Авторъ не можетъ въ этомъ случаѣ сослаться на то, что онъ не оставилъ безъ вниманія и дѣятелей прочихъ судебныхъ округовъ, такъ какъ во 1) подобныхъ, чуждыхъ кіевскому и варшавскому округамъ примѣровъ, онъ приводитъ очень немного, а во 2) и въ примѣръ то онъ беретъ наиболѣе скандальныя, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, дѣла, которыя, поэтому, не могутъ дать основанія никакому общему выводу.

Охарактеризовавъ самыми мрачными, самыми невозможными красками *правосудіе*, доказавъ съ своей точки зрѣнія, отсутствіе его въ войскахъ, г. Соболевскій, по отношенію къ правовому порядку въ войскахъ, доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ—чего только? трудно сказать, безобразія или клеветы? Читая нѣсколько десятковъ страницъ, посвященныхъ имъ этой

послѣдней темѣ, ужасаешься, ужасаешься не за состояніе войскъ, какъ оно ни ужасно по описанію автора, а за самаго автора. Положимъ, съ своими прямыми, вчерашними еще сотоварищами, авторъ нашелъ возможнымъ, не стѣсняясь публичностью представленія, свести кое какъ личные разсчеты, положимъ, въ этомъ случаѣ, его перомъ водила не святая истина, а исключительно желчь, что же побудило и руководствовало авторомъ при написаніи послѣднихъ страницъ? Читать ихъ, повторяемъ, страшно. Если вѣрить автору, войска наши продолжаютъ пребывать въ томъ же состояніи крѣпостничества, въ которомъ они были не только въ крымскую войну, но даже за долго до нея. Если вѣрить автору, то въ войскѣ и теперь вы встрѣтите съ одной стороны въ начальникахъ, отъ фельдфебелей до высшихъ включительно, какихъ то азіатскихъ деспотовъ, самодуровъ, сознательныхъ преступниковъ, такъ какъ ежедневно, ежечасно, на каждомъ шагу, они нарушаютъ основные, предписанные имъ законы и ставятъ выше всего свои личные интересы.

Въ офицерахъ авторъ видитъ неучей въ полномъ смыслѣ этого слова, лакеевъ отъ пятокъ до головы, людей, не понимающихъ своего собственнаго достоинства, а слѣдовательно, не ставящихъ въ грошъ достоинство массы, отъ нихъ зависящей. Самая масса—это илоты, предоставленные въ жертву самодурству, лакейству, эксплоатаціи. Если вѣрить автору, войска стоятъ въ какомъ то невообразимомъ, безъисходномъ положеніи. Почеркомъ своего могучаго пера авторъ покончилъ совершенно, снесъ съ лица земли, вырвалъ изъ свитковъ исторіи, все предшествующее 26-лѣтнее царствованіе, столь обильное реформами именно въ военномъ бытѣ, реформами, тѣмъ болѣе, знаменательными, что онѣ исходили непосредственно отъ Вѣнценосннаго вождя арміи, столь близко знавшаго нужды войскъ и посвятившаго улучшенію ихъ быта, дѣйствительному, а не фиктивному, не мало личныхъ заботъ. Если даже допустить, что эти заботы остались только на бумагѣ, то спрашивается, что же дѣлали, чего же смотрѣли тѣ довѣренныя отъ Государя лица, которыхъ обязанностью было прилагать къ дѣлу

предъуказанныя Имъ реформы. Какимъ бы хладнокровіемъ и пессимизмомъ не обладалъ читатель, но читая упомянутыя нами страницы, онъ невольно выкинетъ книгу изъ рукъ, и кровь застынетъ въ его жилахъ. До такой степени картина, рисуемая авторомъ, представляется безобразной и съ тѣмъ вмѣстѣ невѣроятной. Но гдѣ же доказательства? Приводитъ ли ихъ авторъ? Еще бы, пріемъ тотъ же. О личныхъ впечатлѣніяхъ умалчивается, да и откуда ихъ взять? Предположимъ, что авторъ, до поступленія въ академію, былъ 6 лѣтъ въ строевой службѣ; положимъ, что каждогодно онъ перемѣнялъ по 4 полка. Слѣдовательно, при самомъ благопріятномъ разсчетѣ, онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ 24 офицерскими обществами, съ такимъ же числомъ полковыхъ командировъ, 6 начальниками дивизій, 3 даже корпусными командирами, близко подходящими къ обрисованнымъ имъ типамъ. Въ 24 офицерскихъ обществахъ было до 1,500 офицеровъ неучей и, въ полномъ смыслѣ этого слова, негодяевъ. Но въ русской арміи не 1½ т. офицеровъ, а за 30 т., не 24 полковыхъ командира, а чуть ли не 200, не 6 начальниковъ дивизій, а по крайней мѣрѣ 50. Какое же значеніе могутъ имѣть личныя впечатлѣнія автора? Онъ выдвигаетъ въ доказательство, какъ и прежде, особыя, выдающіяся скандальныя дѣла, производившіяся въ судахъ, при чемъ, положимъ, оговаривается: до суда, говоритъ онъ, благодаря потворству военныхъ начальниковъ, лакейству прокуроровъ, дошла лишь 1/10 часть подобнаго рода дѣлъ. Допустимъ, что это такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Въ каждой профессіи есть люди, не стоящіе на высотѣ своего призванія, могутъ быть и преступники. Но отсюда не слѣдуетъ же заключать, что весь кругъ лицъ, занимающихся одной и той же профессіей—кандидаты на каторгу

Мы охарактеризовали внутреннее содержаніе книги. Провѣрить правильность нашей характеристики легко. Стоитъ только взять въ руки книгу и не читать ея, а только перелистывать. Мы готовы поступиться вопросами о томъ: насколько честны, насколько нравственны употребленные авторомъ пріемы. Мы спросимъ только: насколько имъ достигнута цѣль? Если

цѣлью г. Соболевскаго было единственно опозореніе цѣлаго вѣдомства, къ которому онъ не за долго принадлежалъ, цѣлое сословіе лицъ, къ которымъ онъ принадлежитъ и теперь, титулуясь подполковникомъ русской арміи, то, пожалуй, передъ легковѣрными читателями, передъ людьми извѣстныхъ воззрѣній, готовыми принять на вѣру всякую хулу и порицаніе существующаго порядка, онъ и достигъ этой цѣли. Если же, сочиняя свое изслѣдованіе, онъ имѣлъ въ виду другую, болѣе практическую и плодотворную цѣль — отстоять военно судебную организацію, то онъ поступилъ измѣннически, покушаясь провалить ее іезуитски, безчестно, онъ выгналъ защитниковъ ея изъ послѣднихъ окоповъ и выдалъ ихъ на избіеніе не только головой, но связанныхъ по рукамъ и ногамъ, т. е. лишенныхъ всякихъ средствъ къ самооборонѣ.

Въ доказательство этого, а равно для окончательнаго обрисованія нравственнаго облика автора, мы могли бы сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ книги, въ особенности тѣхъ, въ которыхъ, разыгрывая рыцаря правды, онъ, съ откровенностью, старается вложить въ ротъ начальству, что судъ стоитъ даже теперь и долженъ стоять выше его и что защитники военныхъ судовъ, старающіеся убѣдить ихъ въ противномъ, врутъ и насмѣхаются надъ ними, но не сдѣлаемъ этого потому, что въ положительной части книги г. Соболевскаго, къ доводамъ, имъ приводимымъ, за судъ и противъ него, мы будемъ имѣть случай обратиться въ своемъ мѣстѣ, а отрицательная, критическая не заслуживаетъ подобнаго цитированія.

Покончивъ съ характеристикой книги вообще, намъ остается взглянуть, на сколько г. Соболевскій добросовѣстенъ въ своихъ выводахъ, на сколько онъ самъ представляется и высокообразованнымъ вообще и юристомъ въ частности, на сколько, наконецъ, въ вопросѣ, имъ поднятомъ и поставленномъ ребромъ, разрѣшенномъ не безъ храбрости и мужества, онъ можетъ считаться судьей компетентнымъ.

Высокая образованность г. Соболевскаго видна изъ слѣдующихъ, положимъ, мелкихъ, тѣмъ не менѣе знаменательныхъ фактовъ.

Герой, выставляемый г. Соболевскимъ, идеальный слѣдователь С, по разсказу автора, подвергся слѣдующей непріятности. Предсѣдатель суда дозволилъ себѣ намекнуть ему о безтактности поведенія. Имѣлъ ли право предсѣдатель дѣлать подобное напоминаніе или нѣтъ, но авторъ, съ крайней горечью, распространяется о поводѣ къ подобному напоминанію. Поводомъ къ тому послужило то обстоятельство, что Г. С., живя въ губернскомъ городѣ и бывъ особенно рекомендованъ губернатору, не только не сдѣлалъ визита ему, не только не постарался сблизиться съ обществомъ, но, даже, когда онъ посѣтилъ съ женой общественное собраніе, то счелъ себя въ правѣ высказать дерзости распорядителю танцевъ или вечера, за то, что послѣдній, исполняя свою обязанность, неоднократно предлагалъ супругѣ Г. С. представить ей кавалеровъ. Помилуйте, вопіетъ авторъ, слѣдователь, по закону, самостоятельное лицо. Онъ не подчиняется никому. Какіе тутъ визиты, какое тутъ сближеніе съ обществомъ, какія тутъ свѣтскія приличія и, въ особенности, по отношенію къ дѣятелю, который не смотря на высокое свое положеніе, заботится о мелочи: о сближеніи общества, о сплоченіи его и т. д. Не правда-ли: оригинальное воззрѣніе на самостоятельность, на приличія! Такъ я вспоминается судебный слѣдователь, явившійся къ губернатору, для служебныхъ обязанностей, въ полушубкѣ и на вопросъ губернатора, почему онъ не одѣлся приличнѣе, отвѣчавшій: другой, болѣе соотвѣтственной формы для объясненій съ вами, у меня нѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ, рисуя безправность офицеровъ передъ начальствомъ, авторъ глумится надъ слѣдующимъ подмѣченнымъ имъ фактомъ. Сидитъ офицеръ въ обществѣ рядомъ съ женой. Подходитъ генералъ. Офицеръ долженъ встать, уступить стулъ и удалиться. Но какъ же иначе, г. Соболевскій? Не только въ военномъ, но и гражданскомъ быту, гдѣ только сходятся мало-мало образованные люди, въ подобномъ положеніи уступаютъ стулъ не изъ раболѣпства, не изъ лакейства, а изъ вѣжливости. Конечно, уступая свой стулъ, поищешь другаго, чтобы сѣсть. Въ замѣченномъ фактѣ, если онъ истиненъ, излишне одно: нѣтъ обязанности

удаляться и, если въ данномъ случаѣ не представлялось особенныхъ причинъ, зависѣвшихъ отъ чисто личныхъ отношеній, мужъ, конечно, не удалился-бы. Какъ ни мелочны оба эти факта, какъ ни мало они имѣютъ отношенія къ темѣ, разрабатываемой авторомъ, но по отношенію къ личности его самаго, въ качествѣ мѣрила общаго развитія лица, на нихъ останавливающагося, а съ тѣмъ вмѣстѣ—пониманія имъ начала самостоятельности, они характеричны. Много-бы выиграло военно-судебное вѣдомство въ общественномъ мнѣніи, если-бы дѣятели его заразились воззрѣніями г. Соболевскаго.

Высшее образованіе г. Соболевскаго не возвысило его, однако, надъ уровнемъ самыхъ пошлыхъ понятій, которыя когда-то были присущи и гг. офицерамъ.

Извѣстенъ тотъ антагонизмъ, который, въ доброе старое время, существовалъ между военнымъ сословіемъ и гражданскимъ, въ особенности въ средѣ молодежи. Толкнуть штатскаго (штафирку), нанести ему ни съ того, ни съ сего дерзость—считалось не молодечествомъ даже, а обязанностью. Слава Богу, это старое время прошло. Этотъ антагонизмъ сохранился развѣ только въ глуши, въ провинціи, между старыми служаками, изъ породы бурбоновъ. Но г. Соболевскій не освободился отъ этого рода воззрѣній. Въ силу ихъ онъ злобно нападаетъ на гражданскихъ дѣятелей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, онъ преслѣдуетъ ихъ на столько яростно, что, указывая на какой-либо безобразный протестъ или обвинительный актъ, онъ заботливо подчеркиваетъ (поданъ, предъявленъ гражданскимъ дѣятелемъ). Г. Соболевскій посвящаетъ нѣсколько страницъ на доказательство, что все зло въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, уклоненіе военно-судебныхъ дѣятелей отъ своего назначенія, изчезновеніе правосудія—все это непосредственное послѣдствіе допущенія въ военно-судебное вѣдомство гражданскихъ дѣятелей. Этотъ походъ противъ нихъ, конечно, прикрывается нѣкоторыми доводами, такъ, напримѣръ, военный судъ существуетъ для военныхъ, слѣдовательно, въ немъ нѣтъ мѣста для гражданскихъ чиновъ, чтобы относиться сознательно къ дѣятельности, предстоящей военно-судебнымъ дѣятелямъ,

необходимы спеціальныя познанія, которыя не могутъ усвоить гражданскіе и т. д.

Слѣдуютъ доказательства; но какія-же?

При разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніи обязанностей караульной службы, въ особенности для разграниченія общихъ обязанностей отъ особенныхъ, необходимо, по мнѣнію автора, усвоить себѣ понятіе „сдачи". Во 1-хъ, отвѣтимъ мы: понятіе сдачи не играетъ въ этомъ отношеніи никакой роли. По закону и по практикѣ главнаго военнаго суда, общія обязанности караульной службы отличаются отъ таковыхъ-же спеціальныхъ лишь тѣмъ, что первыя предполагаютъ отступленіе отъ общихъ правилъ, точно перечисленныхъ въ уставѣ гарнизонной службы, вторыя же, т. е. спеціальныя обязанности предполагаютъ такія правила, которыя созданы спеціально для того или другаго караула. Такъ, напримѣръ, если часовой, при конвоированіи арестантовъ, заснетъ,—онъ нарушитъ общую обязанность, если-же онъ, не имѣя на то права, сниметъ кандалы съ конвоируемаго, — это будетъ нарушеніе спеціальной обязанности. Курить часовому вообще воспрещено, но если, поставленный спеціально къ пороховому погребу, или сопровождающій пороховой транспортъ, дозволитъ себѣ курить, то онъ можетъ быть признанъ нарушителемъ спеціальныхъ обязанностей, во 2-хъ, мы не имѣли чести принадлежать къ военному сословію, тѣмъ не менѣе понятіе о сдачѣ и многомъ другомъ, указываемомъ авторомъ, нами было усвоено безъ всякихъ затрудненій, и въ 3-хъ, въ практикѣ военныхъ судовъ, на сколько мы знаемъ, если и путались понятія объ обѣихъ категоріяхъ нарушеній караульной службы, то въ этой путаницѣ оказывались повинными и военные суды, которые, присуждая нарушителей спеціальныхъ обязанностей къ наказаніямъ, назначеннымъ нарушителямъ общихъ, дѣлали это часто изъ снисхожденія къ подсудимому, что и побудило главный военный судъ признать за судами полное право переходить отъ одного наказанія къ другому.

„Практика главнаго военнаго суда, говоритъ авторъ, оставляющая желать весьма многаго, вся есть результатъ дѣятельности

штатскихъ: штатскіе въ военно-судебномъ вѣдомствѣ занимаютъ или занимали положеніе наиболѣе вліятельное", между тѣмъ, по увѣренію автора, они, эти штатскіе рекрутировались изъ аудиторовъ. Авторъ не примиряется даже съ принципомъ допущенія гражданскихъ лицъ въ военно-юридическую академію. Порядочный человѣкъ, сознающій свое достоинство, говоритъ г. Соболевскій, не пойдетъ въ военно-судебное вѣдомство. Пойдутъ въ него однѣ отпѣтыя личности, „плохо кончившія курсъ университета, отброски общества" (подлинныя слова автора стр. 40). Объ этомъ послѣднемъ аргументѣ, какъ крайне недостойномъ и по отношенію къ молодымъ людямъ, изъ которыхъ многіе продолжаютъ состоять на службѣ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и по отношенію къ самому вѣдомству, службу въ которомъ г. Соболевскій сравниваетъ съ грязью, мы, конечно, распространяться не будемъ, хотя могли бы, впрочемъ, не въ силу личнаго удостовѣренія, а въ силу слышаннаго нами, возразить г. Соболевскому, что упрекъ, имъ дѣлаемый гражданскимъ чинамъ, съ не меньшей основательностью, можно бы было примѣнить и къ гг. военнымъ, поступившимъ въ военно-судебное вѣдомство, отнюдь не по призванію къ нему, не потому, чтобы они были лучшими „въ своей средѣ" (стр. 43), а потому, что, напротивъ, въ полку, въ строевой службѣ они, по обстоятельствамъ, вынуждены были къ выходу: въ этомъ случаѣ военно-юридическая академія, доступъ въ которую и теперь легче, чѣмъ въ какую-либо другую, служила средствомъ спасенія.

Но гдѣ-же и въ чемъ усмотрѣлъ г. Соболевскій, во 1-хъ, что въ главномъ военномъ судѣ орудуютъ исключительно штатскіе? Въ подготовительныхъ работахъ — да; но эти подготовительныя работы составляютъ особенность, свойственную исключительно военно-кассаціонному процессу, вслѣдствіе чего сравнивать кассаціонную инстанцію послѣдняго съ кассаціонными департаментами сената не представляется возможности. Законъ требуетъ, чтобы каждое дѣло вносилось въ главный военный судъ съ письменнымъ заключеніемъ главнаго военнаго прокурора.

Разъ составленіе этихъ заключеній въ видѣ проэкта вопро-

совъ, обязательно, весьма естественно, что пришлось заготовлять въ канцеляріи особыя записки изъ дѣла, такъ какъ безъ нихъ невозможно бы было редактировать письменно же заключенія. Если этотъ порядокъ сложенъ, не соотвѣтственъ, въ чемъ мы готовы согласиться, отмѣните законъ, но пока онъ существуетъ, порядокъ долженъ быть исполняемъ. Но заготовляемыя канцеляріей записки и основанныя на нихъ письменныя заключенія главнаго военнаго прокурора, нисколько не стѣсняютъ главный военный судъ (чему, т. е. постановленію самостоятельныхъ рѣшеній было не мало примѣровъ), а въ немъ, т. е. въ главномъ судѣ на 7 штатныхъ членовъ (включая председателя) было только временно 3 гражданскихъ, постоянно же бываетъ два; слѣдовательно большинство и большинство рѣшающее—на сторонѣ военныхъ. Или авторъ, удостовѣряя ложный фактъ, руководствуется въ этомъ случаѣ раздѣленіемъ, проведеннымъ имъ же на стр. 42, по которому добрая половина служащихъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ за то только, что они старики, перечисляются въ сонмъ неспособныхъ. Будь раздѣленіе это правильно и примѣнимо даже къ Главному Военному Суду, оно должно быть всецѣло отнесено и къ гражданскимъ членамъ суда,—тоже старикамъ, съ другой же стороны, нельзя же, при существованіи извѣстнаго закона (В. С. Уст.) насадить въ Главный Военный Судъ исключительно гг. Соболевскихъ. При всемъ уваженіи къ молодымъ дѣятелямъ, мы думаемъ, что отъ участія ихъ въ кассаціонной дѣятельности, практика Главнаго Военнаго Суда не много бы выиграла; во 2) Если исключить бывшаго Главнаго Военнаго Прокурора (о Товарищахъ его мы умалчиваемъ, такъ какъ, по самому положенію своему, они не могли вліять на вѣдомство), какія же такія вліятельныя мѣста занимали гражданскіе чины? Въ военныхъ судахъ ихъ было по одному, но объ особенной вліятельности ихъ мы не слыхали. Скорѣе и справедливѣе сказать, что они играли не завидную роль, являясь вообще въ судебныхъ засѣданіяхъ лишь подручными военныхъ судей, а внѣ судебныхъ засѣданій чернорабочими, такъ какъ на ихъ долю выпадало въ однихъ судахъ составлять расчеты судебныхъ издержекъ, въ дру-

гихъ помогать предсѣдателямъ въ надзорѣ за канцеляріей. Если же мѣстами тѣ и другія лица, изъ занимавшихъ подобныя должности, и выступали впередъ, то это зависѣло уже не отъ легальной обстановки ихъ мѣстъ, а отъ личныхъ достоинствъ. О прокурорахъ и слѣдователяхъ мы умалчиваемъ: если первые въ своей сферѣ дѣятельности, и пользовались извѣстнымъ вліяніемъ на подчиненныхъ имъ, то на общій ходъ дѣла по вѣдомству вліять они не могли, а о вліяніи на кого либо или что либо слѣдователей—смѣшно и говорить. Самъ г. Соболевскій нарисовалъ крайне непривлядное положеніе слѣдователей, причемъ эта картина относится безразлично къ слѣдователямъ и изъ гражданскихъ чиновъ и изъ военныхъ. За симъ, если Г. Соболевскій и выводитъ, что въ общемъ числѣ служащихъ по военно-судебному вѣдомству, на 135 военныхъ, числилось 315 гражданскихъ, то, для большей ясности этихъ цифръ, ему бы не мѣшало показать: сколько изъ числа послѣднихъ занималось въ канцеляріяхъ Главнаго Военно Судебнаго. Управленія, судовъ и прокуроровъ, тогда выяснилось бы: сколько пришлось на ихъ долю, если не вліятельныхъ, то видныхъ мѣстъ и сколько чисто канцелярскихъ *). Или толкуя о вліятельности граждан-

*) Надо замѣтить что, и по отношенію къ цифрѣ, г. Соболевскій, не могъ не подоврать. Къ 10 ноября, дню празднованія 50-ти лѣтія со дня правильной обстановки военно-юридическаго образованія въ Россіи, «Русскій Инвалидъ» (№ 249), напечаталъ слѣдующую таблицу окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, дававшихъ упомянутое образованіе и состоящихъ нынѣ изъ этихъ лицъ на службѣ.

НАИМЕНОВАНІЕ ПЕРІОДОВЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ ШКОЛЫ.	Число выпущенныхъ.	Состоитъ на службѣ.
1) Аудиторская школа. (1832—1846) (курсъ отъ 4 до 6 лѣтъ).	142	3
2) Аудиторское училище (1846—1867) (курсъ отъ 8 до 5 лѣтъ).	354	102
3) Военно-юридическое училище. (1866—1876) (3-хъ лѣт. курсъ) и	283	108
Военно-юридическая академія. (1867—1876) (2-хъ лѣт. курсъ).	242	117
4) Военно-юридическая академія (1878—1882) (3-хъ лѣт. курсъ).	69	53
Всего	1,090	383

Оказывается, что вообще во 1) въ числѣ 1090 человѣкъ, хотя и было только

скихъ чиновъ, г. Соболевскій имѣетъ въ виду начальниковъ отдѣленія Главнаго Военно Суднаго Управленія, но и въ этомъ отношеніи онъ сильно ошибается, такъ какъ при бывшемъ Главномъ Военномъ Прокурорѣ, который работалъ самъ, о постороннемъ на него вліяніи не могло быть и рѣчи. Правда, подъ словомъ вліяніе можно понимать извѣстное кумовство въ назначеніяхъ, но по отношенію къ прокурорамъ г. Соболевскій самъ его отвергаетъ, вооружаясь на признанное за ними право избирать самимъ себѣ помощниковъ; что касается остальныхъ мѣстъ, то если бы и существовало кумовство, то это явленіе обыденное, котораго не чуждо никакое вѣдомство. Г. Соболевскій ничѣмъ не доказалъ, чтобы это свойство не было присуще и военнымъ дѣятелямъ. Въ 3) въ числѣ гражданскихъ чиновъ служили не все аудиторы стараго покроя. Такъ въ Главномъ Военно Судномъ Управленіи изъ 4 Начальниковъ Отдѣленій двое были университетскихъ, изъ четырехъ перемѣнившихся, въ теченіи 8 лѣтъ товарищей Главнаго Военнаго Прокурора, одинъ только изъ аудиторовъ, въ массѣ же прочихъ гражданскихъ дѣятелей было не мало вышедшихъ изъ военно-юридическаго училища, а это училище, по отношенію къ специальному юридическому образованію, было обставлено не хуже военно-юридической академіи.

Не можемъ не привести еще замѣчательнаго аргумента, приводимаго авторомъ въ доказательство непригодности гражданскихъ дѣятелей. Какъ ни бѣдно талантами военно-судебное вѣдомство, говоритъ авторъ, тѣмъ не менѣе, въ средѣ военныхъ, въ немъ подвизавшихся, есть люди, выдающіеся своей дѣятельностью. Таковъ Розенгеймъ поэтъ, Навродскій, писатель и журналистъ, Владиміровъ, профессоръ. писатель и журналистъ, Мушниковъ, Шендзиковскій, Мельницкій, соучаство-

276 военныхъ, но на службѣ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ состоятъ нынѣ изъ гражданскихъ чиновниковъ лишь 234, что довольно далеко отъ приводимаго г. Соболевскимъ отношенія, въ частности, во 2) воспитанниковъ аудиторской школы перваго образца осталось лишь 3, изъ аудиторскаго училища хотя служатъ 102, но значеніе этаго факта умаляется тѣмъ, что одновременно состоятъ на службѣ 108 воспитанниковъ военно-юридическаго училища и около 21-го лица, прошедшихъ черезъ военно-юридическую академію.

вавшіе въ соисканіи ученой степени; Середа, какъ составитель руководства для полковыхъ судовъ и временныхъ судей; гр. Сиверсъ, какъ составитель оффиціальнаго сборника тезисовъ и т. д. Ну те ка вы, взываетъ авторъ къ гражданскимъ дѣятелямъ военно-судебнаго вѣдомства, выступайте на смотръ, выставляйте на линію своихъ выдающихся дѣятелей. Авторъ отвѣчаетъ самъ же на этотъ призывъ указаніемъ на Анисимова и Мартынова, къ которымъ вообще онъ относится свысока и съ крайнимъ презрѣніемъ. Какъ ни смѣшонъ, какъ ни несостоятеленъ этотъ аргументъ, мы можемъ замѣтить по поводу его, что списокъ военныхъ, приведенный авторомъ не полонъ. Не упомянуто о Максимовѣ, о Бѣгичевѣ, какъ талантливомъ живописцѣ. Съ другой стороны, если составители руководствъ причисляются авторомъ къ числу выдающихся дѣятелей, то, съ неменьшимъ основаніемъ можно указать на г. Томсена, какъ составителя не однихъ руководствъ, но не мало потрудившагося надъ облегченіемъ военнымъ юристамъ средствъ къ ознакомленію съ иностранными законодательствами, на Якубова, которому принадлежитъ починъ изданія рѣшеній Гл. В. Суда; на... но, вообще, если бы г. Соболевскаго не обуялъ духъ партіи, ему бы слѣдовало, прежде чѣмъ приводить подобный аргументъ, вспомнить: на сколько условія службы гражданскихъ дѣятелей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ благопріятствовали самостоятельной литературной дѣятельности. Въ спискѣ военныхъ, имъ приведенномъ, красуются военные судьи, прокуроры, члены главнаго военнаго суда, т. е. лица, пользующіеся большей или меньшей самостоятельностью и, сравнительно говоря, матеріальнымъ достаткомъ, между тѣмъ, гражданскіе дѣятели, какъ мы сказали выше, въ большинствѣ занимаютъ низшія, подчиненныя должности, при скудномъ содержаніи, побуждающемъ ихъ думать не о литературной извѣстности, а о насущномъ хлѣбѣ. Что же касается справедливо цѣнимыхъ г. Соболевскимъ работъ гр. Сиверса, то что бы сказалъ онъ, г. Соболевскій, если бы зналъ, что работы эти выходили въ свѣтъ, не прежде разсмотрѣнія ихъ въ особой коммиссіи, въ которой участвовали, о, ужасъ! тѣ же на-

чальники кассаціонныхъ отдѣленій Главнаго Военно Суднаго Управленія. Мы сами были свидѣтелемъ, какъ гр. Сиверсъ, благодарилъ ихъ за содѣйствіе, ему оказанное, признаваясь великодушно, что безъ него трудъ его былъ бы неудаченъ. Этимъ, т. е. способомъ разработки кодекса тезисовъ—и объясняется, что сравнительно съ подобными же изданіями частныхъ лицъ, хотя бы Мартынова и Анисимова, сводъ гр. Сиверса выходилъ полнѣе, законченнѣе, хотя мы и не считаемъ его безусловно совершеннымъ.

Разъ вступивъ на скользкую почву полемики съ г. Соболевскимъ мы чувствуемъ, что можемъ увлечься, такъ какъ въ книгѣ его нѣтъ ни одной страницы, которая не вызывала бы возраженій, но затронувъ спеціальный вопросъ объ обстановкѣ военно-судебнаго вѣдомства, къ тому же съ спеціальной цѣлью показать: на сколько даже въ этомъ вопросѣ г. Соболевскій является добросовѣстнымъ и знающимъ человѣкомъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ еще слѣдующихъ фактовъ имъ указанныхъ и явныхъ противорѣчій, имъ допущенныхъ. 1) г. Соболевскій старается увѣрить, что всѣ 4 отдѣленія, полагавшіяся въ Главномъ Военно Судномъ Управленіи, существовали для Главнаго Военнаго Суда. Какъ онъ умолчалъ еще о канцеляріи? На дѣлѣ же кассаціонныхъ отдѣленій было два (теперь одно: начальникъ отдѣленія съ помощникомъ и тѣмъ же числомъ столоначальниковъ), 3 отдѣленіе занималось докладомъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ старомъ порядкѣ, т. е. не имѣющихъ никакого соотношенія къ кассаціонной дѣятельности, въ 1-мъ была сосредоточена переписка по законодательнымъ вопросамъ и масса другихъ дѣлъ, тоже не относящихся къ кассаціонной дѣятельности. Наконецъ забыто, что Главное Военно Судное Управленіе, само по себѣ взятое, представлялось отдѣльнымъ учрежденіемъ, въ которомъ, независимо отъ переписки Главнаго Военнаго Суда, сосредоточивалась и инспекторская часть всего вѣдомства и вся переписка военнаго министра по судебнымъ дѣламъ.

2) На стр. 43 Г. Соболевскій, утверждая, что гражданскимъ покровительствовалъ бывшій Главный Военный Проку-

роръ, между прочимъ, въ доказательство защищаемой имъ темы, ссылается на фактъ, какъ онъ говоритъ, удостовѣренный ему будто бы профессорами военно-юридической академіи. Этотъ фактъ—закрытіе военно-юридическаго училища. На сколько справедливо первое заявленіе,—мы разсуждать не будемъ, высказавъ лишь одно, что бывшій Главный Военный Прокуроръ, на сколько намъ извѣстно, никогда не отличался духомъ партіи, если же на нѣкоторыя должности, какъ, напримѣръ, слѣдователей, онъ предпочиталъ назначать гражданскихъ, то, въ силу твердо сложившагося въ немъ убѣжденія, въ справедливости котораго и намъ удалось убѣдиться фактически, что на должности слѣдователей гражданскіе чины гораздо способнѣе. И дѣйствительно: кромѣ пресловутаго Г. С., выставляемаго авторомъ, и о подвигахъ котораго мы говорили, да Г. Мельницкаго (да проститъ послѣдній подобное сопоставленіе), мы бы затруднились указать изъ военныхъ выдающагося слѣдователя, между тѣмъ надъ многими изъ нихъ возбуждались дисциплинарныя производства. Положимъ, и въ средѣ гражданскихъ слѣдователей военнаго вѣдомства, попадались не соотвѣтствующіе этому званію, но это зависѣло отъ особенности выбора, излишней снисходительности къ ихъ дѣятельности, отсутствію дѣльнаго и постояннаго надзора за ними и т. д.

Что касается втораго заявленія, то мы дозволяемъ себѣ опровергнуть его категорически. Военно-юридическое училище было закрыто не потому, чтобы оно не удовлетворяло требованіямъ спеціальнаго вѣдомства, которому оно служило подготовительной школой. Странно бы было требовать отъ гражданскихъ дѣятелей, занимающихъ, какъ мы указали, по большей части, второстепенныя мѣста, университетскаго образованія, дополненнаго спеціальнымъ, когда высшія, первостепенныя мѣста занимали бы исключительно Г.г. офицеры, которые, что ни говори, а при настоящей обстановкѣ военно-юридической академіи, получаютъ общее юридическое образованіе, далеко не соотвѣтствующее понятію университетскаго, и спеціальное военно-юридическое въ размѣрахъ не большихъ, предлагавшагося воспитанникамъ военно-юридическаго училища. Послѣднее приш-

лось закрыть въ виду настоятельныхъ требованій, предъявлявшихся къ Военному Министерству о сокращеніи расходовъ, при чемъ Министерству не оставалось ничего болѣе, какъ изъ двухъ золъ выбрать наименьшее, такъ и потому, что военно-юридическое училище, относительно правъ, было поставлено на столько высоко, что оно привлекало массу воспитанниковъ, при чемъ съ одной стороны, многіе изъ нихъ, окончивъ курсъ, не посвящали себя военно-судебной дѣятельности, а переходили въ другія вѣдомства; такъ что для этой категоріи дѣятелей, В. М-ву не было основаній тратить свои средства, съ другой стороны, по отношенію посвящавшимъ себя спеціальной дѣятельности, число ихъ оказывалось не соотвѣтственнымъ размѣру остававшихся свободными мѣстъ. Вообще надо замѣтить, что, если въ началѣ, встрѣчалась, правильно или неправильно, потребность въ значительномъ контингентѣ дѣятелей, соотвѣтственно чему и приданы были довольно широкіе размѣры военно-юридическому образованію, то опытъ показалъ безусловную ошибочность этого расчета. Условія службы гражданскихъ дѣятелей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ таковы, что они не способствуютъ послѣдовательному обновленію силъ. Дѣйствительно, если Гг. офицеры, посвящающіе себя этого рода дѣятельности, могутъ, путемъ послѣдовательнаго возвышенія, достичь не только прокурорскихъ мѣстъ, но мѣстъ военныхъ судей, предсѣдателей, даже членовъ Главнаго Военнаго Суда, то дѣятелямъ гражданскимъ предстоялъ расчетъ лишь на прокурорскія мѣста, и развѣ гражданскихъ членовъ суда, но на сколько вѣроятны были шансы полученія таковыхъ мѣстъ, можно заключить изъ того, что, въ теченіи 15 лѣтъ, хотя прокурорскія ваканціи и очищались, но гражданскимъ чиновникамъ удалось замѣстить таковую лишь два раза (исключительно на Кавказѣ), да и это замѣщеніе было сдѣлано сперва гражданскимъ военнымъ судьей, а потомъ изъ состава служащихъ въ Главномъ Военно Судномъ Управленіи, что же касается мѣстъ гражданскихъ военныхъ судей, значительно болѣе обезпечивающихъ, то, въ теченіи того же періода времени, ихъ не очистилось ни одного. Но на подобныя мѣста могли расчитывать изъ гражданскихъ чиновниковъ, лишь зани-

мавшія активныя должности, что же касается злосчастныхъ канцелярій, а также кандидатовъ—этихъ паріевъ военно-судебнаго вѣдомства, то на какія же повышенія они могли расчитывать? Мы знаемъ столоначальниковъ Главнаго Военно Суднаго Управленія, даже получившихъ университетское образованіе, которые, въ теченіи десятка лѣтъ, сидятъ въ однѣхъ и тѣхъ же должностяхъ, ожидая у моря погоды. На какое же повышеніе могутъ расчитывать прочіе канцелярскіе труженики? Изъ кандидата въ помощники секретаря, а изъ помощниковъ въ секретари,—это высшее мѣсто, дающее содержаніе въ тысячу руб., при массѣ неблагодарнаго труда. Знаетъ ли Г. Соболевскій, что есть кандидаты, которые заняли эти мѣста, еще въ 1867 году, и продолжаютъ занимать ихъ теперь. Можетъ быть, при новыхъ вѣяніяхъ, ихъ погонятъ; что же? достойно и праведно. Сперва за штатъ, а, въ крайнемъ случаѣ пенсія, соотвѣтствующая окладу жалованья въ 600 руб. При такой обстановкѣ службы, удержать военно-юридическое училище, значило бы играть молодыми людьми и наполнять канцеляріи причисленными, маня ихъ надеждой когда-нибудь, лѣтъ черезъ пятокъ или десятокъ, получить мизерное, денежное вознагражденіе. Такимъ образомъ, закрытіе военно-юридическаго училища, представлялсь мѣрой справедливой въ существѣ, вызвано было не какими либо особенными тенденціями, а необходимостью и правильнымъ, математическимъ расчетомъ. Г. Соболевскій не могъ не знать этихъ обстоятельствъ, а разъ онъ зналъ ихъ, но умолчалъ и дозволилъ себѣ, вопреки очевидности, доказывать, что въ военно-судебномъ вѣдомствѣ гражданскіе чиновники занимали и занимаютъ привиллегированное положеніе, то является полная возможность вывести заключеніе объ его добросовѣстности. Г. Соболевскій можетъ намъ возразить во 1) что же побуждало гражданскихъ чиновниковъ, въ прямую невыгоду себѣ, корпѣть на неблагодарныхъ мѣстахъ, закрывая путь болѣе свѣжимъ силамъ? Достойные изъ нихъ, конечно, могли бы переходить въ другія вѣдомства? На первое мы отвѣтимъ—не матерьяльный интересъ. На второе,—что можно быть весьма достойнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе не обладать геніальными

способностями и быть лишеннымъ неоцѣненнаго счастія—имѣть тетушекъ и бабушекъ или соотвѣтственную протекцію. Въ 2) Г. Соболевскій можетъ указать намъ на примѣры Гг. офицеровъ, стоявшихъ въ подобномъ же положеніи. Но на этотъ аргументъ мы отвѣтимъ, что долгое и, сравнительно, очень долгое выжиданіе Гг. офицерами соотвѣтственныхъ мѣстъ вполнѣ согласно съ закономъ. Нѣтъ же возможности выпущенныхъ изъ военно-юридической академіи тотчасъ сажать на видныя мѣста. Пусть Г. Соболевскій, за исключеніемъ первоначальныхъ назначеній, укажетъ намъ хотя одного гражданскаго чиновника, даже университетскаго образованія, который былъ бы посаженъ тотчасъ же на видное мѣсто въ военно-судебномъ вѣдомствѣ. Или Г. Соболевскій думаетъ, что практическія упражненія, производящіяся въ военно-юридической академіи, подъ руководствомъ Г. Владимірова, эта комедія, серьезно разыгрываемая, можетъ замѣнить практическую подготовку, необходимую для каждаго юриста, расчитывающаго на занятіе самостоятельнаго мѣста, при занятіи котораго ему придется распоряжаться участью людей. Но, кромѣ того, Гг. офицеры, выжидающіе мѣстъ, имѣютъ то преимущество передъ гражданскими чиновниками, что они получаютъ хотя небольшое матерьяльное вознагражденіе, а вѣдь гражданскимъ чиновникамъ не предстоитъ и этого подспорья. Наконецъ, кто же мѣшаетъ Гг. офицерамъ возвращаться, и получивъ военно-юдпдическое образованіе, къ своимъ частямъ до открытія соотвѣтственныхъ вакансій? Не указанное ли нами выше обстоятельство о сокровенныхъ причинахъ, вынуждающихъ весьма многихъ изъ нихъ бѣжать подъ спасительную сѣнь военно-юридической академіи, не тѣ ли самыя соображенія, которыя, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, ставили въ безисходное положеніе, по истеченіи 6 мѣсячнаго срока, Гг. временныхъ судей, въ виду того, что въ это званіе назначались не *лучшіе* люди, а тѣ, которыхъ начальство предпочитало сбыть съ рукъ?

Но чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, хотя и имѣющимъ тѣсную связь съ темой, нами разрабатываемой, но трудно разрѣшаемымъ для лицъ, не одаренныхъ такою храбростію, какъ

Г. Соболевскій, мы скажемъ ему, что первый признакъ обладанія высшимъ общимъ образованіемъ заключается въ способности владѣть собою, а тѣмъ болѣе своимъ перомъ, и остерегаться обобщеній, всегда крайне невыгодныхъ, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ личныхъ достоинствъ.

Мы бы помирились съ его воззрѣніями, если бы онъ во 1) не увлекаясь пошлымъ духомъ сословности, охактеризованномъ нами выше, ограничился бы поставленіемъ или принципіальнаго вопроса или, по крайней мѣрѣ, перешелъ на практическую, болѣе цѣлесообразную, почву. Противъ принципіальнаго вопроса о томъ, есть ли надобность военносудебному вѣдомству въ гражданскихъ юристахъ, какъ получившихъ, такъ и не получившихъ дополнительное, специальное образованіе, можно высказаться и pro, и contra. Г. Соболевскій можетъ находить это участіе лишнимъ. Мы же можемъ думать, что умѣренный процентъ гражданскихъ юристовъ, но нѣсколько иначе обставленныхъ, не повредилъ бы и въ будущемъ военно-судебному вѣдомству, такъ какъ имѣемъ фактическое основаніе заключать, что, какъ ни плодотворны попеченія профессоровъ, подобныхъ Беклюдовымъ и Кавелинымъ, тѣмъ не менѣе, еще долгое время, для гг. военныхъ юристовъ Уложеніе о наказаніяхъ и вообще наши гражданскіе кодексы останутся камнемъ преткновенія. Вообще хорошо ли и достаточно ли обставлено даже военно-юридическое образованіе—можно еще спорить. Что мы не антагонистъ послѣдняго, доказательствомъ можетъ служить то, что мы твердо убѣждены въ пользѣ, которую могли бы принести наши военные юристы даже на поприщѣ строевой службы; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы арміи были безполезны и люди съ университетскимъ образованіемъ, будутъ ли они носить военную форму или форму, присвоенную гражданскимъ чинамъ военнаго вѣдомства. Не было періода въ нашей арміи, чтобы гражданскіе чины не принимали участія въ дѣятельности высшихъ военныхъ учрежденій. Канкрины, Философовы, чтобы ни говорили о нихъ, когда они сошли со сцены, стяжали достойную извѣстность трудами своими на пользу военнаго вѣдомства, а то, что достойно лю-

бой отрасли военной администраціи, то не можетъ быть недостойно суда, какъ одной изъ отраслей той же администраціи. Наконецъ, мы не только помирились бы, но, пожалуй, согласились бы съ г. Соболевскимъ, еслибы онъ ограничился замѣчаніемъ, что система назначеній въ военно-судебное вѣдомство была не совсѣмъ безошибочна, не свободна отъ увлеченій, пожалуй, даже фаворитизма. Допуская, изъ уваженія къ истинѣ, подобную замѣтку, мы бы добавили ее тѣмъ, что подобная ошибочность въ назначеніяхъ допускалась одинаково и по отношенію къ гражданскимъ чинамъ, и по отношенію къ военнымъ: и въ той и другой средѣ можно указать субъектовъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ своему предназначенію. При подобной постановкѣ вопроса, г. Соболевскому не пришлось бы прибѣгать къ недозволительнымъ натяжкамъ, и въ то же время, впадать въ противорѣчія. Между тѣмъ, что же мы находимъ въ его книгѣ? Охаявъ на всѣ манеры своихъ сотоварищей-штатскихъ, изломавъ десятки копій на доказательства, что ими испорченъ судъ и что единственное спасеніе для послѣдняго—освободиться отъ штатскихъ, какъ же характеризуетъ онъ, черезъ нѣсколько страницъ, своихъ военныхъ сотоварищей? Онъ рисуетъ ихъ еще болѣе мрачными красками, въ нихъ онъ находитъ даже такіе недостатки, которыхъ не усматриваетъ въ ненавистной ему категоріи штатскихъ. Кому же послѣ того ввѣрить будущность военнаго суда? Какъ же можно удостовѣрять, что Ѳемида, въ военномъ вѣдомствѣ, опозорена исключительно гражданскими дѣятелями? Очевидно, что виноваты обѣ стороны, а при равенствѣ вины, необходимо къ обѣимъ сторонамъ примѣнять одинаковыя сужденія. Мало того: обрисовавъ офицерскую среду самыми ужасными красками, доказывая, что въ этомъ виновата система воспитанія, г. Соболевскій тѣмъ не менѣе не ограничивается призывомъ въ судъ военныхъ юристовъ, но преклоняется передъ временными судьями, назначаемыми изъ этой же не образованной, даже гнусной, по его описанію, среды. Онъ идетъ еще далѣе: онъ находитъ возможнымъ поручить имъ функціи присяжныхъ засѣдателей, но во 1) если настоящіе военные юристы in corpore, не годны,

а между тѣмъ, въ средѣ ихъ есть и молодые дѣятели, то откуда же выйдутъ лучшіе? Разсчитывать на измѣненіе основныхъ началъ военнаго образованія, если и можно и желательно, то результаты преобразованія скажутся не скоро, а пока они скажутся, откуда же взять подходящихъ военныхъ юристовъ?

Во 2) восхищаясь временными судьями, г. Соболевскій, если онъ говоритъ это искренно, доказываетъ этимъ разсужденіемъ опрометчивость огульнаго осужденія настоящаго персонала офицеровъ, т. е. бьетъ самъ себя. Онъ неможетъ возразить на этотъ выводъ тѣмъ, что во временные судьи идутъ лучшіе люди, потому, что самъ же указываетъ на произвольныя, недобросовѣстныя дѣйствія въ этомъ отношеніи начальниковъ, ихъ выбирающихъ. Но, кромѣ того, въ этомъ аргументѣ г. Соболевскаго заключается явная неправда, такъ какъ мы могли бы привести не мало фактическихъ доказательствъ тому, что большинство приговоровъ, создавшихъ суду не малое количество враговъ, и дѣйствительно не выдерживающихъ критики, исходило отъ тѣхъ же временныхъ судей, которые, имѣя передъ собой одного юриста-предсѣдателя, пользуясь перевѣсомъ голосовъ, вносятъ и вносили въ святое дѣло отправленія правосудія, личные взгляды и предубѣжденія. Если почему либо они чувствуютъ нерасположеніе къ возбудившему дѣло начальнику, прокатить его, кричать они, и оправдываютъ подсудимаго. Товарищу по мундиру, т. е. офицеру, судящемуся даже за безобразныя преступленія, они постараются дать снисхожденіе, а нижнему чину,—тому нѣтъ пощады. Намъ случалось видѣть не мало писемъ предсѣдательствовавшихъ въ судахъ къ Главному Военному Прокурору, въ которыхъ они, въ виду безобразнаго рѣшенія, заявляли, что въ примѣненіи закона о наказаніи или въ редакціи приговора, они сдѣлали намѣренно упущенія, чтобы дать поводъ прокурору протестовать, а Главному Военному Суду возможность кассировать производство. Одно подобное, вопіющее дѣло побудило даже Главный Военный Судъ придумать, не выдерживающій критики, кассаціонный поводъ. Фактъ, который мы констатируемъ, печальный (мы къ нему еще вернемся); но причина

его совершенно не та, которую вообще выставляетъ г. Соболевскій, характеризуя вообще офицеровъ. Если же мы привели его, то единственно, какъ доказательство путаницы понятій со стороны автора, извращенія истины и противорѣчій, которыя онъ себѣ дозволяетъ. Между тѣмъ, какъ мы указали выше, г. Соболевскій признаетъ возможнымъ приравнять временныхъ судей къ присяжнымъ засѣдателямъ, т. е. дать имъ безконтрольную власть надъ судьбой подсудимаго, а военнымъ юристамъ отводитъ роль лишь примѣнителей закона.

Но вѣнецъ всѣхъ этихъ противорѣчій, не оставляющій никакого сомнѣнія, что цѣль автора было подарить публику не юридическимъ изслѣдованіемъ, а исключительно пасквилемъ, заключается на 612 стр. „Мы высказываемся, говоритъ авторъ, за отдѣльный судъ военный: *въ этомъ военномъ судѣ штатскіе дѣятели возможны въ качествѣ прокуроровъ, слѣдователей*“. Правда, что эти слова сопровождаются оговоркой „если только будетъ гарантія, что эти статскіе придутъ въ военный судъ не потому, что они ни къ чему другому неспособны“, а такъ какъ по разсужденію автора, разсчитывать на это нельзя, то „по необходимости“ военный судъ долженъ составиться исключительно изъ военныхъ. Какой же сумбуръ понятій въ головѣ высоко образованнаго автора! Какой логикой отличаются всѣ его выводы! Для чего же, спрашивается, написанъ десятокъ страницъ, на которыхъ доказывалось, что штатскимъ дѣятелямъ нѣтъ мѣста въ военныхъ судахъ? Очевидно, изъ узкой, грязной, недостойной высоко образованнаго человѣка цѣли печатно насмѣхаться надъ корпораціей штатскихъ дѣятелей.

Мы бы могли покончить съ этимъ первымъ пунктомъ не возраженія, а анализа размѣровъ общаго образовательнаго ценза автора, но чтобы не возвращаться къ этой темѣ еще разъ, мы дозволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее заключительное замѣчаніе.

Въ помойномъ ушатѣ, который соблаговолилъ авторъ вылить на весь персоналъ военно-судебнаго вѣдомства, можно выловить нѣсколько крупинокъ горькой правды, но, съ вы-

соты общечеловѣческаго, гуманнаго развитія, можно ли было къ этой правдѣ отнестись такъ безпощадно строго, какъ это сдѣлалъ авторъ? Считая себя высоко образованнымъ человѣкомъ, стоящимъ головой выше не только всего синклита военныхъ юристовъ, но даже всѣхъ военноначальниковъ нашей арміи, не долженъ ли былъ авторъ, если не оправдать эти недостатки, то путемъ строгаго анализа замѣченнаго имъ печальнаго явленія, путемъ обобщенія ли, путемъ ли сопоставленія съ условіями времени, постараться разъяснить корень этихъ недостатковъ, при чемъ ему открылось бы тотчасъ же, что источникъ ихъ кроется нѣсколько глубже, что его надо искать не въ личныхъ достоинствахъ людей, а внѣ ихъ. Мы уже признали, что вслѣдствіе ошибочности назначеній, въ военно-судебное вѣдомство, въ оба противопоставляемыхъ авторомъ отдѣла: штатскихъ и военныхъ, вкрались, можетъ быть, личности не соотвѣтствующія и грязненькія. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Процентъ подобныхъ лицъ, за всѣ 15 лѣтъ, былъ на столько незначителенъ, что опаршивить, какъ говоритъ пословица, все стадо они не могли, тѣмъ болѣе, что и вліяніе подобныхъ личностей не могло быть на столько ощутительно, чтобы они внесли, какъ удостовѣряетъ авторъ, разрушеніе во всю систему правосудія. Если отстранить это явленіе, въ чемъ же мы можемъ упрекнуть современный военно-судебный персоналъ. Во 1-хъ, въ нѣкоторой халатности отношеній къ спеціальной высокой дѣятельности, выпавшей на ихъ долю, и во 2-хъ, въ излишней, заходящей за предѣлы законности, угодливости властямъ предержащимъ. Но первое явленіе—свойственно-ли одному военно-судебному вѣдомству, не одинаково-ли оно развито во всѣхъ отрасляхъ служебной дѣятельности, какъ государственной, такъ и общественной. Это печальная болѣзнь, требующая мѣръ цѣленія, но во 1-хъ, общихъ, а во 2-хъ, не изъ той фармакопеи, которой придерживается г. Соболевскій. По отношенію къ военно-судебному вѣдомству, мы можемъ сказать, что если, черезъ наши руки и проходилъ рядъ приговоровъ, свидѣтельствовавшихъ о халатномъ отношеніи къ дѣлу, то мы не можемъ, говоря по совѣсти, указать

хотя на одинъ, который указалъ-бы преступное соотношеніе воли, который-бы свидѣтельствовалъ о грязныхъ побужденіяхъ. Г. Соболевскій, рядомъ приводимыхъ имъ примѣровъ, силился доказать противное, но, если бы имѣть терпѣніе анализировать всѣ, указанные имъ частные примѣры, мы увидали-бы въ каждомъ или небрежность, или недостаточное пониманіе дѣла, или, наконецъ, присутствіе такихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ, съ идеальной точки зрѣнія, хотя и представляется фактомъ печальнымъ, но объясняется особой обстановкой военнаго суда. Что касается другаго, намѣченнаго авторомъ и нами не отвергаемаго, присущаго военно-судебнымъ дѣятелямъ, недостатка, то г. Соболевскій, не будь онъ поглощенъ одними личными побужденіями, долженъ бы былъ знать, что подобное соотношеніе къ военному начальству было поставлено въ обязанность военно-судебнымъ дѣятелямъ, хотя и внѣ закона, но въ силу необходимости, какъ единственный способъ къ укрѣпленію системы, справедливость и высокость которой сознавали и сознаютъ весьма немногіе, даже теперь, послѣ 15 лѣтняго опыта и блистательнаго испытанія, которому подверглась система въ военное время. Существованіе подобныхъ убѣжденій въ сферѣ правосудія, съ идеальной точки зрѣнія, конечно, немыслимо, но вините въ этомъ не исполнителей, а самую обстановку жизни, побуждающую приносить въ жертву самые дорогіе и священные принципы, изъ самосохраненія. Надо ближе знать тайны военно-судебнаго вѣдомства, чтобы постичь если не законность, то неизбѣжность приложенія къ военно-судебной дѣятельности народной поговорки о ласковомъ теленкѣ. Надо знать всѣ тѣ доносы, говоримъ положительно, доносы, которые сыпались на военно-судебную дѣятельность, чтобы понять, на сколько была необходима не только осторожность дѣйствій, но, въ извѣстной мѣрѣ, предупредительность. Мы пояснимъ причины этого въ своемъ мѣстѣ, дозволимъ себѣ привести лишь одинъ примѣръ, доказывающій, какимъ запасомъ змѣиной мудрости и проницательности должны были обладать тѣ, которымъ выпала многотрудная роль быть охранителями дѣтища, ими взлелѣяннаго. Производилось

одно дѣло-офицерское, можно сказать вопіющимъ порядкомъ. Обвиняемый былъ преданъ суду по дознанію, дознаніе-же, несмотря на домогательства прокурорской власти и самаго суда, въ моментъ приготовительныхъ распоряженій, не было сообщено военнымъ начальствомъ. Требованіе о предъявленіи дознанія было заявлено и подсудимымъ на судѣ. Что оставалось дѣлать послѣднему? Могъ-ли онъ въ виду закона и при глубокомъ сознаніи правоты требованія отречься отъ разсмотрѣнія дѣла. Г. Соболевскій разсѣкъ-бы этотъ узелъ просто. Вѣдь поучаетъ-же онъ прокуроровъ средству обходить законъ, повелѣвающій имъ не входить въ пререканіе съ начальствомъ, кольскоро начальство требуетъ преданія суду *). Весь персоналъ прокурорскаго надзора судебнаго округа, въ которомъ произошелъ подобный казусъ, въ силу другаго закона, не дозволяющаго принуждать прокурора къ обвиненію противъ совѣсти, долженъ, говоритъ г. Соболевскій, отказаться отъ поддержки дѣла на судѣ; дѣло отстранится само собою и начальству будетъ дано внушительное поученіе. На сколько практиченъ подобный способъ, — предоставляемъ судить читателямъ, даже и не военнымъ. Въ случаѣ, о которомъ мы говорили, судъ не придержался этого спасительнаго совѣта, зная очень хорошо, что нарушеніе, имъ допускаемое, будетъ обжаловано и, конечно, поведетъ къ отмѣнѣ производства. И совершилось, сознаемся, вопіющее дѣло. На сцену выступилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, инквизиціонный процессъ. Подсудимому предъявлялся пунктъ обвиненія, отъ него требовалось оправданіе. Онъ ссылался на письменныя доказательства, имѣющіяся въ дознаніи: ему говорили, дознанія у насъ нѣтъ. Предъявляйте другое оправданіе. Въ результатѣ—не только осужденіе, но присужденіе къ наказанію, нельзя сказать, чтобы мягкому. Справедливость заставляетъ, однако, замѣтить, что дѣло, о

*) Г. Соболевскій по видимому не имѣлъ въ виду, что тоже начало проведено и въ общихъ судебныхъ уставахъ, такъ какъ пререканія между прокурорами и начальствомъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, могутъ возникнуть не изъ *преданія суду* виновнаго, а изъ того, что начальникъ не согласится предать суду обвиняемаго, вопреки заключенія прокурора.

которомъ идетъ рѣчь, принадлежало къ числу тѣхъ, исключительно свойственныхъ военному быту, въ которыхъ нанесшій тяжкое оскорбленіе начальнику оправдывается тѣмъ, что возводитъ на начальника рядъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ по хозяйственной, строевой и инымъ частямъ (подобныхъ обвиненій судъ, конечно, не можетъ разсматривать и даже принимать въ основаніе при рѣшеніи дѣла объ оскорбителѣ). Какъ-бы то ни было, приговоръ, при подобной обстановкѣ, поступаетъ въ Главный Военный Судъ. Главный Военный Прокуроръ даетъ ему направленіе такое: не кассируя производства, онъ указываетъ на ошибку въ примѣненіи закона о наказаніи, съ цѣлью поставить судъ въ такое положеніе, чтобы при вторичномъ постановленіи приговора, онъ уменьшилъ наказаніе даже не до минимума, въ законѣ положеннаго, но до нулеваго, если можно такъ выразиться. И судъ вполнѣ оправдалъ ожиданія: подсудимому назначено было такое наказаніе, которое не помѣшало ему перейти въ другой округъ и, какъ кажется, продолжать службу до сихъ поръ. Интересно лишь слѣдующее: на замѣчаніе, какъ-же можно пропускать вопіющее нарушеніе, Главный Военный Прокуроръ отвѣчалъ, а что будетъ, „если, не смотря на точное указаніе Главнаго Военнаго Суда, „дознаніе все таки не будетъ сообщено суду. Я предвижу, „прибавилъ онъ пророчески, что и при томъ направленіи, ко„торое я предлагаю, это дѣло не останется безъ извѣстныхъ „послѣдствій“. И дѣйствительно: не прошло полугода, а дѣло это было указано въ одномъ коллективномъ доносѣ, какъ живое доказательство, на сколько даже Главный Военный Судъ подкапывается подъ дисциплину. Г. Соболевскій указываетъ, между прочимъ, на знаменитое дѣло Роговскаго и Бланка, но знаетъ ли онъ тотъ фактъ. что военно-окружное начальство просило о рѣшеніи, которое состоится въ Главномъ Военномъ Судѣ, телеграфировать, когда же рѣшеніе состоялось, оно высказало откровенно, что, при всякомъ иномъ рѣшеніи, оно.... можетъ быть, заявило бы, передъ кѣмъ слѣдуетъ, что, при поблажкахъ, даваемыхъ Главнымъ Военнымъ Судомъ, не мыслимо существованіе арміи. Въ виду этихъ примѣровъ, а ихъ можно привести сотню,—

можно-ли ставить въ упрекъ даже Главному Военному. Суду неустойчивость въ его взглядахъ, тѣмъ менѣе, ставить упрекъ низшимъ дѣятелямъ, если они подчиняясь тому же вліянію, пересаливали свою угодливость. Положимъ, всѣ указываемые нами доносы, всѣ попытки парализировать судъ, если не разрушить его, при бывшемъ военномъ министрѣ, оставались безъ послѣдствій, но можно ли было ручаться за это? Г. Соболевскій съ братьей могутъ возразить, но всѣ эти попытки, отзывавшіяся на практикѣ извращеніемъ святости закона, основныхъ началъ правосудія, и принесеніемъ въ жертву отдѣльныхъ личностей, не привели однакоже къ желанному результату. Военный судъ — на волоскѣ и инициатива изуродованія его идетъ отъ того же военнаго начальства, которое ублажали цѣною собственнаго достоинства. Печальный результатъ, конечно, — но чтобы было, если бы военно-судебные дѣятели прежняго времени, отвергнувъ лозунгъ, даваемый свыше, пошли по стопамъ современнаго Донъ-Кихота — Г. Соболевскаго, если-бы они затѣяли открытый бой съ начальствомъ? За подобные рыцарскіе поступки масса лицъ подверглась бы карѣ, военный судъ, ими представляемый, не просуществовалъ бы и 15 лѣтъ; вмѣсто незначительнаго, сравнительно, процента пострадавшихъ, при этой системѣ, страдала бы вся масса военно-служащихъ, а защитники военно-судебной системы, въ ея настоящемъ видѣ, не имѣли бы въ своихъ рукахъ и аргументовъ противъ разрушителей, ополчившихся на судъ. При этомъ, можно ли утвердительно сказать, что инициатива разрушенія военнаго суда, умышленнаго теперь, принадлежитъ военному начальству, напротивъ, мы имѣли случай слышать недавно отъ одного высокопоставленнаго, въ военной іерархіи, лица, который, не скрывая, что онъ былъ когда то врагомъ военно-судебной организаціи, нынѣ дѣйствующей, ознакомившись съ судомъ ближе, убѣдился въ пригодности этой организаціи. „Въ ней есть несовершенства, прибавилъ онъ, но гдѣ, въ чемъ же ихъ не бываетъ?“ „Военный судъ, сказалъ намъ другой, тоже высокопоставленный командиръ, я не нахожу нужнымъ стѣснять. „Онъ сдерживаетъ насъ въ разумныхъ границахъ“. Надо при-

помнить, что вышло изъ бури, поднятой годъ тому назадъ, по поводу не военнаго суда, а всей организаціи арміи, кто явился защитникомъ системы?

Наконецъ, не мѣшало бы вспомнить, что наиболѣе дѣятельными сотрудниками разрушенія военныхъ судовъ представляются не военные начальники (объ участіи ихъ въ приготовительныхъ работахъ, что-то не слышно), а-horribile dictu—Гг. профессора. Чтобы г. Соболевскому прибавить пятокъ другой страницъ къ своей книгѣ и постараться объяснить намъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, странный фактъ! Не интересы же военно-строевой службы руководятъ этими почтенными личностями, а уже если они, при всемъ своемъ самостоятельномъ положеніи, признали за благо сдѣлать подобную диверсію, то можно ли обвинять, даже въ излишней уступчивости, военно-судебныхъ дѣятелей, имѣющихъ не меньшее основаніе дорожить выпавшими на ихъ долю мѣстечками.

Мы сказали выше, что въ вынужденной угодливости военному начальству, военно-судебные дѣятели нѣсколько пересаливали.

Но суть въ томъ, въ чемъ видѣть это пересаливаніе? Мы готовы согласиться съ г. Соболевскимъ, что судъ, вставшій, во время судебнаго засѣданія, при входѣ командующаго войсками въ округѣ, пересолилъ, но, съ другой стороны не можемъ оправдать и того прокурора изъ военныхъ, который, на замѣчаніе предсѣдательствовавшаго, что онъ долженъ допрашивать старшаго въ чинѣ стоя, дозволилъ себѣ не только не подчиняться этому требованію, установленному, если не закономъ, то практикой, но даже, въ присутствіи допрашиваемаго и посторонней публики, вступить въ пререканіе съ предсѣдательствовавшимъ и доказывать ему, что онъ не имѣетъ права предъявлять подобное требованіе. Мы вполнѣ присоединяемся къ г. Соболевскому, когда онъ осуждаетъ военнаго слѣдователя, дозволившаго себѣ, въ угоду генералу, отнять стулъ у свидѣтельницы, тѣмъ не менѣе не поставимъ въ вину предсѣдательствующему, что онъ, будучи полковникомъ и замѣтивъ, что экспертъ генералъ-лейтенантъ, дозволилъ себѣ давать объ-

ясненія суду сидя, вмѣсто публичнаго ему внушенія, на которое имѣлъ полное право, сдѣлалъ перерывъ и попросилъ присутствовавшаго въ залѣ председателя суда, тоже генералъ-лейтенанта, объяснить эксперту, какъ слѣдуетъ держать себя на судѣ. Мы отказываемся признать за лакейство и униженіе собственнаго достоинства, то, что слѣдователь, хотя и внѣ закона, по требованію начальника, даетъ ему справку изъ дѣла, такъ какъ въ этомъ, кромѣ удовлетворенія простой вѣжливости, вреда нѣтъ; но съ другой стороны, мы не можемъ оправдать того слѣдователя (изъ военныхъ), который дозволяетъ себѣ факты, добытые слѣдствіемъ и позорящіе обвиняемаго, прежде, чѣмъ онъ преданъ суду, оглашать въ городскомъ саду. Мы заботливо избѣгаемъ всякаго сравненія дѣятелей военно-судебныхъ съ дѣятелями общихъ судовъ, но смѣемъ думать, что если бы губернаторъ или архіерей обратился къ судебному слѣдователя за справкой о производящемся дѣлѣ, и онъ бы далъ ее; то вся корпорація судебныхъ дѣятелей едва ли бы возстала на подобнаго слѣдователя. Между тѣмъ, г. Соболевскій съ негодованіемъ говоритъ о военномъ слѣдователѣ, удовлетворившемъ подобное требованіе со стороны генералъ-губернатора, причемъ, такъ какъ подобный случай могъ произойти либо въ Кіевскомъ, либо въ Московскомъ округѣ, то г. Соболевскому слѣдовало-бы пояснить, по какому дѣлу было допущено подобное нарушеніе: если по дѣлу политическому, то оно не заключало въ себѣ ничего непонятнаго. Нѣкоторые прокуроры въ военныхъ судахъ приняли за правило, въ исключительныхъ дѣлахъ, могущихъ вызвать недоразумѣнія съ военнымъ начальствомъ, лично разъяснять имъ, а смотря по положенію начальника, и докладывать ему дѣло, предварительно дачи по немъ заключенія. Лакейство, закричалъ бы г. Соболевскій. Нѣтъ не лакейство, скажемъ мы, а практическій пріемъ, который въ большинствѣ случаевъ, приводилъ къ прекраснымъ результатамъ, такъ какъ имъ отстранялись происки подчиненныхъ лицъ, а ими въ большинствѣ случаевъ, были аудиторы старой школы, съ тѣмъ вмѣстѣ, 9 дѣлъ изъ десяти получали правильное, вполнѣ соотвѣтственное существу, направленіе, результатъ ко-

тораго на бумагѣ едва ли можно было достигнуть. Но продолжать эти цитаты мы считаемъ совершенно лишнимъ. Сказаннаго достаточно, чтобы безпристрастный читатель могъ вывести заключеніе о раціональности и жизненности многихъ аргументовъ, приведенныхъ авторомъ и доказывающихъ, по нашему мнѣнію, что въ немъ отсутствуютъ основные признаки обще образованнаго человѣка, да и откуда было набраться ихъ г. Соболевскому. Вѣдь при самомъ снисходительномъ отношеніи къ нему, можно признать его человѣкомъ: *не отъ міра сего.*

Посмотримъ теперь, на сколько г. Соболевскій — юристъ, какъ вообще, такъ и въ частности, военный юристъ. Существующее между военно-судебнымъ уставомъ и общимъ сродство на столько велико, что при всемъ желаніи раздвоить въ этомъ отношеніи личность г. Соболевскаго, достичь этого нельзя. Въ матерьялахъ для подобнаго анализа недостатка не будетъ. Г. Соболевскій, и въ качествѣ праведнаго судьи настоящаго, и въ качествѣ провозвѣстника новыхъ началъ для будущаго, не скупится на юридическіе выводы и поученія.

Вся задача въ выборѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдить въ этомъ отношеніи шагъ за шагомъ за авторомъ, не представляется никакой возможности.

Мы видѣли, какъ понимаетъ г. Соболевскій самостоятельность отдѣльныхъ дѣятелей, по отношенію къ отдѣльнымъ же лицамъ властью обреченнымъ и общественнымъ условіямъ. Забвеніе всякихъ общественныхъ условій, элементарныхъ правилъ вѣжливости—вотъ что совѣтуетъ онъ своимъ сотоварищамъ. О подчиненности не можетъ быть и рѣчи. Памятуйте, говоритъ онъ, законъ, подчиняющій васъ за нарушеніе судейскихъ обязанностей Главному Военному Суду, а за прочія служебныя нарушенія Военному Министру, и пренебрегайте прочими начальствующими лицами. Оказывать уваженіе командующимъ войсками... помилуйте, это раболѣпство, лакейство... Очевидно, что милѣйшій и либеральнѣйшій авторъ нашъ позабылъ ст. 181 Св. Воен. Пост. 1869 г. (изд. 2-го), книги XXIV. Но независимо отъ того, что существуетъ или не существуетъ на этотъ предметъ категорическій законъ, представимъ себѣ такой слу-

чай: военный судья въ общественномъ собраніи, въ присутствіи командующаго войсками въ округѣ, напивается пьянъ и совершаетъ безобразія. Ужели командующій войсками въ подобномъ случаѣ долженъ быть пассивнымъ зрителемъ и ограничиться донесеніемъ Военному Министру?

Являясь поборникомъ самостоятельности суда, г. Соболевскій не менѣе оригинально понимаетъ этотъ отвлеченный принципъ. Не говоря уже о томъ, что онъ признаетъ за судомъ, рѣшающимъ дѣла по существу, право истолковывать законы, авторъ глумится надъ судами, что они въ дѣлахъ о выдачѣ прогоновъ и т. п. чисто хозяйственныхъ или контрольныхъ, обращаются за разъясненіями къ подлежащимъ административнымъ учрежденіямъ. Судъ, убѣждаетъ авторъ, долженъ рѣшать *все* самостоятельно. Какъ ни неоспоримъ принципъ самостоятельности суда, но онъ примѣнимъ лишь въ томъ случаѣ, когда касается дѣлъ или вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ непосредственно зависитъ отъ суда. Иначе, т. е. слѣдуя теоріи г. Соболевскаго, мы дойдемъ до слѣдующаго абсурда. Усумнится военный судья въ томъ, въ какой формѣ быть на томъ или другомъ торжественномъ собраніи. Обыкновенный смертный пошелъ бы справиться въ штабъ, но послѣдователь юридическихъ доктринъ г. Соболевскаго внесетъ свое сомнѣніе въ распорядительное засѣданіе суда, который, въ силу той же теоріи, рѣшитъ его самостоятельно, по собственному убѣжденію, а если попадется въ просакъ, то съ гордостью отвѣтитъ даже командующему войсками: мы такъ рѣшили, наше рѣшеніе вошло въ законную силу, обжаловано вами быть не можетъ, а потому оставьте насъ въ покоѣ. Рисуя себѣ образъ идеальнаго суда, г. Соболевскій представляетъ его себѣ учрежденіемъ безпочвеннымъ, пребывающимъ на воздухѣ, не имѣющимъ ничего общаго съ землей и подчиняющимся исключительно строгому праву и началу справедливости. Подобный идеалъ, съ точки зрѣнія теоріи, не выдерживаетъ критики, разъ эта самая теорія допускаетъ, въ составъ суда, присяжныхъ засѣдателей, какъ равноправныхъ членовъ, предоставляя ихъ безапелляціонному рѣшенію участь подсудимаго и не тре-

буя отъ нихъ, чтобы они исключительно руководствовались началами строгаго права и отвлеченной справедливости. Какъ же приложить эти начала къ организаціи военнаго суда, представляющаго изъ себя одинъ изъ органовъ военной администраціи, существующаго при войскахъ и для войскъ? Можетъ-ли судъ, при подобной обстановкѣ, стоять внѣ арміи, какъ нѣчто самостоятельное, никому не подчиняющееся и игнорирующее всякія требованія военной службы и руководствующееся исключительно началами строгаго права и справедливости? Не значитъ ли это, поставить рядомъ со строевой властью, другую, почти что безаппеляціонную, безконтрольную, повелѣвающую.

Между тѣмъ, самъ же г. Соболевскій признаетъ необходимымъ дополнить учрежденіе военнаго суда включеніемъ въ его составъ института присяжныхъ. Остается недоумѣвать передъ такой прогрессивностью юридическихъ воззрѣній автора.

Г. Соболевскій вооружается всей силой краснорѣчія противъ установившагося въ военно-судебной практикѣ принципа о томъ, что приговоръ не компетентнаго суда не имѣетъ силы. Что за абсурдъ! восклицаетъ онъ. Въ этомъ отношеніи достается и Сенату, установившему своей практикой тотъ же принципъ. Въ доказательство абсурдности его, г. Соболевскій приводитъ частный примѣръ казака, перенесшаго уже наказаніе и потянутаго къ суду вновь черезъ три года. Во всѣхъ ли случаяхъ, восклицаетъ онъ, можетъ быть сдѣланъ зачетъ наказанія? Вотъ первый примѣръ неосуществимости того идеальнаго суда, который рисуетъ г. Соболевскій. Съ точки зрѣнія строгаго права не можетъ быть и сомнѣнія, что приговоръ не компетентнаго суда ничтоженъ самъ по себѣ, строгое же приложеніе этого принципа можетъ, въ частныхъ случаяхъ, сопровождаться и несправедливостью и стѣсненіями. Что же касается аргумента о невозможности зачета извѣстнаго рода наказаній, то подъ категорію подобныхъ наказаній подходитъ тѣлесное, сохранившееся у насъ для штрафованныхъ, въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ военныхъ тюремъ. Всякій юристъ вывелъ бы изъ этого факта одно заключеніе. Не ко-

лебля принципа, онъ бы пожелалъ съ одной стороны, чтобы въ русской арміи, какъ можно скорѣе, исчезли послѣдніе слѣды тѣлеснаго наказанія, а съ другой,—чтобы подобные случаи разсмотрѣнія дѣлъ не компетентными судами сократились въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, чего можно достигнуть во 1) внушеніемъ большей осторожности и осмотрительности, какъ начальникамъ, предающимъ суду, такъ и полковымъ судамъ, имѣющимъ полное право отказаться отъ разсмотрѣнія не подсуднаго имъ дѣла, каковымъ правомъ военно-окружные суды не пользуются, а во 2) сокращеніемъ поводовъ къ подобнымъ ошибкамъ, возникающимъ чаще всего потому, что въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда нарушеніе карается и военной тюрьмой и дисциплинарнымъ батальономъ, подсудность считается нарушенной со стороны полковаго суда, хотя бы по существу дѣла, онъ и не счелъ нужнымъ прибѣгать къ высшему наказанію. Подобные приговоры полковыхъ судовъ, по установленной Главнымъ Военнымъ Судомъ практикѣ, отмѣняются безусловно. Ничего не стоитъ отступить отъ этой практики. Юристы школы г. Соболевскаго, предпочитаютъ ломать самый принципъ.

Не безъ ироніи относится г. Соболевскій и къ другому принципу, установленному Главнымъ Военнымъ Судомъ. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что разъ судъ не приступалъ къ производству судебнаго слѣдствія, онъ не можетъ постановить оправдательнаго приговора. Нелѣпость! кричитъ г. Соболевскій, при чемъ ссылается на Сенатъ, не поддерживающій подобнаго принципа. Замѣчательно, что приведенныя г. Соболевскимъ въ этомъ случаѣ разъясненія Сената относятся до дѣлъ, рѣшенныхъ при участіи присяжныхъ.

И весьма понятно почему: послѣдніе не обязаны давать отчета въ своихъ вердиктахъ. Очевидно, что оправдательный приговоръ, выносимый ими, не подлежитъ провѣркѣ. Иное дѣло, когда участь подсудимаго рѣшается юристами, которымъ точно и ясно указано: въ какихъ случаяхъ они могутъ постановить оправдательный приговоръ (ст. 834 Св. Воен. Пост., кн. XXIV).

Представьте же себѣ такую обстановку дѣла. Подсудимый сознается, мало того, разъясняетъ, какъ совершено преступленіе. Судъ и стороны, замѣтьте, стороны, торжественно провозглашаютъ, что въ сознаніи подсудимаго они не видятъ ничего сомнительнаго, а вслѣдствіе того, признаютъ излишнимъ производство судебнаго слѣдствія. Происходятъ заключительныя пренія, судъ удаляется въ совѣщательную комнату и выноситъ оправдательный приговоръ. Въ силу какихъ же соображеній? Скажутъ, дѣло которое лежитъ передъ судомъ въ совѣщательной комнатѣ, но дѣло было въ виду суда и ранѣе открытія судебнаго засѣданія, слѣдовательно, судъ имѣлъ полную возможность усумниться въ сознаніи подсудимаго, а слѣдовательно, произвести судебное слѣдствіе.

Иное дѣло, если бы судъ вынесъ при подобной обстановкѣ оправдательный приговоръ, мотивировавъ его тѣмъ, что признанное доказаннымъ дѣяніе не подлежитъ вмѣненію по законнымъ причинамъ или не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія.

Нѣсколько страницъ посвящаются г. Соболевскимъ на восхваленіе судовъ за то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло вносится на ихъ разсмотрѣніе съ извѣстными натяжками со стороны обвиненія или начальства, они отдѣлываются постановленіемъ оправдательныхъ приговоровъ. Не знаемъ, бывали ли такіе случаи, но, независимо отъ того, что констатированіе и восхваленіе подобныхъ фактовъ идетъ въ прямой разрѣзъ и съ характеристикой настоящихъ судовъ, дѣлаемой авторомъ и съ типомъ идеальнаго суда, имъ рисуемаго, мы должны замѣтить, что истый юристъ не долженъ бы былъ восхищаться подобными фактами, такъ какъ они доказывали бы, что судъ, въ прямое нарушеніе обязанностей, рѣшаетъ дѣла не по внутреннему убѣжденію и совѣсти, а по личнымъ соображеніямъ и видамъ.

Но вѣнецъ юридическаго развитія автора заключается въ высказываемыхъ имъ воззрѣніяхъ на права и обязанности слѣдователя и на характеръ слѣдственнаго процесса. Тутъ выступаетъ на сцену пресловутый слѣдователь С., а сверхъ того, проводится образъ идеальнаго слѣдователя.

Мы уже говорили, что на описаніе и восхваленіе этихъ подвиговъ, г. Соболевскій не пожалѣлъ печатной бумаги, а такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что на идеальномъ слѣдователѣ С. оправдалась извѣстная поговорка: Nul n'est prophète dans son pays, вслѣдствіе чего онъ не только не былъ признанъ геніемъ, но былъ привлеченъ къ дисциплинарному производству, то авторъ рветъ и мечетъ противъ сотоварищей, не умѣвшихъ оцѣнить г. С. Можно съ увѣренностью сказать: не произойди такого казуса въ военно-судебномъ вѣдомствѣ и спеціальная литература наша не была бы осчастливлена появленіемъ творенія г. Соболевскаго.

Но въ многоглаголаніи нѣтъ спасенія, и въ данномъ случаѣ, оно привело къ тому, что надо обладать особаго рода способностями, чтобы изъ описанія упомянутыхъ подвиговъ, расплывшагося на сотни страницъ, извлечь какое-либо связное, цѣлостное понятіе объ обликѣ г. С., какъ юриста. На сколько мы поняли суть дѣла, въ слѣдственный процессъ по военно-судебному вѣдомству онъ внесъ слѣдующія существенныя новшества (за которыя и пострадалъ, мелочныя мы отстраняемъ) во 1) имѣя надобность въ изобличительныхъ противъ обвиняемаго документахъ и съ тѣмъ вмѣстѣ не находя возможности достать ихъ законнымъ путемъ, онъ г. С. добылъ ихъ *воровски*, да простится намъ это выраженіе. Дѣйствительно, совершенно случайно увидѣвъ документъ въ канцеляріи на столѣ, онъ подцѣпилъ его и пріобщилъ къ слѣдственному производству, во 2) придравшись къ тому, что отводъ противъ него г. С., какъ слѣдователя, изложенъ былъ въ общей жалобѣ на его неправильныя дѣйствія, онъ не представилъ его, какъ бы слѣдовало, тотчасъ въ судъ, а пріобщилъ къ слѣдственному производству и въ 3) получивъ порученіе отъ военнаго начальника о производствѣ слѣдствія по точно мотивированному обвиненію, онъ, г. С., встрѣтившись съ признаками другихъ преступленій, самовольно распространилъ слѣдствіе и на всѣ прочія, обнаруженныя имъ преступленія.

Г. Соболевскій, отстаивая эти подвиги, въ тоже время возводитъ ихъ *въ перлъ созданія*, такъ, напримѣръ, на страницѣ

539, убѣжденный, что приведенные имъ аргументы и доводы имѣютъ всю силу непреложныхъ истинъ, разсуждая о слѣдователяхъ, онъ говоритъ съ апломбомъ: „мы видѣли, что *во многихъ случаяхъ* уголовное преслѣдованіе можетъ быть начато и безъ *воли начальства* (?), что слѣдствіемъ вполнѣ самостоятельно распоряжается слѣдователь, что слѣдователь принимаетъ предупредительныя мѣры противъ обвиняемыхъ самостоятельно, что все, *что сдѣлано начальствомъ по дѣлу*, *все то можетъ быть отмѣнено*, *провѣрено слѣдователемъ* (полюбуйтесь логическимъ складомъ мысли: сперва отмѣнено, и потомъ провѣрено), „*что начальство при слѣдствіи играетъ роль полиціи*“, что слѣдователь можетъ принимать дѣйствительныя мѣры, для раскрытія истины, которымъ начальство не можетъ воспрепятствовать (черезъ нѣсколько страницъ между тѣмъ, тотъ же г. Соболевскій повѣдалъ читателю, что въ военно-юридической академіи возбуждался вопросъ: какъ поступить, если обыску въ канцеляріи воспротивится начальство и что профессора, на подобный назидательный вопросъ, не нашли положительнаго отвѣта въ законѣ, а поучали, что *надобно преодолѣть* эти препятствія. Достойные профессора, если фактъ, приводимый г. Соболевскимъ, справедливъ), „*что слѣдователь можетъ расширить предѣлы слѣдствія до размѣровъ, которыхъ не желало бы давать дѣлу начальство*“.

Читателю, прочитавшему эту тираду, мы бы посовѣтовали прежде всего позабыть, что дѣло идетъ о производствѣ слѣдствія въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и о правахъ собственно *военнаго* слѣдователя. Передъ нимъ тогда возстанетъ обликъ идеальнаго слѣдователя, создаваемаго воображеніемъ г. Соболевскаго вообще, такъ-какъ онъ поставляетъ въ основу всѣхъ своихъ разсужденій, что никакихъ требованій спеціальныхъ, сопряженныхъ съ условіями военной службы передъ правосудіемъ, а вѣдь слѣдователь — органъ правосудія, нѣтъ и быть не можетъ. На сколько вѣренъ отвлеченно этотъ взглядъ на роль слѣдователя, мы увидимъ ниже, чѣмъ самымъ разъяснимъ: на сколько глубоки обще-юридическія познанія г. Соболевскаго. Ставя себя въ тѣсныя рамки обстановки исключительно

военной, намъ придется сказать, что выражай г. Соболевскій въ приведенной выше тирадѣ—свои желанія, мы бы могли, пожалуй, улыбнуться, пожать плечами и только. Но авторъ въ данномъ случаѣ увлекается убѣжденіемъ, что высказанныя имъ истины о роли слѣдователя не пожеланія только, а положенія несомнѣнныя, истекающія положительно изъ буквальнаго смысла дѣйствующаго по военному вѣдомству закона, что они недостаточно лишь усвоены предшествовавшими и современными ему дѣятелями, вслѣдствіе ли небрежности, вслѣдствіе ли рабolѣпства передъ начальствомъ: сдѣланные имъ выводы онъ преподаетъ, какъ руководящія начала для настоящихъ и будущихъ дѣятелей по военно-слѣдственной части. Выводитъ онъ изложенныя выше положенія путемъ толкованія существующихъ законовъ, толкованія не только своеобразнаго, но сказать болѣе—не дозволительнаго.

Дѣятели военно-судебнаго вѣдомства, конечно не нуждаются въ доказательствахъ этого нашего заключенія, но полагая, что въ числѣ читателей нашихъ могутъ быть лица, не посвященныя во всѣ подробности военно-судебнаго процесса, мы, считая излишнимъ слѣдить шагъ за шагомъ за подвигами въ этомъ отношеніи г. Соболевскаго, остановимся лишь на одномъ примѣрѣ.

Г. Соболевскій, въ доказательство правъ слѣдователя распространять слѣдствіе по своему усмотрѣнію, ссылается на 435, 422, 440 ст. книги XXIV.

Посмотримъ, что гласятъ эти статьи.

Ст. 435. Военный слѣдователь предпринимаетъ собственной властью всѣ мѣры, необходимыя для производства слѣдствія, за исключеніемъ тѣхъ, въ коихъ власть его положительно ограничена закономъ.

Примѣчаніе. Всѣ постановленія военнаго слѣдователя о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому изъ военно-служащихъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія приводятся въ дѣйствіе по распоряженію военнаго начальства.

Ст. 422. Если при производствѣ слѣдствія объ одномъ преступленіи, обнаружены будутъ признаки другаго, не имѣю-

щаго существенной связи съ производимымъ дѣломъ, то слѣдователь принимаетъ мѣры къ сохраненію сихъ признаковъ, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ и къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, о чемъ и доводитъ немедленно до свѣдѣнія военнаго начальника и военнаго прокурора; изслѣдованіе же сего, вновь открытаго преступленія, начинается не иначе, какъ на общемъ основаніи, по порученію военнаго начальника.

Ст. 440. Военный слѣдователь имѣетъ право повѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія, произведенныя во время первоначальнаго изслѣдованія.

Прежде всего замѣтимъ, что постановленія, изложенныя въ ст. 435 (кромѣ примѣчанія), и 440, заимствованы буквально изъ общихъ судебныхъ уставовъ, (ст. 264 и 269 *), съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ ст. 269, соотвѣтствующей ст. 440 В. С. Уст. прямо упоминается, что судебный слѣдователь повѣряетъ, дополняетъ и отмѣняетъ дѣйствія *полиціи*. Слѣдовательно, начала, изложенныя въ текстѣ ст. 435 и 440 представляются, присущими всякому слѣдственному процессу. Постановленій соотвѣтствующихъ примѣчанію къ ст. 435, въ общемъ судебномъ уставѣ нѣтъ, ст. же 422 В. С. Уст. отвѣтствуетъ ст. 314 общ. суд. уставовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ ней говорится о прокурорѣ, а не объ начальствѣ. Этотъ предварительный выводъ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если припомнимъ, что ст. 435 въ В. С. Уставѣ непосредственно слѣдуетъ за статьей 434, а въ ней говорится: „военный слѣдователь *не можетъ ни въ какомъ случаѣ, приступить къ предварительному слѣдствію иначе, какъ по сообщенію военнаго начальства*; и стоитъ въ то же время въ непосредственной связи во 1) со ст. 418, въ заключеніе коей говорится: „слѣдствіе же по жалобамъ назначается военнымъ начальствомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ это необходимымъ по важности обвиненія“; во 2) съ примѣчаніемъ непосредственно слѣдующимъ за 435 ст., коею ограни-

*) Считаемъ не лишнимъ предупредить читателя, что ссылаясь на статьи общихъ судебныхъ уставовъ, мы руководствуемся изданіемъ уставовъ, сдѣланнымъ Государственной канцеляріей.

чивается, и существенно, власть военнаго слѣдователя по отношенію къ военно служащимъ даже въ правѣ принятія мѣръ пресѣченія (по ст. 553 слѣдователь, по собственному усмотрѣнію, не можетъ замѣнить мѣру пресѣченія болѣе легкой т. е. освободить изъ подъ ареста или стражи разъ задержаннаго) и рядомъ другихъ законоположеній, коими власть слѣдователя вообще, какъ въ военно-судебномъ, такъ и въ обще граждансксмъ вѣдомствѣ, ограничена сама по себѣ.

И общій судебный уставъ и спеціальный военно-судебный одинаково допускаютъ слѣдователя къ обыску и выемкамъ въ домахъ для обнаруженія предметовъ преступленія или вещественныхъ доказательствъ (ст. 357 — 376 общ. суд. уст. 507—526 В. С. Уст.), но и тотъ и другой ограничиваютъ въ этомъ отношеніи произволъ слѣдователя указаніями на столько положительными, что нарушеніе ихъ содѣлываетъ самый актъ обыска и выемки ничтожнымъ, и добытые противузаконнымъ путемъ предметы лишенными всякой доказательной силы. Независимо, отъ составленія подробнаго протокола объ обыскѣ и выемкѣ, какъ формальномъ слѣдственномъ дѣйствіи, требуется, чтобы отобранныя вещественныя доказательства были подробно описаны въ упомянутомъ протоколѣ; кромѣ того постановляется, чтобы обыски и выемки въ мѣстахъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣденіи военнаго начальства, происходили не только при участіи понятыхъ, но и въ присутствіи ближайшаго того мѣста начальника или кого либо по распоряженію начальства (ст. 521 и 508 В. С. Уст. и 361 общ. суд. уст.). Сообразите съ этими требованіями закона дѣйствія слѣдователя С., изложенныя нами выше въ 1 п. и сообразите ихъ съ приводимой даже г. Соболевскимъ 435 ст. В. С. Уст. Не выяснится ли передъ вами, до очевидности, не только нравственная, но и юридическая несостоятельность воровскаго дѣйствія слѣдователя, который пользуется случайнымъ обстоятельствомъ для захвата изобличающаго обвиняемаго документа.

Г. Соболевскій лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать всю правильность дѣйствій слѣдователя С.; онъ усиливается доказать, что захваченный документъ не былъ, собственно говоря, ве-

щественнымъ доказательствомъ, слѣдовательно, и составленіе протокола не было обязательно, что въ данномъ случаѣ, обвиняемый былъ самъ начальникомъ того мѣста, въ которомъ былъ захваченъ изобличающій документъ, а потому могъ не допустить до обыска и выемки, но оба эти аргумента и возраженія опровергаются буквальнымъ смысломъ ст. 521 и 508 В. С. Уст., такъ какъ въ первой говорится, что вещественныя доказательства. . . . и вообще все, найденное при осмотрѣ мѣста, при обыскѣ или выемкѣ и могущее служить къ обнаруженію преступленія и къ уликѣ преступника, должно быть подробно описано, а вторая не требуетъ нисколько разрѣшенія начальника мѣста на производство обыска и выемки, а только присутствія его или кого-либо, командированнаго по его распоряженію. Въ данномъ случаѣ начальникомъ мѣста былъ обвиняемый. Присутствіе обвиняемаго при обыскѣ и выемкѣ не обязательно (ст. 509 В. С. Уст., ст. 358 общ. суд. уст.), но о предпринимаемомъ дѣйствіи обвиняемый во всякомъ случаѣ долженъ быть оповѣщенъ съ указаніемъ на 508 и 509 ст. За симъ, если онъ самъ лично не пожелалъ бы присутствовать при обыскѣ или при составленіи протокола, ни въ качествѣ обвиняемаго, ни въ качествѣ начальника, а съ другой стороны не командировалъ бы отъ себя довѣреннаго лица, слѣдователь не лишался права совершить предположенное дѣйствіе, при понятыхъ, съ оговоркой въ протоколѣ, что начальство отсутствовало по неизвѣстной ему причинѣ. Что касается другаго случая—положительнаго запрещенія начальника производить обыскъ и выемку, то во власти слѣдователя оставалось, занеся объ этомъ обстоятельствѣ въ протоколъ, не *преодолѣвать* встрѣтившіяся препятствія, какъ совѣтовали будто бы профессора, а ограничиться или доведеніемъ до свѣдѣнія высшаго военнаго начальства о встрѣченномъ препятствіи или ограничиться упомянутымъ протоколомъ, какъ совершенно достаточнымъ для снятія съ слѣдователя законной отвѣтственности. Такъ поступилъ бы всякій слѣдователь, уважающій свое достоинство, понимающій что инквизиторскіе, а тѣмъ болѣе безнравственные пріемы для него неумѣстны.

Просимъ благосклоннаго читателя припомнить буквальный текстъ приведенныхъ нами статей В. С. Уст., соотвѣтствующія имъ статьи общихъ судебныхъ уставовъ, равно тѣ обстоятельства, а) что дознанія (первоначальное изслѣдованіе) въ военномъ вѣдомствѣ производятся не лично начальникомъ, назначающимъ слѣдствіе, а подчиненными ему лицами или полиціей, б) что предоставленное судебному (а не военному) слѣдователю право приступать къ слѣдствію по собственному усмотрѣнію (ст. 313 общ. суд. уставовъ) ограничивается лишь однимъ случаемъ: застиженія совершающагося или совершившагося преступнаго дѣянія, и за тѣмъ обратиться къ выше цитированной нами тирадѣ г. Соболевскаго. Къ какому заключенію придется придти? Что останется отъ самой этой тирады?

Въ военно-судебномъ вѣдомствѣ не можетъ быть ни одного случая, когда-бы уголовное преслѣдованіе, въ строгомъ смыслѣ этого слова, могло бы быть начато *помимо воли начальства*, такъ какъ предоставляемое 422 ст. слѣдователю право принять мѣры къ сохраненію признаковъ вновь открывшагося преступленія не соотвѣтствуетъ нисколько приступу къ слѣдствію, на подобныя дѣйствія въ правѣ и полиція; что касается другаго, указаннаго въ той же ст. признака — пресѣченія подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, то дѣйствія въ этомъ направленіи, — съ одной стороны — ограничены для военнаго слѣдователя согласіемъ того же военнаго начальства, а съ другой стороны буквальный смыслъ статьи можетъ возбудить сомнѣніе еще въ томъ, не предполагаетъ ли она обнаруженія преступленія, совершеннаго не обвиняемымъ, надъ которымъ начато уже слѣдствіе, а другимъ, постороннимъ лицемъ. Припомнимъ, во всякомъ случаѣ объясненія, сопровождающія 314 ст. общ. суд. уст. [1]). Если уже въ общихъ су-

---

[1]) Объясненіе это заключается въ нижеслѣдующемъ «съ принятіемъ за одно изъ коренныхъ началъ судебнаго преобразованія *отдѣленія* въ уголовномъ судопроизводствѣ власти *обвинительной* отъ *судебной*, судебному слѣдователю, какъ представителю судебной власти, *не должно было бы вовсе предоставлять права возбуждать уголовное преслѣдованіе по собственному его усмотрѣнію, потому, что это право составляетъ принадлежность обвинительной власти.* Хотя начало это, при условіяхъ нашей государственной и общественной жизни не можетъ быть прове-

дахъ не признано возможнымъ предоставлять судебному слѣдователю право возбуждать преслѣдованіе по собственному усмотрѣнію, то могло ли быть предоставлено подобное право слѣдователю въ военно судебномъ вѣдомствѣ, коль скоро въ немъ подобнымъ правомъ не пользуется и прокуроръ [1]).

Предупредительныя мѣры въ военномъ вѣдомствѣ противъ обвиняемаго слѣдователь принимаетъ далеко не самостоятельно, а лишь по соглашенію съ военнымъ начальствомъ, а въ крайнемъ случаѣ, по утвержденію предположенія слѣдователя судомъ (ст. 553 В. С. У.). Если слѣдствіемъ въ военномъ вѣдомствѣ и распоряжается слѣдователь *самостоятельно* въ предѣлахъ, конечно, закона, то военный начальникъ, назначившій слѣдствіе, въ предѣлахъ того же закона, (ст. 463 В. С. У.) имѣетъ право освѣдомиться *лично* или черезъ *довѣренное лицо* о положеніи слѣдствія и обращать вниманіе слѣдователя на такія обстоятельства, какія признаетъ нужнымъ для разъясне-

---

дено со всею строгостью въ правилахъ о предварительныхъ слѣдствіяхъ, однако не подлежитъ сомнѣнію, что всякое отступленіе отъ *раціональнаго* начала судопроизводства слѣдуетъ ограничить случаями крайней необходимости". На этомъ основаніи редактирована ст. 313, ограничивающая для слѣдователя право непосредственнаго приступа къ слѣдствію лишь случаемъ личнаго застигнутія или совершающагося или только что совершившагося преступленія и ст. 314, соотвѣтствующая 422 ст. В. С. Уст. Если такимъ образомъ въ общемъ уголовномъ судопроизводствѣ признано было не раціональнымъ расширить право слѣдователя въ ущербъ обвинительной власти, то можно ли допустить, что составители В. С. Уст., сосредоточившіе обвинительную власть въ лицѣ начальника, допустили подобное расширеніе правъ слѣдователя, въ ущербъ не только основному принципу принятой ими системы, но и дисциплины. Надо при этомъ помнить, что въ В. С. Уст. не проведено и того заключенія, которое значится въ ст. 313 общ. суд. уст.

[1]) Право это, относительно преступленій, *не относящихся до нарушенія обязанностей службы*, хотя и предоставлено военному прокурору, но съ слѣдующими существенными ограниченіями: преступленіе должно подлежать военному суду и о дошедшихъ свѣдѣніяхъ прокуроръ можетъ только сообщать ближайшему военному начальству, а если сей послѣдній *оставитъ сообщеніе безъ вниманія*, то донести о томъ непосредственному высшему начальнику и главному военному прокурору (ст. 421). Очевидно, что къ подобному настоянію передъ начальствомъ не можетъ дать законнаго повода тотъ случай, когда начальникъ, получившій подобное сообщеніе, оставитъ его безъ послѣдствій въ силу произведеннаго имъ, хотя бы и по формѣ только *дознанія*, такъ какъ отказъ военнаго начальника въ назначеніи слѣдствія, по 419 ст., можетъ быть *обжалованъ* лишь потерпѣвшимъ отъ преступленія.

нія дѣла. Конечно, слѣдователь съ этими указаніями можетъ не согласиться, и окончательнымъ судьей между нимъ и начальникомъ явится судъ; тѣмъ не менѣе безусловная самостоятельность слѣдователя, на которую указываетъ г. Соболевскій, представляется сомнительной, и хотя противъ ст. 463 г. Соболевскій и ратуетъ тѣми же пріемами (т. е. извращеніемъ буквальнаго смысла ея), но она, не въ обиду будь сказано г. Соболевскому, все-таки останется руководящимъ началомъ для военныхъ слѣдователей, ставящихъ законъ выше собственныхъ измышленій. Не лишено значенія, что начало, проведенное въ 463 ст. В. С. Уст., не только подтверждается въ общихъ судебныхъ уставахъ по отношенію къ прокурорамъ (ст. 281 и 282), причемъ власть гражданскихъ прокуроровъ гораздо шире предоставленной въ подобныхъ случаяхъ военнымъ прокурорамъ [1]), но, по отношенію къ служебнымъ преступленіямъ въ общемъ гражданскомъ вѣдомствѣ власти начальства предоставлены еще большія права (ст. 1090 и комментаріи къ ней). Провѣрены и отмѣнены могутъ быть, въ силу закона, дѣйствія не начальства, а лицъ, производившихъ дознаніе, по порученію начальника и полиціи, если ей было поручено дознаніе, что не равносильно. Въ существѣ это удостовѣреніе г. Соболевскаго представляется безсмыслицей по одному тому, что роль начальника въ подобныхъ случаяхъ ограничивается лишь назначеніемъ дознанія и передачей оконченнаго слѣдователю. Что же тутъ повѣрять и отмѣнять?

Если слѣдователь можетъ найти причины, по коимъ переданное ему дознаніе не подлежитъ дальнѣйшему производству, то онъ представляетъ о томъ начальству, которое можетъ согласиться съ нимъ, а, можетъ, въ указанной закономъ формѣ, и настоять на производствѣ слѣдствія. Совершенно ложно, что начальство при слѣдствіи играетъ роль полиціи. Это удостовѣ-

---

[1]) Ст. 282 об. суд. уст. говоритъ, что, если къ исполненію указаній прокурора, встрѣтится препятствіе, то судебный слѣдователь, исполнивъ то, что возможно, увѣдомляетъ о томъ предъявившаго требованіе *и ожидаетъ его разрѣшенія*. Ст. 454 В. С. Уст., хотя текстуально и скопирована съ 282 ст., но послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами словъ, въ ней не заключается.

реніе свидѣтельствуетъ о полномъ невѣденіи г. Соболевскимъ не только основныхъ началъ общаго слѣдственнаго процесса, но даже и спеціально военнаго. Роль полиціи при дознаніи и слѣдствіи въ общемъ совершенно одинаковы, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствѣ, разница только въ томъ, что объ обнаруженномъ преступленіи, совершенномъ военно-служащимъ, полиція сообщаетъ не слѣдователю и не прокурору, а начальству. Послѣднее можетъ поручить полиціи же производство дознанія, но оно возвращается опять къ военному начальнику. Затѣмъ, военный слѣдователь можетъ требовать содѣйствія полиціи лишь въ томъ случаѣ, если ему необходимо предварительное обслѣдованіе и собраніе справокъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ (ст. 443) и приличномъ производствѣ освидѣтельствованій, обысковъ, и выемокъ. Первое изъ этихъ порученій можетъ быть возлагаемо и на военное начальство, такъ напримѣръ, если требуется обыскъ, выемка въ селеніяхъ, гдѣ расположена извѣстная часть войскъ, если къ дознанію не приложено формуляра и иныхъ необходимыхъ справокъ. Затѣмъ, черезъ начальство вызываются къ допросу обвиняемые и свидѣтели, черезъ начальство же принимаются предупредительныя мѣры. Мы пойдемъ даже далѣе: ст. 441 В. С. У. говоритъ, что законныя требованія военнаго слѣдователя исполняются какъ военнымъ начальствомъ, такъ и полиціей, присутственными мѣстами, должностными и частными лицами. Но изъ этого перечня слѣдуетъ ли тотъ выводъ, который самоувѣренно дѣлаетъ г. Соболевскій относительно одинаковаго положенія передъ слѣдователями и начальства и полиціи. Не говоря уже о томъ, что большинство указанныхъ въ законѣ случаевъ обращенія слѣдователя къ военному начальству представляется обязательнымъ, и отъ начальства въ извѣстномъ случаѣ зависитъ исполнить ихъ или нѣтъ; всѣ прочіе случаи обращенія къ начальству вызываются исключительнымъ положеніемъ послѣдняго и тѣмъ вліяніемъ, какое законъ признаетъ за нимъ по отношенію ко всему быту военно-служащихъ. Какъ доказательство добросовѣстности г. Соболевскаго въ оцѣнкѣ этихъ отношеній слѣдователей къ начальству, приведемъ изъ его книги слѣдую-

щій примѣръ. Онъ удостовѣряетъ, что начальство будто бы въ правѣ не высылать къ допросу обвиняемыхъ и свидѣтелей, по случаю препятствій, сопряженныхъ съ военнымъ временемъ. Интересно бы было знать, вопрошаетъ г. Соболевскій, какія такія препятствія могутъ встрѣтиться въ мирное время. Между тѣмъ, въ текстѣ 527 по ст. и въ 556 В. С. Уст., посвященныхъ порядку вызова къ допросу обвиняемаго и свидѣтелей, не упоминается *о военныхъ обстоятельствахъ*, а лишь въ 531 ст. Вообще обязывая слѣдователей вызывать къ допросу военно-служащихъ, не иначе, какъ черезъ начальство ихъ, В. С. Уст., кромѣ буквальнаго почти изчисленія законныхъ причинъ неявки, признанныхъ и въ общихъ судебныхъ уставахъ (ст. 388), даетъ, по отношенію къ свидѣтелямъ изъ военно-служащихъ, право начальству задерживать ихъ высылку лишь тогда, когда, по особеннымъ обстоятельствамъ, встрѣтится невозможность замѣнить вызываемыхъ другими лицами, при исполненіи обязанностей службы: о каждомъ таковомъ случаѣ начальство должно доносить непосредственному своему начальству съ объясненіемъ, къ тому же подробнымъ, побудительныхъ къ тому причинъ (т. е. къ невысылкѣ свидѣтелей). Отъ этой послѣдней обязанности-*донесенія*, начальство, по 531 ст., освобождается *въ военное время* или *при объявленіи извѣстной части войскъ на военномъ положеніи*, *при усмиреніи безпорядковъ или возмущеній внутри Имперіи*. Замѣчательно, что въ порядкѣ производства слѣдствій въ военное время противъ таковаго же въ мирное, кромѣ приводимаго изъятія и сокращенія срока на отсылку въ судъ жалобъ на слѣдственныя дѣйствія, никакихъ иныхъ изъятій не установлено (ст. 531 и 1220 В. С. У.).

Изощряться въ доказательствахъ полнѣйшей несостоятельности послѣдняго вывода Г. Соболевскаго о правѣ будто бы военнаго слѣдователя расширять предѣлы слѣдствія до размѣровъ, которыхъ не желало бы давать дѣлу начальство, едва-ли нужно. Эта несостоятельность несомнѣнна, въ виду приведенныхъ нами не личныхъ соображеній, а статей закона. Нельзя же предполагать, что, въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ Г. Соболевскій играетъ словами въ томъ отно-

шенія, что военный слѣдователь, при существующихъ законахъ и при соблюденіи установленнаго ими порядка, можетъ добиться осуществленія своихъ требованій, хотя бы они шли въ разрѣзъ убѣжденій и желаній назначившему слѣдствіе начальству. Для этого онъ долженъ: или, какъ мы показали выше, ограничиться занесеніемъ въ протоколъ выставленнаго начальствомъ препятствія, чѣмъ оградить свою отвѣтственность, или если слѣдователь слишкомъ усерденъ, то онъ можетъ въ видахъ *преодолѣнія* препятствія довести объ немъ до свѣдѣнія прокурора, даже суда. Въ томъ и другомъ случаѣ произойдетъ разборъ пререканія, возникшаго между военнымъ слѣдователемъ и начальникомъ; но это пререканіе будетъ устранено не личной властью военнаго слѣдователя, а постановленіемъ суда или распоряженіемъ высшаго начальства надъ возбудившимъ пререканіе.

Если допустить со стороны Г. Соболевскаго смѣшеніе понятій, то вся цитированная выше тирада его о правахъ военныхъ слѣдователей, въ той мѣрѣ, въ какой она представляется не выраженіемъ пожеланій, а констатированіемъ существующаго распорядка, будетъ имѣть характеръ холостаго выстрѣла, хотя и безвреднаго по существу, но лишеннаго всякаго достоинства и по отношенію къ дѣлу и по отношенію къ читателямъ.

Спрашивается послѣ того, къ чему же было разражаться подобной тирадой, недостойной и въ силу того, что она представляется лживой отъ слова до слова и въ силу того, что она, разсматриваемая съ отвлеченной точки зрѣнія, является не соотвѣтственной не только духу военно-судебнаго устава, но и общихъ и доказываетъ со стороны автора лишь грубое невѣдѣніе имъ основныхъ началъ слѣдственнаго процесса, дѣйствующаго теперь, въ противуположность прежнему, инквизиціонному, когда слѣдователю принадлежала неограниченная власть и расширять слѣдствіе и давать ему, по усмотрѣнію, произвольное направленіе. Въ этомъ отношеніи, не касаясь теоріи, можно бы было посовѣтывать Г. Соболевскому блистательное свое юридическое образованіе дополнить прочтеніемъ хотя-бы

объяснительныхъ комментаріевъ къ общимъ судебнымъ уставамъ, изложеннымъ государственной канцеляріей. Это ознакомленіе открыло бы, можетъ быть глаза Г. Соболевскому, показавъ ему, что если творцамъ общихъ судебныхъ уставовъ не удалось, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, провести вполнѣ основное начало объ ограниченіи произвола слѣдователей, то это составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашихъ общихъ судебныхъ уставовъ, требующихъ исцѣленія, а не большаго еще растравленія въ ущербъ всего организма. Тогда Г. Соболевскому открылось бы и то, что, по отношенію къ этому пункту, нашъ военно-судебный уставъ имѣетъ существенное преимущество передъ общимъ слѣдственнымъ процессомъ.

Сосредоточивая обвинительную власть даже не въ прокурорѣ, а исключительно въ начальствѣ, не имѣющемъ прямой, ограниченной связи съ судомъ, освобождая какъ мы показали выше, военныхъ слѣдователей отъ полнаго подчиненія прокурорамъ и въ тоже время начальству *), ставя ихъ какъ членовъ суда, въ непосредственную зависимость отъ суда, военно-судебный уставъ снимаетъ съ военныхъ слѣдователей тяжелую обузу дѣйствовать, въ большинствѣ случаевъ, противъ убѣжденій и принимать на себя тяжелую роль преслѣдователей и гонителей: эта роль можетъ не нравиться такимъ слѣдователямъ, какъ Г. С., но смѣемъ думать, что отъ устраненія подобныхъ личностей изъ корпораціи слѣдователей послѣдняя только выиграетъ. Слѣдователи съ подобнымъ направленіемъ—остатки старины. Возставая противъ прокуроровъ за проявляемое ими *преслѣдовательное* направленіе и совершенно справедливо до-

---

*) Выше мы сопоставляли ст. 463 Военнаго Судебнаго Устава съ таковой же 1090 ст. общ. суд. уст. и что же оказывается? По служебнымъ преступленіямъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, обслѣдуемымъ судебными слѣдователями, начальство обвиняемыхъ можетъ командировать къ слѣдствію своего депутата, въ военно-судебномъ уставѣ упоминается лишь о правѣ начальника, лично или черезъ командированное имъ лице, сдѣлать извѣстныя указанія слѣдователю, что не одно и тоже. Затѣмъ общій суд. уставъ умалчиваетъ какая роль, по отношенію къ подобнымъ указаніямъ, выпадаетъ на долю судебнаго слѣдователя. Обязанъ ли онъ ихъ выполнить, между тѣмъ ст. 463 категорически говоритъ, что они не обязательны для слѣдователя и судей; могущія быть пререканія представляются въ *судъ*, при чемъ возбуждать пререканіе дѣло не слѣдователя, а начальства.

казывая, что неправильное привлеченіе къ суду отзывается тяжело на обвиняемыхъ, Г. Соболевскій совершенно правъ; но что же заставляетъ его въ тоже время желать, что бы подобное же исключительное направленіе вошло въ плоть и кровь слѣдователей? Развѣ неправильное привлеченіе къ слѣдствію отзывается не столь же тяжело надъ привлеченнымъ? Интересы правосудія, воскликнетъ Г. Соболевскій; но пусть ограждаютъ ихъ гг. прокуроры, высшія начальства: оставьте въ сторонѣ слѣдователей въ той благородной роли, которая выпала имъ на долю. Потворствующій преступленію не избѣгнетъ законной кары, коль скоро призванные къ охраненію интересовъ правосудія лица будутъ, каждый въ сферѣ своей дѣятельности, исполнять свои законныя обязанности, не посягая на права своихъ сотоварищей, а тѣмъ болѣе, на поученіе ихъ.

На этомъ мы считаемъ возможнымъ остановиться. Думаемъ, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы оцѣнить, на сколько г. Соболевскій юристъ.

Чтобы покончить вообще съ книгой г. Соболевскаго, намъ остается взглянуть, на сколько въ своемъ твореніи онъ представляется компетентнымъ не въ качествѣ военнаго юриста (о чемъ была рѣчь), а въ качествѣ *военнаго* вообще. Вѣдь онъ съ гордостью причисляетъ себя къ числу военныхъ дѣятелей.

Какъ бытописатель правоваго порядка въ войскахъ, нынѣ существующаго, онъ является и критикомъ, и учителемъ, Noblesse oblige; столь же, если еще не болѣе, обязываетъ извѣстная профессія. Спѣшимъ оговориться: подъ этими словами мы понимаемъ не то, что носящій извѣстную ливрею долженъ лишиться свободы, даже печатно, относиться критически къ недостаткамъ той среды, къ которой ему приходится принадлежать, но отъ этого до отрицанія, и отрицанія полнѣйшаго, коренныхъ началъ, на которыхъ зиждется органическая обстановка того или другаго государственнаго учрежденія лицемъ, принадлежащимъ къ составу этого учрежденія, далеко. Чтобы мы сказали о священнослужителѣ, который, оставаясь въ корпораціи, дозволилъ бы себѣ печатно издѣваться надъ основными положеніями каноническаго права, опредѣляющими, положимъ,

іерархическое устройство церкви. Между тѣмъ г. Соболевскій, продолжая носить военную форму, титуловаться военнымъ званіемъ, не ограничивается глумленіемъ надъ существующимъ въ войскахъ порядкомъ, но подкапывается подъ основныя начала его. Онъ разрушаетъ всю систему военно-іерархическаго устройства, проповѣдуя такія истины, которыя были бы простительны въ устахъ штатскаго, но не извинительны въ человѣкѣ военномъ. Мы скажемъ болѣе: ни одинъ добросовѣстный штатскій, послужившій нѣкоторое время при войскахъ, не дозволилъ бы себѣ, по убѣжденію, сказать и половину того, что проповѣдуетъ съ апломбомъ г. Соболевскій. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы, въ юридическомъ бытѣ войскъ, не было слабыхъ сторонъ, требующихъ исправленія, но послѣднія должны быть произведены не въ ущербъ основнымъ условіямъ военнаго быта, къ тому же писателемъ, принадлежащимъ къ составу военныхъ, онѣ должны быть и указаны извѣстнымъ способомъ, который исключалъ бы всякую возможность предполагать въ авторѣ стремленіе къ полнѣйшей дезорганизаціи того, о чемъ онъ берется писать. Не такъ смотритъ на дѣло г. Соболевскій. И странное дѣло: отвергая чинопочитаніе, выражая крайне оригинальныя воззрѣнія на существо дисциплины, г. Соболевскій въ тоже время рекомендуетъ намъ Германскую дисциплину, какъ образцовую. Мы не специалистъ дѣла, но тѣмъ не менѣе по слышанному и читанному, мы составили себѣ заключеніе совершенно иное объ этой восхваляемой дисциплинѣ... служащей можетъ быть, недосягаемымъ еще образцомъ для нѣкоторыхъ отцовъ-командировъ, но восхваленіе ея, со стороны такого либерала, какъ г. Соболевскій, насъ крайне поражаетъ. Или и въ этомъ отношеніи надо заподозрить г. Соболевскаго въ тѣхъ же невѣжествѣ и односторонности воззрѣній?

Мы считаемъ высказаннаго нами о книгѣ г. Соболевскаго достаточнымъ. Мы предчувствуемъ, что насъ упрекнутъ въ томъ, что разбирая ее, мы больше прибѣгали къ разсужденіямъ, чѣмъ къ фактическимъ доказательствамъ. Но строгій подстрочный разборъ книги и не входилъ въ нашу задачу. Онъ былъ бы даже и не мыслимъ, такъ какъ книга, испещренная на

каждой страницѣ *ложными* положеніями, заключаетъ въ себѣ 626 страницъ. Сколько бы страницъ потребовалось на возраженія? Наконецъ, высказавъ выше, что мы едва едва одолѣли книгу г. Соболевскаго при чтеніи ея, мы должны сознаться, что, приводя тѣ немногія возраженія, которыя мы рекомендуемъ вниманію читателей, мы не безъ непріятнаго чувства брались вторично за книгу, потому... потому... объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на насъ книгой, мы уже сказали. Дополнить сказанное придется развѣ тѣмъ только, что не считая ея вредной, мы крайне сожалѣли, что она показалась на свѣтъ Божій, такъ какъ она компрометируетъ вѣдомство, къ которому принадлежалъ авторъ, и въ то же время, извращая въ массѣ читателей, если только допустить, что ее прочли и прочтутъ многіе, — правильное представленіе о дѣятельности военно судебнаго вѣдомства, она даетъ многимъ, конечно, подготовленнымъ къ извѣстнымъ воззрѣніямъ, полную возможность сказать: да, вѣдь вы же сами, въ лицѣ вышедшаго изъ вашей же среды, даже подготовленнаго вами (въ военно-юридической академіи) писателя, сознаетесь въ томъ, что военно-судебная реформа никуда не годится. Мы не отвергаемъ, что въ книгѣ г. Соболевскаго есть своя доля правды, но будь она изложена добросовѣстно, безъ озлобленія, безъ всякаго покушенія на пасквиль, а тѣмъ болѣе, на ученость, эта правда помѣстилась бы и на какихъ нибудь 3 десяткахъ страницъ, была бы прочитана легко и могла бы служить полезнымъ матерьяломъ для реформаторовъ, какъ голосъ практика. Поднесенная же особымъ способомъ, придуманнымъ г. Соболевскимъ, она трудно сварима, и, въ качествѣ умственной пищи, представляется не только не питательной, но влекущей къ совершенно инымъ послѣдствіямъ.

О положительной части книги, т. е. о десяткѣ заключительныхъ страницъ, мы упомянемъ выше.

Чтобы покончить съ печатью, намъ пришлось бы упомянуть о краткой замѣткѣ, появившейся въ „Новомъ Времени", но каемся, она не сохранилась въ нашей памяти: розыскивать же ее затруднительно, да и едва-ли нужно въ виду того, что ос-

повной темой ея представляются, какъ кажется, удержанныя нашей памятью слова „идеальные милютинскіе суды“. Говорить ли о „Московскихъ“ и „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, и ранѣе заявлявшихъ свое недоброжелательство ко всѣмъ мѣрамъ, принимавшимся по военному вѣдомству въ предыдущее царствованіе, говорить-ли о „Странѣ“, этомъ растеніи, не мало, въ лицѣ ея издателя и редактора, получившемъ отъ военнаго вѣдомства и обратившемся на него со всей злобой, свойственной извѣстнаго рода дѣятелямъ и по отношенію къ современности и приличію употребленныхъ средствъ, далеко уступающихъ даже Петербургскимъ Вѣдомостямъ. Мы считаемъ достаточнымъ заключить этотъ отдѣлъ нашего труда напоминаніемъ объ одномъ, приведенномъ въ печати аргументѣ, убѣдительность и приличность котораго предоставимъ оцѣнить читателямъ. Скромные защитники совершившихся реформъ, выбиваемые изъ позицій смѣлымъ натискомъ враговъ, готовясь оставить поле битвы, дозволили себѣ замѣтить, что гуманныя реформы прошлаго царствованія не дезорганизировали армію и въ доказательство сослались на послѣднюю войну. Имъ отвѣтили противники: чудеса геройства оказывала наша армія, на тѣхъ же Балканахъ, и въ то время, когда о гуманности не было помина, когда въ арміи царили *палочный* и ему соотвѣтственные режимы! Заключеніе понятно!..

II.

On revient toujours
A ses premiers amours.

Переходя ко второму отдѣлу нашего труда, мы считаемъ долгомъ предупредить читателей, что намъ предстоитъ крайне трудная задача. Хотя мы и сохранили нравственную связь съ военно судебнымъ вѣдомствомъ, но фактически—она порвана. Поэтому въ предстоящемъ изложеніи, намъ придется, говоря о стремленіяхъ реформаторовъ, руководствоваться лишь печатными матерьялами, а реформаторы, надо имъ отдать справедливость, отличаясь достаточной энергіей въ своей разрушительной дѣятельности, по отношенію къ печати не щедры на откровенность. Сравнительно съ нами Г. Соболевскій стоялъ въ болѣе выгодномъ положеніи. Онъ могъ пользоваться не только записками, разосланными судебнымъ дѣятелямъ и высокопоставленнымъ лицамъ; но даже имѣлъ въ рукахъ циркуляры и приказы, которыми уже проведены въ жизнь существенныя нововведенія: у насъ въ рукахъ нѣтъ даже и послѣднихъ, такъ какъ, при всей важности ихъ, нѣкоторые не печатаются и въ Русскомъ Инвалидѣ, составляя секретъ для публики. Основываться на слухахъ—было бы не совсѣмъ удобно, добывать фактическіе матерьялы путемъ заискиваній не въ нашемъ характерѣ, а добывать ихъ отъ служащихъ въ вѣдомствѣ значило бы подводить ихъ подъ непріятныя послѣдствія. За недостаткомъ положительныхъ матерьяловъ о предполагаемомъ, анализируя побудительные поводы къ реформѣ, мы бы могли недостатокъ фактическихъ данныхъ дополнять *слышаннымъ нами лично* отъ

поборниковъ реформы, но и этимъ матерьяломъ придется пользоваться въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ, чтобы не впасть въ другую крайность: инсинуацій и изобличеній, къ которымъ мы не склонны. Изъ сказаннаго очевидно, что предстоящее намъ изложеніе не можетъ отличаться желательной полнотой.

Намъ уже пришлось говорить, что къ возбужденному 20 лѣтъ тому назадъ вопросу о необходимости примѣненія къ военному судоустройству и судопроизводству началъ, положенныхъ въ основу общихъ судебныхъ уставовъ, военные дѣятели того времени отнеслись далеко не симпатически. Хотя къ этому вопросу высшая военная администрація отнеслась съ большимъ приличіемъ, чѣмъ теперь, образовавъ, для разрѣшенія его рядъ коллегіальныхъ учрежденій, къ участію которыхъ были приглашены не какіе то безгласные сотрудники, а съ одной стороны—достойнѣйшіе гражданскіе юристы, стяжавшіе извѣстность участіемъ въ разработкѣ общихъ судебныхъ уставовъ, съ другой стороны высшіе военные, авторитетные начальники, хотя проэктъ реформы прошелъ послѣдовательно черезъ особую подготовительную коммиссію, соединенное засѣданіе главныхъ аудиторіятовъ военнаго и морскаго вѣдомства, особый Высочайше утвержденный Комитетъ и, наконецъ, подвергся заключительной повѣркѣ черезъ лицъ, принимавшихъ участіе и въ пріуготовительныхъ работахъ, такъ что въ общемъ трудѣ участвовало ни мало, ни меньше, какъ 62 лица, въ томъ числѣ военныхъ 48 и гражданскихъ 14 *), тѣмъ не менѣе мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что до 60% участвовавшихъ въ этой законодательной работѣ лицъ, принадлежали

---

*) Имена этихъ дѣятелей перечислены въ сборникѣ законодательныхъ работъ, но такъ какъ этотъ сборникъ составляетъ и нынѣ библіографическую рѣдкость, то мы считаемъ не лишнимъ перечислить ихъ. Замѣтимъ, кстати, что вышеупомянутый сборникъ можетъ служить и матерьяломъ и для другаго вывода. По немъ можно прослѣдить численность ретроградной того времени партіи.

Составъ первоначальной Коммиссіи, утвержденной 2 Ноября 1862 года. Предсѣдатель: Генералъ-Адъютантъ *Крыжановскій.* Члены: Генералъ-Маіоръ *Дрентельнъ*, Генералъ-Аудиторы Военнаго Министерства Д. Ст. Сов. *Философовъ* и флота Д. Ст. Сов. *Глѣбовъ,* Полковникъ *Фриде,* Вице-Директоръ Аудиторіатскаго

скорѣе къ числу противниковъ ея, если не явныхъ, то тайныхъ, а послѣдніе еще болѣе опасны. Мы положительно не ошибемся, если скажемъ, что счастливымъ, несмотря на всѣ

Д-та Колл. Сов. *Томсенъ*, Ст. Секр. Тайный Сов. *Кн. Оболенскій*, Контръ-Адмиралъ *Беренсъ*, Юрисконсультъ Морскаго М-ва Д. Ст. Сов. *Варрандъ*, Д. Ст. Сов. *Яневичъ-Яневскій* *) и капитанъ 1-го ранга *Горьковенко*.

Въ составъ Коммиссіи приглашались Генералъ-Адъютанты: *Семякинъ, Баумгартенъ* и *Козляниновъ*, Тайный Сов. *Плавскій*; Генералъ-Маіоры: *Глѣбовъ* и *Фонъ-Кауфманъ 2*, Свиты Е. И. В. Контръ-Адмиралъ *Шестаковъ*, Д. Ст. Сов. *Буцковскій* и *Зарудный*; Капитаны 1-го ранга: *Римскій-Корсаковъ*, Баронъ *Таубе* и Профессоръ *Спасовичъ* **).

Составъ соединеннаго присутствія Генералъ-Аудиторіатовъ. Генералъ отъ инфантеріи *Обручевъ, Де-Витте, Бушенъ, Липранди*, Баронъ *Фонъ-Врангель*, полный Генералъ *Кохіусъ*, Адмиралъ *Епанчинъ 2*, Генералъ отъ кавалеріи *Монтрезоръ*, Генералъ-Адъютантъ *Гильденштуббе*. Баронъ *Врангель 2-й, Крыжановскій*, Генералъ-Лейтенанты *Вальцъ, Кривопишинъ, Мандерштернъ, Козловскій Вохинъ, Ризенкампфъ, Адлербергъ 1-й, Жуковъ, Скалонъ 2, Глушковъ*, Вице-Адмиралы: *Лутковскій, Норманъ 1, Нахимовъ 1*, Генералъ-Маіоръ *Дрентельнъ*, Тайный Совѣтникъ *Каттеръ*, Д. Ст. Сов. *Философовъ* и *Глѣбовъ*.

При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла участвовали, сверхъ вышепоименованныхъ лицъ, Адмиралъ *Румянцевъ*, Генералъ отъ инфантеріи *Ушаковъ*, Д. Ст. Сов. *Яневичъ-Яневскій*.

Составъ окончательнаго Комитета учрежденнаго 4 Іюля 1866 года. Предсѣдатель Е. И. В. Государь Великій Князь *Константинъ Николаевичъ*, члены: Тайный Сов. Баронъ Модестъ Андреевичъ *Корфъ*, Военный Министръ, Генералъ отъ инфантеріи Дм. Ал. *Милютинъ*, Министръ Юстиціи Д. Т. Сов. Дмитрій Николаевичъ *Замятинъ*, управляющій Морскимъ Министерствомъ Генералъ-Адъютантъ Вице-Адмиралъ Николай Корниловичъ *Краббе*, Главноуправляющій 2 Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи Графъ *Панинъ*. Въ Ноябрѣ того же года Комитетъ былъ усиленъ назначеніемъ въ въ оный членами Е. И. В. Государя Великаго Князя *Николая Николаевича* Старшаго, Членовъ Государственнаго Совѣта Генералъ-Адъютанта, Генерала отъ Кавалеріи Кн. *Долгорукова*, Генерала отъ Кавалеріи *Гринвальда*, Генерала отъ инфантеріи *Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго*, Адмирала Гр. *Путятина*, Адмирала *Новосильскаго* и Генералъ-Лейтенанта Гр. *Адлерберга 2-го*.

Дѣлопроизводителями Комитета были: Тайный Сов. *Глѣбовъ* и Тайный Сов. *Философовъ*, а за отсутствіемъ Гр. Панина, для представленія объясненій отъ имени 2-го Отдѣленія, присутствовали Д. Ст. Сов. *Брунъ* и Ст. Сов. *Перетцъ*.

Если принять во вниманіе, что первоначальная коммиссія открыла свои дѣйствія въ Ноябрѣ 1862 г. а докладъ окончательнаго комитета Высочайше утвержденъ 15 Мая 1867 года, то обнаружится, что на разработку В. С. Уст. употреблено было $4^1/_2$ года.

---

*) По болѣзни въ занятіяхъ коммиссіи не участвовалъ.

**) Многіе изъ этихъ лицъ сошли со сцены, но одинъ изъ нихъ состоялъ и умеръ Главнымъ Начальникомъ Военнаго-Округа, а четверо состояли послѣ въ этой должности.

эти препятствія, проведеніемъ реформы, армія обязана прежде всего въ Бозѣ почившему вѣнценосному вождю ея, котораго, конечно, нельзя обвинить въ незнаніи быта войскъ, а тѣмъ болѣе въ намѣренномъ стремленіи къ дезорганизаціи его, да счастливому стеченію обстоятельствъ, въ силу которыхъ прямыми исполнителями священной воли Государя пришлось быть Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и тогдашнимъ министрамъ: военному и морскому. Коль скоро, такимъ образомъ, при самой разработкѣ военно-судебной реформы, она встрѣчала себѣ вліятельныхъ противниковъ; можно себѣ представить, какъ отнеслись къ осуществленію ея низшіе воинскіе начальники, а въ средѣ ихъ, 15 лѣтъ тому назадъ, было не мало отцовъ командировъ старой школы видѣвшихъ единственный способъ огражденія дисциплины въ палкѣ и кулакѣ командировъ, для которыхъ командуемая ими часть являлась благодатной почвой для кормленія. Прибавьте къ этому, что начальники этой категоріи, а ихъ было большинство, конечно, не могли усвоить себѣ началъ, которыя имъ приводилось проводить въ жизнь, а между тѣмъ, приходилось отставать отъ обратившихся во вторую натуру привычекъ. Можно себѣ представить: какой выпалъ тяжелый трудъ на долю тѣхъ лицъ, которымъ предстояло проводить реформу въ исполненіе: недостатокъ людей, мало-мальски подготовленныхъ, необходимость пріискивать, на скоро, способы къ подготовленію дѣятелей, а рядомъ съ этимъ ежечасная, ежеминутная борьба съ противуположными теченіями, опасенія, что каждый неосторожный шагъ, а тѣмъ болѣе излишняя ретивость слишкомъ усерднаго дѣятеля, могла затормозить все дѣло и разрушить зданіе, на сооруженіе котораго потрачено было столько силъ и энергіи. Счастье еще, что къ осуществленію реформы были призваны тѣ-же самыя лица, которымъ выпалъ счастливый удѣлъ и разрабатывать ее; къ счастью еще, что они были не изъ тѣхъ людей, которые измѣнили бы своимъ убѣжденіямъ. И они честно и удачно провели ввѣренный имъ корабль между всевозможныхъ скалъ и препятствій, противуоставлявшихся имъ, и за все время своей дѣятельности не-

допустили никакой святотатственной рукѣ коснуться, даже въ мелочи, стройнаго, созданнаго ими зданія. Оно осталось непоколебимо.

Для оцѣнки такого учрежденія, какимъ представляется вообще судъ, 15-ти лѣтняго періода дѣятельности, положимъ, — мало, но этотъ аргументъ одинаково примѣнимъ и къ защитникамъ, и къ врагамъ. Между тѣмъ, въ 15 лѣтъ воды утекло не мало. Реформа, вызванная гуманнымъ направленіемъ, положимъ, меньшинства лицъ, съумѣвшихъ сплотиться настолько, чтобы провести ее, проникла въ плоть и кровь прочихъ. Вышли на сцену люди новыхъ понятій. Старые дѣятели или сошли со сцены или помирились добросовѣстно съ новыми и непонятными для нихъ когда-то вѣяніями. Практическій умъ взялъ верхъ. Казалось, поэтому, что судамъ нечего уже бояться и что, если, по указаніямъ опыта, и можетъ возникнуть мысль о реформѣ, то въ единственномъ направленіи: прогресса, дальнѣйшаго развитія, усовершенствованія, большаго еще сближенія съ прототипомъ—общими судебными уставами.

Мы приводили выше слышанные нами нѣкоторые отзывы о судѣ. Намъ удалось ихъ слышать лѣтомъ 1881 года т. е. въ то время, когда уже были въ ходу слухи о предстоящихъ не личныхъ уже, а принципіальныхъ перемѣнахъ въ военномъ вѣдомствѣ. Мало того: намъ пришлось убѣдиться непосредственно по дѣламъ, насколько прежнія враждебныя и шероховатыя отношенія между представителями администраціи и суда замѣнились если не дружескими, то сочувственными. Кромѣ того, въ рукахъ нашихъ, къ тому времени, сосредоточились данныя и другого рода — цифры, говорившія несомнѣнно въ пользу, а не во вредъ новыхъ судовъ.

И вдругъ, въ концѣ того же 1881 года, положеніе дѣлъ круто перемѣнилось. Перемѣна лицъ въ составѣ высшей администраціи проявила себя тѣмъ, что поколебалась въ основаніи цѣлая система, просуществовавшая 1½ десятка лѣтъ. Или всѣ благопріятные отзывы объ ней, слышавшіеся въ послѣдніе годы, представлялись плодами лицемѣрія и раболѣпства? Или вся система, о которой идетъ рѣчь, охранялась единственно личными

усмотрѣніями сошедшаго въ могилу вождя ея и ушедшихъ съ поля битвы ближайшихъ сотрудниковъ Его? Не допуская возможности подобныхъ предположеній по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ выше поставленнымъ лицамъ, коимъ приходится руководить работой разрушенія (о низшихъ дѣятеляхъ мы поговоримъ особо), весьма естественно, что намъ приходится анализировать причины подобнаго, внезапно появившагося, отрицательнаго соотношенія къ системѣ.

Считаемъ умѣстнымъ напомнить читателямъ, что работѣ, которая производится нынѣ, предшествовала другая: изслѣдованіе, насколько бывшее во время послѣдней войны устройство суда, соотвѣтствовало интересамъ правосудія? Эта работа была поручена особой Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ теперешняго Главнаго Военнаго Прокурора, составленной изъ военоначальниковъ и военно судебныхъ дѣятелей, бывшихъ на театрѣ войны. Задача этой Коммиссіи сама по себѣ затрогивала частный вопросъ, хотя и имѣвшій связь съ общимъ—о достоинствѣ всей системы, но указанная неразрывность была не безусловна потому, что судъ, во время послѣдней войны, былъ организованъ не на основаніи В. С. Уст. какъ бы слѣдовало, а на началахъ, спеціально и наскоро выработанныхъ. Наконецъ, кто же не понимаетъ, что въ ненормальное время, какимъ представляется военное, можетъ встрѣтиться надобность въ исключительныхъ мѣрахъ, причемъ лучше, чтобы онѣ были подготовлены и оглашены ранѣе, чѣмъ разработаны на скорую руку, въ виду предстоящей войны.

Обращаясь опять къ выполняемой нами задачѣ, какъ лѣтописецъ, скажемъ, что побудительными причинами къ пересмотру В. С. Уст. былъ сперва доводъ *финансовый*. „Судъ „стоитъ слишкомъ дорого"; эту причину сопровождалъ другой, придаточный мотивъ: „солдатъ лишенъ пищи, а „на судъ тратится милліонъ. Непосредственно затѣмъ „выдвинули другой: *дисциплина разрушена, вліяніе началь-„ства на войска поколеблено, гласности предаются такія „стороны военнаго быта, которыя не должны быть обнару-„живаемы*". И эту причину сопровождалъ придаточный мо-

тивъ: „указывалось на вліяніе нигилистовъ, на то, что прокламаціи являются въ средѣ войскъ и т. д.“

Другихъ причинъ память намъ не подсказываетъ, печатно-же, изъ приличія ли или по другимъ основаніямъ, приведены другія, какъ мы увидимъ.

Посмотримъ, насколько законны и цѣлесоотвѣтственны приведенныя выше основныя причины.

1. *Дороговизна суда.*

Система сбереженія въ государственныхъ расходахъ, никто не станетъ спорить, представляется основнымъ требованіемъ благоразумной внутренней политики. Но въ чемъ эти сбереженія должны заключаться? Какими способами они должны проводиться?

Правило, подсказываемое народнымъ разумомъ, *по одежкѣ протягивай ножки,*—безспорно; поэтому, едва ли найдется человѣкъ, который осудилъ бы частное лице за то, что, потерявъ половину своего ежегоднаго дохода, онъ сократитъ на половину свои расходы, т. е. въ замѣнъ квартиры, стоящей 3 т. рублей, займетъ $1\frac{1}{2}$ тысячную, въ замѣнъ собственныхъ экипажей и лошадей прибѣгнетъ къ извощикамъ, изъ 10 человѣкъ прислуги отпуститъ 5, вмѣсто француза-повара возьметъ кухарку, отвѣчающую за повара, въ замѣнъ журъ-фиксовъ и званыхъ обѣдовъ ограничится празднованіемъ семейныхъ торжествъ безъ употребленія шампанскаго и дорогихъ винъ, наконецъ, съ $1\frac{1}{2}$ коп. винта сойдетъ на $\frac{1}{2}$ копѣечный. Всякій благоразумный человѣкъ одобрилъ бы подобную политику, какъ здравую, но осужденію подвергся бы тотъ же дѣятель, если бы систему сбереженій онъ осуществилъ иначе, а именно: оставивъ француза-повара, лишилъ бы дѣтей опытной, способной и привыкшей къ дѣтямъ няньки; оставилъ бы собственныхъ лошадей и въ вознагражденіе этого расхода, занялъ бы сырую, неудобную и нездоровую квартиру, прогналъ бы въ числѣ лишней прислуги даже и тѣхъ, которые служили добросовѣстно его отцу; продолжалъ бы играть въ винтъ по $1\frac{1}{2}$ коп., а дѣтей лишилъ бы образованія и, вмѣсто испытаннаго домашняго врача, взялъ бы фельдшера, лишь бы, вмѣсто 300 руб. платимыхъ прежде, платить 60 руб.

Но кромѣ того, примѣнить вышеприведенный безспорный афоризмъ къ государственному хозяйству, невозможно. Разъ государство стало на извѣстную ногу въ ряду другихъ государствъ, оно не можетъ, въ ущербъ своему достоинству, отказаться отъ тѣхъ и другихъ, кажущихся лишними, тѣмъ не менѣе *представительныхъ* расходовъ. У государства современнаго есть такія потребности, которыя должны быть развиваемы, а не сокращаемы, хотя бы послѣдняго и требовало уменьшеніе средствъ. Не перечисляя всѣхъ ихъ, укажемъ на *армію* (при настоящихъ обстоятельствахъ), и безусловно на *народное образованіе, на правильное отправленіе правосудія, на соотвѣтственную обстановку администраціи.* Наконецъ система сбереженій, коль скоро она ограничивается сокращеніемъ такъ называемыхъ штатовъ, не сопровождаясь соотвѣтственными измѣненіями системы управленія, представляется и не справедливой и безцѣльной. Несправедливой потому, что въ большинствѣ случаевъ, она разражается, и совершенно не заслуженно, на бѣднякахъ, создавая массу недовольныхъ и выигривая гроши; безцѣльной потому, что, въ большинствѣ случаевъ, она ведетъ къ самообольщенію, такъ какъ путемъ пенсій, даруемыхъ въ усиленномъ по необходимости окладѣ, она переводитъ сокращеніе по одной статьѣ бюджета расходомъ на другую. Она еще безцѣльнѣе, коль скоро производится по одному вѣдомству, не затрогивая прочія. Подобныя системы сбереженій у насъ не новость. Мы помнимъ Николаевскую; но она сопровождалась усидчивыми работами надъ сокращеніемъ дѣлопроизводства. Результатомъ ея была масса жертвъ, на бюджетѣ же она не отразилась серьезными результатами, а между тѣмъ, не прошло и десятка лѣтъ, какъ уничтоженныя мѣста были возстановлены по необходимости.

Примѣняя эти выводы къ занимающей насъ темѣ, мы, естественно, должны придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Судъ не принадлежитъ къ тѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, судьба которыхъ можетъ быть поставлена въ зависимость отъ денежныхъ средствъ: основныя начала суда незыблемы и не могутъ быть измѣняемы сегодня къ худшему, по-

тому что понадобилось сократить расходы, а завтра къ лучшему, потому что завелась лишняя копѣйка въ сундукѣ.

Поэтому поводу въ утѣшеніе поборниковъ противуположнаго вывода, если только таковые есть, мы можемъ привести слѣдующій не анекдотъ, а фактъ. Когда Французское правительство, при Макъ-Магонѣ, задумало преобразовать военный судъ, оно уполномочило пребывавшаго въ Петербургѣ своего военнаго агента изучить существующее у насъ судоустройство и судопроизводство. Исполнивъ это порученіе вполнѣ добросовѣстно, на вопросъ, какъ онъ нашелъ нашъ судъ, агентъ разсыпался въ искреннихъ похвалахъ, выражая, что у васъ идеалъ суда, но, прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ, у насъ примѣнить его нельзя. Почему же, спросили его не безъ удивленія. Республика и парламентъ никогда не разрѣшатъ намъ такихъ денежныхъ средствъ, какія необходимы на подобное вашему судоустройство. Съ перваго взгляда покажется, что приводимый фактъ направленъ противъ насъ. Нисколько: если во Франціи военное министерство законнымъ путемъ не достигнетъ ассигнованія ему лишнихъ суммъ на военный судъ, какъ на новое учрежденіе, то въ свою очередь, оно не допуститъ извращенія существующей системы суда изъ за одного финансоваго вопроса. Чтобы сказало наше общественное мнѣніе, съ печатью во главѣ, если бы министръ финансовъ поставилъ слѣдующую диллему министру юстиціи: намъ нужно сократить бюджетъ. Не найдете-ли вы возможнымъ съ этой цѣлью закрыть нынѣшніе суды и открыть дореформенные или же придумать такую организацію, чтобы содержаніе судовъ стоило не дороже такой-то суммы. Завопило бы общественное мнѣніе противъ такого покушенія на священнѣйшія гарантіи, разъ дарованныя. Что же молчитъ общество теперь, когда эта дилемма поставлена по отношенію къ военнымъ судамъ? Или потребности арміи совершенно чужды обществу?

Дополнимъ нашъ выводъ фактическимъ доказательствомъ.

Сбереженія по военно-судному вѣдомству уже сдѣланы, а именно: упразднены должности одного начальника отдѣленія въ Главномъ Военно-Судебномъ Управленіи и одного товари-

ща Главнаго Военнаго Прокурора, сокращены должности гражданскихъ судей (въ морскомъ вѣдомствѣ онѣ остались), сокращено число военныхъ судей, помощниковъ секретарей, кандидатовъ. Параллельно этому сокращенію прибавлены въ Главномъ Управленіи должности чиновника особыхъ порученій и помощника начальника кассаціоннаго отдѣленія, прибавлено содержаніе начальнику этого отдѣленія, чуть ли не полдесятку уволенныхъ, вышедшихъ въ отставку, къ тому же въ высшихъ чинахъ, даны усиленныя пенсіи.

Не касаясь даже цѣлесообразности этихъ сокращеній, оцѣняя результатъ ихъ съ финансовой точки зрѣнія, мы увидимъ, что сбереженіе такимъ образомъ сдѣланное, отразилось сокращеніемъ какихъ то 30 т. р. по смѣтѣ военнаго вѣдомства, съ перенесеніемъ въ смѣту министерства финансовъ не менѣе 10 т. р., если не болѣе, остатокъ же въ 20 т. р. не пошелъ на улучшеніе пищи солдату, въ силу того что онъ слишкомъ ничтоженъ, а при составленіи смѣты по военному вѣдомству на 1883 годъ, сбереженныя 30 т. р. конечно, найдутъ укромный уголокъ, въ которомъ и просуществуютъ добрый десятокъ лѣтъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, эти сбереженія, благодаря способу осуществленія ихъ, отзовутся нижеслѣдующимъ:

Сокращено число военныхъ судей. Какими расчетами въ этомъ случаѣ руководствовались, мы не знаемъ. Вѣроятно тѣмъ же, какого держались Анисимовъ и Мартыновъ въ своемъ проэктѣ. Они въ этомъ случаѣ разсуждали такъ. Взяли въ основаніе число дѣлъ, рѣшенныхъ военными судами, въ 1879 году, какъ черезвычайномъ, (непосредственно слѣдовавшимъ за войной) и число дѣлъ, рѣшавшихся въ нормальное время въ 1875, 1876 и 1877 годахъ, вывели среднюю цифру, раздѣлили ее на число военныхъ судей и вывели, что на долю каждаго приходилось до 90 поступившихъ и до 77 рѣшенныхъ дѣлъ, а отсюда вывели, что каждый судья можетъ, безъ чрезмѣрныхъ усилій, провести въ годъ до 120 дѣлъ (?), въ окончательномъ заключеніи получилось, что 23 должности военныхъ судей могутъ быть упразднены. Коротко и ясно! Начальство, конечно, не приняло предложенной услужливыми авторами радикальной

мѣры; но, очевидно, что, сокращая нѣсколько должностей военныхъ судей, оно руководствовалось той же посылкой т. е. числомъ дѣлъ. Подобное основаніе крайне шатко, во 1) потому, что дѣло дѣлу розь: иной судья рѣшитъ и 50 дѣлъ въ годъ, а, между тѣмъ работа его окажется тяжелѣе, чѣмъ проведшаго 100 дѣлъ. Извѣстно, что судебныя дѣла нельзя мѣрить по одному предвзятому аршину: для рѣшенія одного дѣла требуется отъ 8 до 10 дней, а, между тѣмъ случается въ одномъ судебномъ засѣданіи покончить 5 и 8, во 2) иное дѣло рѣшать дѣла въ *постоянномъ* мѣстѣ пребыванія суда, иное съ *выѣзднымъ* судомъ, слѣдовательно, для правильнаго вывода слѣдовало бы взять отдѣльно число дѣлъ, рѣшенныхъ судами на мѣстѣ постояннаго пребыванія и во время выѣздовъ и, по отношенію къ первымъ, выяснить: сколько въ рѣшеніи ихъ участвовало судей; въ 3) если принять во вниманіе воскресенья, праздничные и высокоторжественные дни, дни распорядительныхъ засѣданій, положимъ, по одному въ недѣлю, дни, когда судьи присутствуютъ въ качествѣ ассистентовъ на судѣ, наконецъ, законное каникулярное время, вспомнить, что военный судья не можетъ быть застрахованъ отъ нездоровья, отъ всякихъ домашнихъ обстоятельствъ и т. д., въ заключеніе положить на ознакомленіе съ дѣломъ, докладъ его присутствію, подготовительныя распоряженія, хотя двое сутокъ, окажется, что независимо даже отъ времени, расходуемаго на проѣзды и т. д., военному судьѣ не достанетъ его на проведеніе 120 дѣлъ въ годъ, а, между тѣмъ, его товарищъ можетъ заболѣть, уѣхать въ отпускъ и т. д.; и наконецъ, въ 4) необходимо принять во вниманіе значительное колебаніе съ года на годъ числа вступающихъ дѣлъ, колебаніе объясняемое не зависящими отъ суда обстоятельствами, а что колебанія эти значительны, можно видѣть изъ того, что въ 1875 году, не чрезвычайномъ, поступило 5911 дѣлъ, а въ 1876 году—5286. Какъ же предупредить накопленіе дѣлъ? Не командированіемъ ли временныхъ судей?

Мы не станемъ утверждать, что настоящіе штаты соотвѣтствуютъ дѣйствительной потребности и что число военныхъ су-

дей не можетъ быть сокращено, но утверждаемъ, что въ основаніе вывода дѣйствительно необходимаго числа судей, надо класть не исключительно число дѣлъ, а нѣчто иное и прежде всего, большую или меньшую удовлетворительность состава суда, характеръ возникающихъ въ той или другой мѣстности дѣлъ, число, продолжительность и успѣшность временныхъ выѣздовъ и т. д. Иначе, т. е. при всякой другой мѣркѣ, мы, положимъ, сократимъ расходъ, но достигнемъ того, чего, къ счастію, не было замѣчено до сихъ поръ въ военныхъ судахъ, а именно: *накопленія дѣлъ*, не вслѣдствіе постороннихъ причинъ, а вслѣдствіе физической несостоятельности судей дать имъ движеніе. Или въ этомъ случаѣ будутъ довольствоваться и поверхностнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ? Лишь бы было сбыто съ рукъ.

О вкусахъ не спорятъ! Что касается сокращенія канцелярій и судовъ прокуроровъ, то эту мѣру мы признаемъ, положительно *мало* или *совсѣмъ* не соображенной. Съ внѣшней стороны это заключеніе наше подтверждается тѣмъ, что въ дѣлѣ сокращеній, для достиженія практическихъ результатовъ, необходимо быть ознакомленнымъ съ механизмомъ дѣлопроизводства, но имѣлъ ли возможность главный военный прокуроръ ознакомиться съ нимъ? Конечно нѣтъ. Очевидно, сокращеніе произведено на основаніи тѣхъ же, чисто внѣшнихъ признаковъ, кои были приняты въ основаніе при сокращеніи числа военныхъ судей.

Это заключеніе наше вполнѣ подтверждается по отношенію къ помощникамъ секретарей. Они назначались прежде по числу военныхъ судей, такъ какъ каждый помощникъ прикомандировывался къ особому судьѣ въ качествѣ секретаря и хранителя дѣлъ и канцелярскаго порядка, писца даже. При временныхъ выѣздахъ они т. е. помощники исполняли обязанности секретарей. Сократили число судей, естественно, сократили и число помощниковъ, забывъ при этомъ, что при прежнемъ составѣ канцелярій судовъ, онѣ и безъ того были обезсилены, такъ что весь трудъ охраненія канцелярскаго порядка, а въ составъ послѣдняго входятъ и довольно сложная денежная

отчетность и отчетность въ дѣлахъ, и завѣдываніе архивомъ и экзекуторская часть т. е. завѣдываніе зданіями, писарской командой и т. д., лежалъ исключительно на секретарѣ. На кандидатовъ въ этомъ случаѣ расчетъ плохой, такъ какъ отрываемые отъ постоянныхъ занятій и защитами, на нихъ возлагаемыми, и командировками, и дежурствами во время судебныхъ засѣданій, по отношенію къ канцелярскому труду, они были плохими помощниками. Объ офицерахъ, прикомандировываемыхъ къ судамъ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ занятіе ихъ исключительно канцелярскимъ трудомъ признавалось до сихъ поръ не соотвѣтственнымъ цѣли ихъ прикомандированія.

Въ еще худшемъ положеніи стояли прокурорскія канцеляріи, въ которыхъ полагалось по одному секретарю безъ помощниковъ, послѣдніе замѣнялись кандидатами, а между тѣмъ канцелярская переписка у прокуроровъ если не столько громадна, то принадлежитъ къ числу требующихъ большой аккуратности: малѣйшее запущеніе въ отчетности и вся она не будетъ годна. Этотъ недостатокъ личныхъ средствъ приводилъ къ тому результату, что въ нѣкоторыхъ прокурорскихъ канцеляріяхъ, помощникамъ прокуроровъ приходилось нести на себѣ чисто канцелярскія обязанности.

И все это безотрадное положеніе усиливалось и сравнительной ничтожностью содержанія и отсутствіемъ матерьяльныхъ и нравственныхъ поощреній, при которомъ канцелярскій трудъ представлялся наиболѣе неблагодарнымъ. Наконецъ, онъ не облегчался, а затруднялся тѣмъ, что составъ писарскихъ командъ съ года на годъ ухудшался: при кратковременности службы, опытныхъ писарей не было, а что касается выбора, то въ суды, конечно попадали *не лучшіе*. И при всемъ этомъ, канцелярскій порядокъ охранялся, дѣла въ движеніи не замедлялись, отчетность была въ порядкѣ. Понятно, чего слѣдуетъ ожидать теперь? Или высшее начальство разсчитываетъ на возможность замѣщенія канцелярскихъ должностей писарями. Прелестно: изъ экономіи мы замѣнимъ способныхъ и подготовленныхъ людей не подготовленными, внѣшній порядокъ, положимъ

будетъ безукоризненъ, но за то выступятъ на свѣтъ Божій безгрѣшныя въ началѣ взяточки а за ними нарушеніе канцелярской тайны, утрата дѣлъ, подлоги и т. д. Повторяемъ, мы не отвергаемъ сокращеній; но для того, чтобы эти сокращенія были плодотворны, необходимо, чтобы съ одной стороны по мѣрѣ усиленія труда, производилось добавочное вознагражденіе (этотъ принципъ, какъ мы видѣли, не отвергается: онъ прилагается только къ высшимъ и болѣе обезпеченнымъ должностямъ), съ другой,—чтобы о бокъ съ сокращеніями шелъ пересмотръ и канцелярскихъ формъ, въ видахъ упрощенія ихъ и т. д.

Сообразили ли ту массу срочныхъ свѣденій, которыя канцеляріи судовъ обязаны доставлять и въ Главный Штабъ, и въ Главное Военное Судное Управленіе, и въ интендантское, и въ контрольное вѣдомство? Сообразили ли, что до сихъ поръ каждый судъ, каждая прокурорская канцелярія руководствуется своими наказами, а общаго, въ теченіи 15 лѣтъ, не выработано, а отъ этого въ каждомъ судѣ, у каждаго прокурора свои формы производства, а въ числѣ ихъ есть и безцѣльныя, усложняющія трудъ.

Наконецъ, почему бы гг. офицерамъ, этимъ кандидатамъ на мѣста военныхъ судей и предсѣдателей, не пройти послѣдовательно и канцелярскія ступени, съ помощника секретаря; почему бы имъ не дежурить въ судебныхъ засѣданіяхъ, (не встрѣтилось бы надобности въ назначеніи особыхъ офицеровъ отъ войскъ), почему бы имъ не секретарствовать въ судебныхъ засѣданіяхъ и т. д.? Кромѣ того, всякое сокращеніе числа кандидатовъ поведетъ къ уничтоженію готоваго контингента для замѣщенія канцелярскихъ должностей; придется судамъ замѣщать эти должности со стороны, набирая съ Волги и Камы, чему уже были нѣкоторые примѣры въ округахъ. Въ заключеніе, имѣя впереди цѣлый рядъ реформъ, зачѣмъ было такъ торопиться проведеніемъ *сократительныхъ* мѣръ? Ужели отъ потраты, въ теченіе года, какихъ нибудь лишнихъ 10 т. р. мы бы потерпѣли банкротство?

Мы предвидимъ возраженіе: намъ скажутъ, что какъ бы ни были безцѣльны и нераціональны принятыя мѣры сокращенія,

но онѣ не коснулись еще основныхъ началъ. Во 1) это не совсѣмъ такъ: уничтоженіе гражданскихъ судей представляется принципіальной мѣрой, съ которой можно помириться лишь потому, что изъ всѣхъ, предпринятыхъ до сихъ поръ, эта *единственная*, на сколько мы знаемъ, проведенная болѣе или менѣе законно (черезъ Главный Военный Судъ). Въ пользу бѣдныхъ штатскихъ судей не произнесено было ни одного слова. Еще бы! съ одной стороны было заявлено прямо, что эта мѣра проэктируется въ видахъ сбереженія расходовъ,—аргументъ на который, при извѣстной умѣлой постановкѣ, трудно возражать. У каждаго сталкивающагося съ нимъ, невольно возникаетъ сомнѣніе, а что если погонятъ меня? Не всѣ же способны къ самопожертвованію. Не этой ли боязнію за будущее, не этой ли необезпеченностью объясняется и то обиліе сотрудниковъ, которое встрѣтили разрушители даже въ средѣ того вѣдомства, разрушить которое они поставили себѣ цѣлью. А подобныхъ самоѣдовъ нашлось не мало. Кромѣ того, вопросъ о гражданскихъ судьяхъ не могъ быть разрѣшенъ, какъ слѣдуетъ, и потому, что самый принципъ не былъ осуществленъ вполнѣ.

Должности гражданскихъ судей занимали до сихъ поръ дѣльцы стараго времени, бывшіе аудиторы, которые конечно не могли слѣдовать за временемъ и представлять изъ себя дядекъ вполнѣ компетентныхъ. А между тѣмъ, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, они приносили извѣстную долю пользы, умѣряя и удерживая въ границахъ столь свойственный военнымъ юристамъ пылъ. А между тѣмъ, до тѣхъ поръ, пока военные юристы будутъ подготовляемы въ общемъ юридическомъ образованіи тѣми способами, которые практикуются теперь, они все таки будутъ нуждаться въ дядькахъ, какъ это не обидно для ихъ самолюбія.

Во 2) предуказанное возраженіе теряетъ силу въ виду того несомнѣннаго факта, что въ програмѣ предложенныхъ измѣненій, есть такія, которыя вызваны не исключительно финансовыми соображеніями, какъ это мы увидимъ. Мы предпочли поэтому сдѣлать общую оговорку о томъ, какъ мы смотримъ

6*

вообще на систему оцѣнки подобнымъ аршиномъ основныхъ началъ процессуальнаго права.

Но кромѣ того, возникаетъ и другой вопросъ: дѣйствительно ли судъ нашъ такъ дорогъ?

Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ у насъ прибѣгаютъ обыкновенно къ сопоставленію нашего бюджета съ таковыми же иностранныхъ государствъ, при чемъ сопоставленіе это дѣлается въ самой грубой формѣ: берутся не частныя цифры, а круглыя. Не берутъ въ расчетъ ни стоимости нашего рубля, а слѣдовательно, жизни вобще, ни развитія нашей мѣстной производительности, ни средствъ сообщенія, ни разстояній, ни средствъ нравственнаго развитія не только массы, но даже интеллигентовъ, которые руководствуютъ разными заготовленіями и т. д. Между тѣмъ, при исчисленіи военныхъ бюджетовъ, эти данныя имѣютъ особенное значеніе, такъ напримѣръ, интересно бы было прослѣдить, во что обходятся положимъ, Германіи передвиженія войскъ, хотя бы для лагерныхъ сборовъ, передвиженіе отдѣльныхъ командъ, арестантовъ и т. д. и сравнить эту цифру съ нашей? Путемъ подобныхъ частныхъ сличеній мы бы пришли, можетъ быть, къ разъясненію причинъ, почему военный бюджетъ нашъ превосходитъ прочіе и на сколько отстраненіе этихъ обстоятельствъ зависитъ исключительно отъ военной администраціи.

По отношенію къ стоимости суда мы не имѣемъ данныхъ и для поверхностнаго сравненія, но едва ли рѣшится кто отвергать, что нашъ Военный Судъ, по устройству своему, стоитъ выше и Германскаго и всякихъ другихъ. Естественно, что онъ стоитъ дороже; но чтожъ изъ этого? Если въ одномъ отношеніи мы перещеголяли нашихъ учителей, слѣдуетъ ли, изъ-за одного финансоваго разсчета, ухудшать *лучшее?* Кромѣ того, выведите, какой сравнительно ничтожный процентъ, по отношенію къ цифрамъ и спеціально военнаго и общаго нашего бюджета, тратится нами на судъ, которымъ мы имѣемъ право гордиться. Допустимъ, что общая численность войскъ не превышаетъ 900 т., выйдетъ, что расходъ на судъ падаетъ на каждаго военнослужащаго въ размѣрѣ какого нибудь рубля, а на каждаго

подсудимаго, положимъ, въ размѣрѣ 70 руб. (мы не беремъ въ разсчетъ накладныхъ расходовъ: издержекъ по веденію процесса, содержанію арестантовъ, препровожденію ихъ и т. д.). Что же выходитъ изъ этого? Мы полагаемъ, что, если бы въ настоящее время, спросили поголовно всѣхъ нижнихъ чиновъ и поставили бы вопросъ такъ: теперешній судъ стоитъ 1 рубль съ головы, мы уничтожимъ его, и сокращенный рубль прибавимъ вамъ на пищу? Едва ли можно сомнѣваться, что нижніе чины поблагодарили бы за подобную любезность, и предпочли бы ѣсть менѣе на одинъ рубль въ годъ, лишь бы не лишиться суда, и отвѣтъ этотъ они дадутъ вполнѣ сознательно, въ силу того, что блага сокращенной службы они понимаютъ и понимаютъ въ тоже время, что, при всякомъ иномъ устройствѣ суда, они могутъ лишиться этого блага ни за что, возвратившись въ прежнее свое состояніе *безъ вины виноватыми*.

Приведенный нами доводъ, въ той мѣрѣ, въ какой онъ касается пищи, относится вполнѣ и къ тому придаточному, указанному нами выше, аргументу, приводимому въ основаніе реформы суда. Сокращеніемъ какого нибудь милліона рублей мы арміи не накормимъ, матеріальный бытъ солдата не улучшимъ на столько, чтобы солдатъ не былъ подталкиваемъ на кражи; (въ средѣ разрушителей есть quasi гуманисты, проводящіе и этотъ аргументъ), нравственный же результатъ получится ужасный.

Аргументъ, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе іезуитскій, да простятъ намъ это выраженіе, что онъ покоится на почвѣ чисто соціальной. Онъ можетъ быть перетолкованъ такъ: что лучше: тратить милліонъ на судъ, или же употребить этотъ милліонъ на поднятіе нравственнаго развитія войскъ? Отвѣтъ съ нашей стороны былъ бы, конечно, утвердительный; но онъ сопровождался бы по необходимости одной добавкой. Мы сказали бы вопрошающимъ: заботьтесь о нравственномъ развитіи войскъ и, по мѣрѣ того, какъ оно будетъ увеличиваться, и, соотвѣтственно тому, будетъ уменьшаться число преступленій въ войскахъ, сокращайте расходы на судъ. Пока же желательное развитіе представляется идеаломъ одинаково недоступнымъ

и цѣлому обществу, и, въ частности, арміи, не посягайте на судъ, такъ какъ это посягательство, какими бы иными соображеніями оно ни сопровождалось, приведетъ васъ къ діаметрально противоположному результату.

Подобныя возраженія совѣстно и приводить: на столько они элементарны. Но виноваты ли мы, что намъ приходится прибѣгать къ подобнымъ дѣтскимъ пріемамъ?

II. Настоящій судъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ войскъ: подъ этотъ общій заголовокъ могутъ быть подведены всѣ частные аргументы тѣхъ разрушителей, которые понимаютъ, что ссылаться исключительно на финансовый вопросъ—не благовидно, а потому стараются блеснуть болѣе существенными, по ихъ понятіямъ, доводами.

Разбирая программу преобразованій, задуманныхъ и осуществленныхъ, мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть каждый частный аргументъ особо.

Теперь же ограничимся общими замѣтками. Начать ихъ приходится тоже съ элементарнаго поученія.

Наука говоритъ, на основаніи горькихъ опытовъ, что уголовный законъ не долженъ быть колебленъ безъ особенныхъ причинъ, причинъ особливой важности, вызываемыхъ, такъ сказать, *не отразимой* необходимостью. Подъ понятіе въ этомъ случаѣ уголовнаго закона подходитъ не одинъ карательный, а все процессуальное право, какъ представляющее изъ себя совокупность мѣръ для возможно скорѣйшаго и возможно правильнѣйшаго достиженія цѣлей правосудія, а какъ послѣднія достигаются черезъ установленіе извѣстныхъ, точно установленныхъ, формъ, причемъ каждая таковая форма, служа гарантіей для подсудимаго, составляетъ присущее ему право, то, очевидно, что измѣненіе этихъ формъ, соотвѣтствуя отнятію дарованныхъ правъ, законно только тогда, когда оно вызывается неотразимой необходимостью и, при томъ, клонится въ пользу, а не во вредъ подсудимымъ.

Это поученіе, нами приводимое, приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что приступать къ измѣненію процессуальныхъ формъ возможно, не на основаніи голословныхъ только

заявленій объ удобствѣ или неудобствѣ той или другой процессуальной формы, а на основаніи прямыхъ, несомнѣнныхъ, фактическихъ доказательствъ, что эта форма препятствуетъ правосудію достигать своей цѣли. Разбирая съ общей точки зрѣнія аргументы разрушителей настоящей организаціи Военнаго Суда, мы усматриваемъ, что всѣ эти аргументы въ существѣ сводятся къ двумъ: I) упадокъ дисциплины и II) невозможное положеніе, въ которое становится начальство, обязанное охранять эту дисциплину. Но какія же представляются доказательства, несомнѣнныя, фактическія, существованія этихъ двухъ, вызывающихъ преобразованіе, причинъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, буде эти причины дѣйствительно существуютъ, виновности въ томъ суда?

Къ сожалѣнію въ основу разрушительной дѣятельности кладутъ не доказательства, а личныя впечатлѣнія, говоръ заинтерессованныхъ лицъ, даже не теоретическія начала, которыя по отношенію къ лучшимъ формамъ военно-процессуальнаго права, пожалуй, и не установлены окончательно.

Лучшимъ доказательствомъ, напримѣръ, упадка дисциплины, даже если допустить, что отъ подобнаго факта можно заключать къ несостоятельности суда, были бы цифры, и оффиціальные разрушители, конечно, не встрѣтили бы затрудненія найти и привести ихъ. Но, побуждая законодателя идти вспять, они, однако, не приводятъ цифръ. Объяснить это безцеремонностью къ лицу законодателя, конечно, невозможно. Не слѣдуетъ ли придти къ тому заключенію, что подобныхъ цифръ у разрушителей нѣтъ.

Провѣримъ послѣднее предположеніе, хотя должны предупредить, что для насъ, какъ частнаго человѣка, подобная работа почти что неосуществима по слѣдующей причинѣ.

Главное Военное Судебное Управленіе, во все время дѣйствія новыхъ судовъ, не выполняло 120 ст. В. С. Уст., поставляющей въ обязанность отчеты *военно-судебныхъ мѣстъ* публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Нельзя же считать подобнымъ оглашеніемъ краткія извлеченія изъ общаго отчета по судебной части, печатаемыя въ Военномъ Сборникѣ, во 1) потому, что

Сборникъ, самъ по себѣ взятый, представляется специальнымъ органомъ, мало распространеннымъ въ публикѣ, во 2) печатаемыя въ немъ извлеченія излагаются въ такой сжатой формѣ, что по нимъ невозможно отвѣтить на цѣлый рядъ возникающихъ вопросовъ. Положимъ, что Главное Военное Судебное Управленіе печатало отчеты по военно-судебному вѣдомству и отдѣльными брошюрами, но оно разсылало послѣднія лишь оффиціальнымъ лицамъ, въ продажу же не пускало, такъ что найти въ настоящее время эти брошюры невозможно. Ихъ нѣтъ даже въ самомъ управленіи.

Нельзя не умолчать и о томъ, что Главное Военное Судное Управленіе не выработало даже за 15 лѣтъ образцовой формы отчета: свѣденія, въ немъ группируемыя, удовлетворяющія, можетъ быть, канцелярскія требованія, далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ статистики, а между тѣмъ образецъ былъ подъ руками: отчетность Министерства Юстиціи. Наконецъ, падкіе на сравненіе съ Европой, мы, однако, по отношенію къ военному правосудію, не обладаемъ никакими матерьялами, разумѣемъ печатные, о развитіи преступности въ иностранныхъ войскахъ [1]).

Слѣдуетъ ли удивляться, что у насъ подъ руками только два полныхъ отчета по военно-судебному вѣдомству за 1878 и 1879 годы, да краткое извлеченіе изъ отчета за 1880 годъ, напечатанное въ „Русскомъ Инвалидѣ“, по счастливой случайности, для насъ особенно цѣнное, такъ какъ въ немъ проведено сравненіе наиболѣе повторяющихся преступленій за предшествовавшіе годы 1876, 1877, 1878 и 1879 и 1880; другими словами, за пятилѣтіе.

По этому сравненію видно, что въ общемъ числѣ преступленій, совершенныхъ нижними чинами, преобладающими представляются.

---

[1]) „Русскій Инвалидъ“ напечаталъ недавно самыя сжатыя свѣдѣнія, касающіяся австро-венгерской арміи. Мы воспользуемся ими въ своемъ мѣстѣ.

ВѢДОМОСТЬ № 1.

	въ 1876	1877	1878	1879	1880.	Средній выводъ.
Кражи	4313	3658	4198	4554	4686	4281
Побѣги	2118	1939	2897	2994	2453	2480
Нарушенія дисциплины.	2327	2491	2415	2023	2038	2259 [1])
Нарушеніе воинскаго благочинія и ограждающихъ опое постановленій.	1373	1355	1429	1299	1345	1356
Утрата и порча казеннаго оружія	1318	1701	1998	1159	1080	1451

Абсолютный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этой вѣдомости, тотъ: во 1) что нарушенія дисциплины, въ ряду наиболѣе преобладающихъ преступленій, занимаютъ лишь третье, а не первенствующее мѣсто, и во 2) число этихъ преступленій за два послѣдніе года противъ средней семилѣтней нормы уменьшилось на 12,31%, а противъ пятилѣтней нормы на 10,11%.

Не довольствуясь этимъ выводомъ, мы пойдемъ далѣе.

1) Средняя численность войскъ выражалась за 1878 годъ цифрой (для нижнихъ чиновъ) — 1.547,196, за 1879 годъ — 1.048,260, за 1880 годъ—914,789, общее число подсудимыхъ (нижнихъ чиновъ) въ 1878 году 20081, выбывшихъ изъ подъ суда—17031 (въ томъ числѣ за преступленія противъ воинскаго устава о наказаніяхъ судилось 11,682), въ 1879 г. число подсудимыхъ нижнихъ чиновъ вообще было 18,829, выбыло изъ подъ суда 16,514 (въ томъ числѣ за преступленія и проступки противъ военной службы судилось 10,579). За 1880 годъ подобныхъ свѣденій мы не имѣемъ.

Останавливаясь поэтому лишь на 1878 и 1878 годахъ, мы увидимъ, что въ 1878 году приходилось по 1 подсудимому вообще на 90 человѣкъ, а въ 1879 г. на 63, что обвиняемыхъ за воинскія преступленія вообще въ 1878 г. приходилось по 1 на 132 человѣка, а въ 1879 году по одному на 99 человѣкъ, что обвинявшихся спеціально въ нарушеніи дисциплины

---

[1]) Въ 1875 г. подсудимыхъ по этимъ преступленіямъ было 2243 а въ 1874 г. 2261. Такъ что средняя норма за 7 лѣтъ составитъ 2280 подсудимыхъ.

было въ 1878 году по одному на 640 человѣкъ, а въ 1879 году—на 518 человѣкъ. Этотъ выводъ, конечно, клонится въ пользу говорящихъ, что число случаевъ нарушенія дисциплины увеличилось. По отношенію къ численному составу войскъ, это справедливо, но, не говоря уже о томъ, что самый процентъ увеличенія представляется не на столько значительнымъ, чтобы бить тревогу; онъ можетъ быть объясненъ множествомъ причинъ, изъ которыхъ, по отношенію къ 1879 году, важнѣйшей можно бы было выставить особенность времени. Армія только что вернулась съ войны, причемъ многія дѣла возбужденныя ранѣе и пріостановленныя въ движеніи, могли возобновиться; затѣмъ, можно предположить, что послѣ войны начальство стало строже, а потому тѣ дѣла, которыя въ предъидущіе годы оканчивались дисциплинарнымъ порядкомъ, направлены въ судъ. Говоря отвлеченно, если бы даже и оказалось, что изъ 450 рядовыхъ въ нарушеніи воинской дисциплины изобличался одинъ, то и этотъ результатъ самъ по себѣ не могъ бы имѣть угрожающаго значенія, тѣмъ болѣе, что подъ общее понятіе нарушенія дисциплины подходятъ и такіе проступки, которые караются, хотя и по суду, но дисциплинарно. Чтобы провѣрить себя и въ этомъ отношеніи, мы воспользуемся имѣющимися за 1878 и 1879 годы матерьялами и посмотримъ, по какимъ именно рубрикамъ нарушеній оказывается увеличеніе. Для этой цѣли послужитъ намъ слѣдующая сравнительная вѣдомость.

ВѢДОМОСТЬ № 2.

Наименованіе нарушеній.	Число судившихся.		В общемъ числѣ нарушителей пользовались особенными правами состоянія.	
	въ 1878 г.	въ 1879 г.		
I. Неоказаніе съ намѣреніемъ должнаго начальнику уваженія (ст. 96). . . .	325	386	7	11
II) Оскорбленіе начальника на словахъ и письмѣ (ст. 97). .	179	167	7	6
III) Нанесеніе начальнику удара, подни-				

Наименованіе нарушеній.	Число судившихся. въ 1878 г.	въ 1879 г.	Въ общемъ числѣ нарушителей пользовались особенными правами состоянія.	
тіе руки или оружія, всякое насильственное и въ высшей степени дерзкое дѣйствіе (ст. 98).	40	42	—	3
IV) Нарушеніе чинопочитанія и подчиненности передъ начальниками изъ нижнихъ чиновъ (101, 102 и 103 ст.) . .	869	657	6	9
V) Неисполненіе приказаній начальника (ст. 104)	309	181	4	5
VI) Неповиновеніе (ст. 105)	457	427	7	12
VII) Сопротивленіе безъ употребленія оружія (ст. 106)	68	66	2	—
VIII) Сопротивленіе съ оружіемъ или въ числѣ 2-хъ и болѣе лицъ (ст. 107) . .	26	18	—	—
IX) Ропотъ (ст. 108) .	24	5	—	—
X) Явное возстаніе въ числѣ 8 и болѣе человѣкъ (ст. 130) .	80	4	—	—
XI) Всякое соглашеніе на противодѣйствіе начальству, составленіе прошеній, заявленій и иныхъ бумагъ, собираніе къ нимъ подписей; подговоръ или подстрекательство къ неисполненію приказаній или сопротивленію (ст. 111 и 112)	38	71	—	—
Общее число . .	2,415	2,023	33	48

Поверхностный взглядъ на эту вѣдомость не оставляетъ никакого сомнѣнія, что, если даже въ общемъ число преступленій противъ дисциплины въ 1879 году увеличилось противъ 1878 года, то, по отношенію къ важнѣйшимъ нарушеніямъ, подобнаго увеличиванія не только не замѣчается, но, напротивъ, оказывается улучшеніе. Дѣйствительно, если 11 перечисленныхъ нами нарушеній, мы подраздѣлимъ на категоріи, при-

чемъ въ первую отнесемъ всѣ случаи неуваженія и оскорбленій, нанесенныхъ начальству, безъ употребленія насильственныхъ или въ высшей степени дерзкихъ дѣйствій, во вторую поставимъ всѣ виды неисполненія приказаній начальства съ тою же оговоркою т. е. рубрики V, VI, VII, IX, XI, и наконецъ, въ третью важнѣйшія (по существу) преступленія, сопряженныя съ употребленіемъ оружія или насильственными дѣйствіями, а равно при соучастіи большаго числа лицъ, то окажется слѣдующее.

ВѢДОМОСТЬ № 3.

	Число преступленій.		Процентъ къ общему числу преступленій.		Отношеніе къ общему числу нижнихъ чиновъ.	
	въ 1878.	1879.	1878.	1879.	1878.	1879.
I. Категорія . .	1373	1210	56,85	59,81	1127	866
II. Категорія . .	896	750	37,10	37,07	1726	1397
III. Категорія . .	146	63	6,05	3,12	10597	16639
Итого . . .	2415	2023	100	100	640	518

При оцѣнкѣ этихъ данныхъ необходимо принять во вниманіе, что первая категорія нарушеній распадается существенно на двѣ: неуваженіе и оскорбленіе офицеровъ и подобное же соотношеніе къ начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ. Затѣмъ, если и окажется, что послѣдняго рода нарушенія увлекали на скамью подсудимыхъ въ 1878 году 63 подсудимыхъ изъ 100, а въ 1879 году—54, слѣдовательно, нарушенія этого рода увеличились въ ущербъ гг. офицерамъ, то, вообще говоря, приведенная нами табличка доказываетъ съ одной стороны, что увеличеніе преступности по первой категоріи нарушеній, если оно и велико, теряетъ свое значеніе въ виду соотвѣтствующаго уменьшенія преступности по двумъ послѣднимъ категоріямъ наиболѣе важныхъ нарушеній. Затѣмъ, если принять во вниманіе не лишенный значенія фактъ увеличенія преступности, почти, что на 50%, между нижними чинами, пользующимися особыми правами состоянія, то не въ правѣ ли мы будемъ за-

ключить, что тотъ неутѣшительный фактъ, который мы вынуждены констатировать и который клонится какъ бы не въ нашу пользу, объясняется съ одной стороны системой подтягиванія, къ которой сочло нужнымъ прибѣгнуть начальство послѣ войны, съ другой стороны тѣмъ, что многія дисциплинарныя нарушенія, разсматривавшіяся въ 1879 году судомъ, въ 1878 году, какъ въ частяхъ войскъ, бывшихъ на театрѣ войны, такъ и въ прочихъ, находящихся въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, оканчивались по усмотрѣнію начальства, а, наконецъ и тѣмъ, что, сокращая армію въ теченіе 1879 г. на 500 т. чел. или почти на 30%, военное начальство достигло этого сокращенія увольненіемъ въ запасъ старослужащихъ, т. е. болѣе дисциплинированныхъ, вслѣдствіе чего запасъ новобранцевъ въ арміи въ процентномъ отношеніи увеличился. Къ сожалѣнію, отчеты, которыми мы пользуемся, не даютъ отвѣта на весьма существенный вопросъ: на сколько развита преступность противъ законовъ о дисциплинѣ въ ряду старослужащихъ и на сколько—въ ряду молодыхъ солдатъ, въ особенности служащихъ первый годъ. Косвенно, констатированный нами фактъ уменьшенія числа нарушеній противъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, при соотвѣтственномъ увеличеніи таковыхъ противъ офицеровъ, можетъ быть объясненъ выбытіемъ старослужащихъ, какъ наиболѣе требовательныхъ и привести къ предположенію, что въ столкновеніяхъ съ офицерами наибольшій процентъ принадлежитъ новобранцамъ въ силу того, что съ ними субалтернь-офицеры имѣютъ гораздо болѣе сношеній, чѣмъ со старослужащими.

Какъ бы то ни было, цифры, нами приведенныя, могли бы дать основаніе къ окончательному выводу, но, чтобы покончить съ статистическими матерьялами, разчистить себѣ для выводовъ какъ можно болѣе свободной почвы, мы приведемъ еще два матеріала.

3. Первый клонится къ выясненію, на сколько тѣ же самыя нарушенія распространены въ средѣ гг. офицеровъ.

Общее числительное состояніе гг. офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ въ 1878 и 1879 годахъ было слѣдующее:

	въ 1878	1879
Генераловъ, шт. и об.-офицеровъ . .	37366	35048
Гражданскихъ чиновниковъ	10996	9598

Слѣдовательно, по одному начальнику военному приходилось въ 1878 г. на 41 нижняго чина, въ 1879 году—на 29, по одному гражданскому чиновнику на 140 и 109. Дисциплинарныхъ преступленій совершено по одному (включаемъ гражданскихъ чиновниковъ) въ 1878 году на 24 офицера, а въ 1879 году—на 21.

Гг. офицерами совершено преступленій вообще въ 1878 году 295 (по одному на 125), въ 1879 г.—205 (по одному на 170); гражданскими чиновниками въ 1878 г.—41 (по одному на 268), въ 1879 году—26 (по одному на 369 *). Изъ общаго числа преступленій на долю служебныхъ и собственно дисциплинарныхъ приходилось:

	1878 г.		1879 г.	
	Служебныя вообще.	Противъ дисциплины.	Служебныя вообще.	Противъ дисциплины.
Офицеры	149	42	153	34
Чиновники гражданскаго вѣдомства.	16	—	17	1

Слѣдовательно, если въ общемъ числѣ преступленій нижнихъ чиновъ, служебныя вообще составляли для нижнихъ чиновъ 68 и 64%, а специальныя противъ дисциплины, въ числѣ служебныхъ, составляли 14% и 19%, причемъ по 1 послѣднему приходилось на 640 и 518 человѣкъ, то въ средѣ офицеровъ служебныя преступленія составляли до 80 и 74%, дисциплинарныя 29 и 22%—фактъ, самъ по себѣ краснорѣчивый, свидѣтельствующій, что нарушенія законовъ о дисциплинѣ гораздо болѣе свойственны офицерской средѣ. Мы можемъ дополнить приведенный фактъ слѣдующими данными: За нарушеніе воинскаго чинопочитанія въ теченіи 1874 по 1880 годъ, т. е. въ теченія 6 лѣтъ судилось:

*) Выбыло изъ подъ суда въ 1878 году 180 офицеровъ и 20 гражданскихъ чиновниковъ, въ 1879 году—205 первыхъ и 26 послѣднихъ.

	Офицеровъ.	Гражд. чиновн.
1874 г.	15	1
1875 "	21	3
1876 "	23	1
1877 "	21	3
	80	8
	по 20 въ годъ.	по 2 въ годъ.
1878 "	42	5
1879 "	34	1
	76	6
	по 36 въ годъ.	по 3 въ годъ.

Изъ 156 офицеровъ, судившихся за нарушеніе дисциплины, подверглись каторжной работѣ 4 и ссылкѣ на поселеніе 2 (1 изъ 26), изъ нижнихъ же чиновъ, судившихся за тѣ же преступленія въ числѣ 13763 чел., смертной казни подверглись 5, каторжнымъ работамъ—395 и ссылкѣ на поселеніе 128, всего 528 (или по одному на тѣ же 26 судившихся).

Между тѣмъ, въ 1879 году, въ средѣ судившихся вообще офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ было окончившихъ курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 137, въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ 46 и получившихъ домашнее воспитаніе 48, а въ средѣ нижнихъ чиновъ грамотныхъ лишь 5876, что, къ общему числу подсудимыхъ, составляло лишь 35,6%.

Въ какой же средѣ (просвѣщенной или темной) можно было ожидать большей выдержанности характера и большаго уровня умственнаго развитія для усвоенія себѣ основныхъ требованій воинской службы?

4. Взглянемъ теперь на тѣ имѣющіеся у насъ матеріалы, которыми характеризуется отношеніе *военнаго суда* къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ. Приведемъ общія, а затѣмъ частныя за 2 года свѣденія.

ВѢДОМОСТЬ № 4.

	1874	1875	1876	1877	1878	1879	Общая цифра.	Средняя за 6 лѣтъ.
Общее число нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ подъ суда по обвиненію въ нарушеніи дисциплины .	2264	2243	2327	2491	2415	2023	13761	2294
Изъ нихъ подверглись наказаніямъ смертной казни.	1	—	1	3	—	—	5	—
Каторжной. работѣ. . .	81	59	59	89	55	56	399	67
На поселеніе.	27	14	20	29	25	12	128	21
На житье	1	3	—	1	—	—	5	—
Въ военно-исправительн. роты.	609	618	614	689	674	542	3746	624
Военной тюрьмѣ и замѣняющимъ послѣднюю наказаніямъ.	178	646	553	703	532	536	3148	525
Тѣлесному наказанію . .	569	139	75	39	66	36	924	154
Лишенію нашивокъ и знаковъ отличія.	132	4	—	—	—	—	136	22
Переводу въ разрядъ штрафованныхъ	252	312	315	317	410	210	1816	303
Другимъ дисциплинарн. взысканіямъ	229	269	415	311	380	376	1980	330
	2079	2060	2053	2181	2142	1768	12283	2044
Освобождено отъ наказанія по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, за давностью и по Монаршему милосердію.	4	1	—	—	2	8	15	3
Оправдано	188	179	272	303	271	242	1455	242
	2271 [1])	2240 [2])	2325 [3])	2484 [4])	2415	2018 [5])	13735 [6])	

Слѣдовательно, по 6 лѣтней сложности, оказывается, что изъ 13700 обвиняемыхъ въ дисциплинарныхъ нарушеніяхъ нижнихъ чиновъ оправдано 10,5% подсудимыхъ, присуждено къ подлежащимъ наказаніямъ—89,5%, причемъ, по роду нарушеній, къ уголовнымъ карамъ присуждается 4 изъ 100, къ спеціальнымъ исправительнымъ наказаніямъ до 63, а остальные

[1]) 3 судились въ старомъ порядкѣ и оставлены въ подозрѣніи, если прибавить ихъ, окажется, что всѣхъ выбывшихъ изъ суда было на 10 человѣкъ болѣе, чѣмъ показано въ общемъ числѣ. Эта ошибка произошла, вѣроятно отъ опечатки.

[2]) Оставленнымъ въ подозрѣніи показанъ 1: не достаетъ 2-хъ.

[3]) Оставленнымъ въ подозрѣніи показанъ 1: не достаетъ одного.

[4]) Оставлено въ подозрѣніи 6: не достаетъ одного.

[5]) Оставлено въ подозрѣніи 3: не достаетъ двухъ.

[6]) Не достаетъ 8.

33 человѣка подвергаются по суду низшимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Тѣ же отношенія за 1878 и 1879 годы представляются въ слѣдующемъ видѣ.

ВѢДОМОСТЬ № 5.

Дисциплинарныя нарушенія

	1 Категорія.		2 Категорія.		3 Категорія *).	
	1878—1879 г.		1878—1879 г.		1878—1879 г.	
Общ. числ. суд.	1373—1210		896—750		146—63	
	%	%	%	%	%	%
Оправданныхъ	109—7,9	105—8,68	147—16,4	125—16,6	15—10,27	12—19,05
Присуждено къ уголовныхъ наказаніямъ . . .	3—0,22	7—0,57	19—2,2	11—1,46	58—39,7	39—60,33
Къ военно-исправительнымъ ротамъ .	331—24,1	240—18,8	332—37,42	296—40,24	11—7,5	6—9,54.
Къ военной тюрьмѣ и замѣняющимся наказаніямъ кромѣ тѣлесныхъ. . .	429—36,40	413—37,24	103—11,4	123—16,4	—	—
Къ тѣлесному наказанію . . .	61	—	5	—	—	—
Къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ. . .	229—16,6	154—12,7	130—14,5	55—7,3	51—35,03	1—1,56
Къ прочимъ наказаніямъ . . .	211—15,58	264—21,91	160—18,08	131—17,64	11—7,5	6—9,52
	100	100	100	100	100	100

Въ этой вѣдомости обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что, хотя преступленій третьей категоріи, къ которымъ мы отнесли важнѣйшія, въ 1879 году совершено менѣе, но они были наиболѣе тяжкія, такъ какъ около ⅔ приговоровъ состоялись въ смыслѣ присужденія къ уголовнымъ наказаніямъ, тогда какъ годомъ ранѣе подобныхъ приговоровъ было постановлено менѣе ⅓.

По свѣдѣніямъ министерства юстиціи за 1875 годъ—видно,

*) См. выше вѣдомость № 3.

что во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ шести судебныхъ округовъ (Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Одесскаго, Саратовскаго и Петербургскаго) судилось 37480 человѣкъ обоего пола, причемъ оправдано 13779 (около 37%), обвинявшихся въ важныхъ, наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, рѣшаемыхъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, было—29765, изъ которыхъ оправдано 10815 (около 36%). Такъ какъ юрисдикція военно-окружныхъ судовъ (военныхъ и полковыхъ) объемлетъ и нарушенія, подсудныя въ гражданскомъ вѣдомствѣ мировымъ судьямъ, то присоединяя общее число бывшихъ у мировыхъ судей подсудимыхъ (по 43 губерніямъ съ 60 милліоннымъ населеніемъ) 48207—увидимъ, что общее число подсудимыхъ было 85,687, изъ нихъ оправданныхъ — 34139 — 39,85% и осужденныхъ — 51548 — 60,15%.

Для большей точности сравненія съ преступностью въ средѣ войскъ, мы бы должны были исключить изъ разсчетовъ военно-судныя дѣла, производящіяся въ Виленскомъ, Кіевскомъ и Варшавскомъ военныхъ округахъ, а равно на Кавказѣ; но такъ какъ по свѣдѣніямъ министерства юстиціи, по отношенію къ производству у мировыхъ судей, губерніи Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Кіевская и Подольская въ разсчетъ приняты, то по отношенію къ военно-судной части мы откидываемъ лишь Кавказъ и Варшавскій округъ, что клонится скорѣе къ нашей невыгодѣ, затѣмъ мы беремъ 1879 годъ, какъ наиболѣе (въ численномъ отношеніи къ составу войскъ) неблагопріятный. Окажется слѣдующее

ВѢДОМОСТЬ № 6.

	Въ гражданскомъ вѣдомствѣ.	Въ военномъ вѣдомствѣ.
Общее число подсудимыхъ.	85687	14263
Изъ нихъ:		
Обвинялось передъ присяжными засѣдателями .	29765—34,8%	—
Въ преступленіяхъ соот-		

*) Слѣдуетъ принять во вниманіе раздѣленіе, сдѣланное въ вѣдомости № 3.

	Въ гражданскомъ вѣдомствѣ.	Въ военномъ вѣдомствѣ-	
вѣтственныхъ этой категоріи обще гражданскихъ.	—	1052	1547—10,9%
Служебныхъ	—	495	
Вообще оправдано . . .	44954—52,4%	2284	
Оправдано спеціально присяжными.	10814—36,3%	—	
По преступленіямъ соотвѣтственнымъ этой категоріи обще гражданскимъ.	-	162	197—12,7%
Служебнымъ	—	35	
Вообще въ военномъ вѣдомствѣ обвинялось по общимъ преступленіямъ . .	—	4432	
Спеціальнымъ.	—	9831	

Если исключить изъ приведенныхъ цифръ судившихся женщинъ (10219) и принимая мужское населеніе 6 судебныхъ округовъ съ присовокупленіемъ 7 сѣверо и юго-западныхъ губерній, круглымъ числомъ въ 30 (милліоновъ) душъ, а численный составъ войскъ, за исключеніемъ Варшавскаго и Кавказскаго военныхъ округовъ, въ 900 (тысячъ чел.), мы выведемъ, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ по одному преступленію приходится на 397, а тяжкому на 1127 жителей; въ военномъ же вѣдомствѣ общихъ преступленій придется по одному на 200 чел., изъ нихъ тяжкихъ—по одному на 580 человѣкъ, а включая служебныя преступленія, по одному — на 63 чел., такъ что на сто тысячъ въ гражданскомъ быту и въ арміи придется преступленій:

	Въ гражданскомъ.	Военномъ.
Вообше	270	1585
Тяжкихъ.	39	172 *)

Эти цифры намъ бы слѣдовало дополнить свѣдѣніями о числѣ военно-служащихъ, судившихся въ общихъ судебныхъ

*) Въ австро-венгерской арміи, какъ свидѣтельствуетъ „Русскій Инвалидъ“ (№ 262) въ 1881 году военными судами было разсмотрѣно 9259, конечно, служебныхъ дѣлъ, причемъ было оправдано 507, приговорено къ смертной казни 22, къ уголовнымъ и исправительнымъ наказаніямъ 501, къ тюремному заключенію 5729 и къ дисциплинарнымъ наказаніямъ 2866. Слѣдовательно, общее число подсудимыхъ превышало 9600, другими словами, оно не многимъ отличалось отъ числа нашихъ подсудимыхъ. Численность же австро-венгерской арміи не достигаетъ 300 тысячъ человѣкъ въ мирное время.

мѣстахъ, въ силу того, что ими совершались общегражданскія преступленія при соучастіи лицъ гражданскаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ Министерства Юстиціи, если въ таблицахъ и отведена особая рубрика, озаглавленная нижніе чины, то судя по тексту, подъ ними понимаются, если не исключительно отставные, то во всякомъ случаѣ, состоящіе на дѣйствительной службѣ и въ запасѣ не выдѣлены.

Заключая на этотъ разъ экскурсію по дебрямъ статистики, мы полагаемъ, что насъ не обвинятъ въ намѣренномъ подборѣ или подтасовкѣ данныхъ. Мы привели безразлично и клонящіяся въ нашу пользу и говорящія противъ насъ. Мы имѣли бы полное право, опираясь на эти данныя, обратиться къ гг. разрушителямъ и почтительнѣйше просить ихъ демонстрировать съ точки ихъ зрѣнія, если она искренна, приведенныя цифры; но такъ какъ отъ нихъ подобнаго отвѣта мы не дождемся, то попробуемъ сами сдѣлать подобную демонстрацію.

Передъ нами, въ силу ея, встанетъ поражающій фактъ, но далеко не тотъ, который ужаснулъ нашихъ противниковъ. Дѣло не въ увеличеніи дисциплинарныхъ преступленій: по вѣдомости № 1 оказывается, что въ 1878 году ихъ совершилось по 161 на 100 т. числительнаго состава войскъ, въ 1879 году по 202, а въ 1880 г. по 226; мы повторяемъ, что для правильной оцѣнки этихъ цифръ, мы не имѣемъ данныхъ сравнительной статистики; дѣло въ томъ, что по вѣдомости № 6, въ арміи, какъ въ отдѣльномъ общественномъ и, слѣдуетъ сказать, автономическомъ организмѣ, совершается гораздо болѣе преступленій, чѣмъ въ гражданскомъ быту. Другими словами, если бы тѣ 900 т. нашихъ согражданъ, которые числились въ 1879 году въ рядахъ арміи, были бы возвращены въ первобытное состояніе, то съ общаго баланса преступности (99800 челов.) пришлось бы скинуть около 14200, что представляло бы 14% выигрыша въ пользу народной нравственности. Этотъ фактъ не можетъ пройти безслѣдно въ глазахъ общества, въ виду того, что посылая въ ряды арміи цвѣтъ нашей молодежи—сыновей, питомцевъ, братьевъ и друзей, мы не можемъ быть увѣренными чтобы изъ числа ихъ мы не потеряли совершенно одного изъ

ста, а девяносто девять получили обратно, хотя и вышедшими побѣдителями изъ искушенія, но надломленными нравственно. Пусть не ссылаются въ этомъ случаѣ на то, что $^2/_3$ преступленій, совершаемыхъ въ арміи, представляются специальными, свойственными исключительно военной средѣ, что до половины этого рода преступленій падаетъ на побѣги и т. д. Мы отвѣтимъ на это, что въ числѣ специальныхъ преступленій оказывается до 460 (около 5%), влекущихъ за собой тяжкія, и уголовныя, и исправительныя наказанія, и что за исключеніемъ даже служебныхъ, остается все таки до $5^1/_2$ т. преступленій общегражданскихъ, изъ которыхъ тѣми же тяжкими наказаніями караются до 900, что доказываетъ, что на 100 т. численнаго состава войскъ приходится по 17 преступленій этой категоріи, а въ гражданскомъ быту лишь 9.

Не могутъ въ этомъ случаѣ утѣшать насъ и тѣмъ, что армія набираетъ въ свои ряды *худшихъ* людей. Неправда, отвѣтимъ мы, въ нее идутъ, при настоящей системѣ, скорѣе лучшіе; а затѣмъ стимуломъ къ преступленіямъ является ли матеріальная необезпеченность или нравственная распущенность, армія, по отношенію къ тому и другому, должна бы была служить въ нѣкоторомъ родѣ страховымъ учрежденіемъ, между тѣмъ, она не только не предупреждаетъ преступности, а напротивъ, созидаетъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ въ общегражданскомъ быту нарушеній, черезъ которыя приходится пройти одному изъ ста опекаемыхъ ею. Фактъ этотъ, повторяемъ, поражающій, доказывающій, что въ органическомъ устройствѣ быта нашихъ войскъ есть что-то такое не нормальное, требующее тщательнаго анализа и безотлагательныхъ мѣръ и измѣненія.

Но, какъ ни несомнѣненъ констатированный нами фактъ, какъ ни непреложно выведенное изъ него заключеніе, можно ли въ подобной ненормальной обстановкѣ войсковой жизни обвинять прямо, непосредственно и исключительно, судъ?

Положимъ, судъ—культивирующее учрежденіе, но въ качествѣ суда, можетъ ли онъ вмѣшиваться, безъ ущерба для своей непосредственной дѣятельности, въ административную, или правильнѣе сказать, командную часть войскъ? Судъ можетъ

карать опекуновъ, расхищающихъ опекаемыя ими имущества, но можетъ ли онъ положительными мѣрами улучшить самое учрежденіе опекъ, если бы онъ изъ ряда прошедшихъ черезъ него нарушеній, усмотрѣлъ, что они объясняются недостатками учрежденія? Тѣмъ болѣе пассивной представляется роль военнаго суда, который принимаетъ къ своему разсмотрѣнію лишь тѣ дѣла, которыя благоугодно начальству обнаружить передъ нимъ. А на ряду съ этими 14 т. дѣлъ, такъ или иначе разсматриваемыхъ судами, остается сколько тысячъ такихъ, которыя и не доходятъ до суда, оканчиваясь въ дисциплинарномъ порядкѣ: статистика не отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ. Положимъ, военный судъ имѣетъ право возбуждать отвѣтственность лицъ, суду не преданныхъ, коль-скоро, во время разсмотрѣнія судебнаго дѣла, обнаружены будутъ съ ихъ стороны злоупотребленія. Но во что обратилось это право? Многимъ ли возбужденнымъ подобнымъ образомъ дѣламъ дается установленный законный ходъ? На этотъ вопросъ статистика тоже не отвѣтитъ: фактъ же говоритъ, что начальство, получая черезъ прокуроровъ подобныя постановленія суда, въ большинствѣ случаевъ, кладетъ ихъ подъ сукно, а если и даетъ имъ ходъ, то ограничивается наложеніемъ дисциплинарнаго, ничтожнаго, взысканія, сѣтуя къ тому же на то, что судъ дозволяетъ себѣ проникать въ тайны внутренней жизни той среды, которая порождаетъ преступленія. Между тѣмъ, нѣтъ почти дѣла, не только спеціальнаго, но даже общегражданскаго, разсматривая которое военный судъ не усматривалъ бы, за спиной подсудимаго, прямаго, хотя и скрытаго виновника, будетъ ли этимъ виновникомъ личность или система. Но какъ добыть этого виновника—вотъ задача для суда, положительно неразрѣшимая.

Но судъ любятъ обвинять въ томъ, что онъ не содѣйствуетъ усердному начальству въ его стремленіи покарать преступленіе, что онъ относится скептически къ обвиненіямъ, оправдывая подсудимыхъ, что онъ путемъ смягченій, ходатайствъ, старается низвести до нуля законную кару, тѣмъ самымъ ставитъ начальство въ невозможное, безисходное положеніе. Такъ ли это? Относительно оправдательныхъ приговоровъ у насъ есть

цифры: что же говорятъ онѣ? Въ то время, какъ въ общегражданскихъ судахъ, изъ 85 т. подсудимыхъ оправдывается 45 т. или больше половины, военные суды оправдываютъ 23 сотни лицъ изъ 14 т. подсудимыхъ, т. е. около 16%, въ томъ числѣ по тяжкимъ преступленіямъ однаго изъ 8, присяжные оправдываютъ одного изъ 4, а по специальнымъ служебнымъ преступленіямъ одного изъ 7 (см. вѣдомость № 6).

Свидѣтельствуютъ ли эти цифры о поблажкѣ со стороны суда?

Военно - судебная статистика не даетъ намъ отвѣта на второе обвиненіе: о количествѣ смягчающихъ наказуемость приговоровъ, и мы въ этомъ отношеніи, на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ, готовы подтвердить, что дѣйствительно наши военные суды скорѣе склонны къ снисхожденію, чѣмъ къ строгости; но во 1) значеніе этого обвиненія, если даже считать его обвиненіемъ, умаляется тѣмъ, что большая часть подобныхъ приговоровъ и ходатайствъ приходится на долю гг. офицеровъ, къ которымъ судъ, по крайней мѣрѣ въ наше время, относился крайне снисходительно; во 2) оправдывается, сколько вышеприведеннымъ констатированнымъ фактомъ, что суду приходится весьма часто видѣть въ подсудимыхъ лишь очистительную жертву невозможныхъ порядковъ и знать, что отъ строгой кары пострадаетъ только личность, а дѣло нисколько не выиграетъ, столько и потому, что основнымъ девизомъ дѣятельности суда, какъ общегражданскаго,—такъ и военнаго, представляется не одна отвлеченная справедливость, но и *милость*. Наконецъ, кто же не знаетъ, что одной *строгостью* приговоровъ преступленія не предупреждаются, а отсюда выводъ тотъ, что коль скоро выдвигается на передній планъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ увеличенія преступности въ извѣстной средѣ, какъ напримѣръ, въ войскахъ, разрѣшить его возможно не обвиненіемъ суда, какъ посредничествующей въ этомъ случаѣ инстанціи, а тѣхъ, въ прямой обязанности которыхъ лежитъ нравственное воспитаніе той среды, которая даетъ почву преступленіямъ. И дѣйствительно, если обратиться къ специальному виду служебныхъ преступленій, увеличеніе которыхъ повидимому наиболѣе тревожитъ, т. е. къ такъ называемымъ ди-

сциплинарнымъ, если анализировать ихъ по возможности строго и безпристрастно, то въ чемъ именно кроется источникъ этихъ преступленій?

Не надо быть спеціально военнымъ, строевикомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, чтобы понять, что *дисциплина* въ такой спеціальной средѣ, какою представляется армія, есть краеугольный камень ея дѣйствительной силы. Но, что же такое дисциплина?

„Воинская дисциплина, говоритъ законъ, состоитъ *въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами.* Поэтому она обязываетъ *строго соблюдать чинопочитаніе, точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства* (кромѣ лишь тѣхъ, кои сопряжены съ нарушеніемъ присяги и вѣрности службы или исполненіе которыхъ мыслимо лишь подъ условіемъ совершенія явно преступнаго дѣянія), сохранять въ ввѣренной командѣ порядокъ, *добросовѣстно исполнять обязанности службы* и не оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія" [1]). Въ означенномъ юридическомъ опредѣленіи понятія дисциплины, мы подчеркнули тѣ требованія, которыя имѣютъ по нашему мнѣнію прямое соотношеніе къ массѣ, т. е. къ подначальнымъ [2]). Это общее опредѣленіе дополняется во 1) разъясненіемъ понятія чинопочитанія: оно, по буквальному смыслу закона [3]), обязываетъ младшаго оказывать не только начальнику, но и старшему въ чинѣ должное уваженіе, какъ на службѣ, *такъ и внѣ службы* [4]), во 2) точнымъ разъясненіемъ обязанностей начальника.

---

[1]) Ст. 1 дисциплин. устава и 69 В. Уст. о нак.

[2]) Съ этой точки зрѣнія можно бы было исключить чинопочитаніе, такъ какъ въ отношеніяхъ нижнихъ чиновъ къ офицерамъ и между собой (старшіе и младшіе), оно заключается въ требованіи болѣе общемъ и болѣе понятномъ для массы: *точнаго исполненія приказаній начальства.*

[3]) Ст. 2. Дисципл. Уст.

[4]) Великій юристъ г. Соболевскій удостовѣряетъ, что *чинъ* въ военной службѣ не играетъ никакой роли. Все дѣло, говоритъ онъ, въ началѣ *подчиненности,* подчиненность же въ военной службѣ обусловливается принадлежностью къ той или другой категоріи облеченныхъ властію лицъ, а такъ-какъ подобныхъ категорій въ военной службѣ три: оберъ-офицеры, штабъ-офицеры и генералы, то, по мнѣнію г. Соболевскаго, очевидно, что оберъ-офицеры, въ отношеніяхъ между собою, равны. Оче-

„Польза службы, говоритъ ст. 4 дисциплинарнаго устава, требуетъ отъ начальника охраненія въ командѣ воинской дисциплины и порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обязываетъ его въ сношеніи съ подчиненными *быть справедливымъ, отечески пещись о благосостояніи ввѣренной ему команды, входить въ нужды своихъ подчиненныхъ, быть въ потребныхъ случаяхъ ихъ совѣт-*

видно скажемъ мы, что г. Соболевскій, и въ этомъ случаѣ, выказалъ непростительное невѣжество, во 1) совершенно игнорируя буквальный смыслъ цитируемой нами статьи дисциплинарнаго устава, не оставляющей никакого сомнѣнія, что въ военной службѣ имѣютъ значеніе не только *начальническія* отношенія, но и *чинъ* вообще и во 2) одинаково игнорируя ст. 72 В. Уст. о Наказ., постановляющую, что въ преступленіяхъ и проступкахъ, соединенныхъ съ нарушеніемъ воинской дисциплины и обязанностей службы, *начальникъ*, а при отсутствіи его — старшій въ званіи *или чинѣ*, при равенствѣ же званій и чиновъ — старшій въ семъ званіи или чинѣ, участвовавшій въ совершеніи преступнаго дѣйствія, подвергается *всегда* строжайшему наказанію. А тамъ, гдѣ больше отвѣтственности, очевидно, и болѣе правъ. Невѣжество свое г. Соболевскій основываетъ на 100 ст. В. Уст. о Наказ., доказывая этимъ, что онъ даже не умѣетъ читать закона. Статья эта, какъ по редакціи, такъ и по текстуальному изложенію ея, раздѣляется на три пункта. Первый основной гласитъ: младшіе за оскорбленіе старшихъ подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ предыдущихъ статьяхъ за оскорбленіе *начальника*, но *всегда* одною, двумя или тремя степенями выше.

Второй пунктъ или тезисъ начинается словами: *въ настоящемъ случаѣ*, т. е, предусмотрѣнномъ первымъ тезисомъ, *младшими* признаются оберъ-офицеры въ отношеніи штабъ-офицеровъ и генераловъ, а штабъ-офицеры — въ отношеніи генераловъ. Если бы законодатель, проводя это разъясненіе, вмѣсто словъ: *въ настоящемъ случаѣ* употребилъ слово: *вообще*, то и тогда проводимое имъ разграниченіе должно бы быть понято въ томъ смыслѣ, что обязательное для суда возвышеніе наказанія въ степеняхъ имѣетъ примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда неоказаніе съ намѣреніемъ должнаго уваженія, неприличное обращеніе, вообще пренебреженіе, оскорбленіе начальника на словахъ, письменно, печатно и т. д. оказаны оберъ-офицеромъ штабъ-офицеру и генералу, а штабъ-офицеромъ генералу, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы судъ не имѣлъ права при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ, возникающихъ въ частности между оберъ-офицерами, штабъ-офицерами и генералами, примѣнить къ нанесшему оскорбленіе старшему въ чинѣ,—а при равенствѣ—старшему по времени производства,—нормальное наказаніе, опредѣленное въ предшествующихъ ст. 100 статьяхъ, а не то, которое установлено общегражданскими законами. Этотъ выводъ подтверждается недавнимъ разъясненіемъ Главнаго Военнаго Суда по отношенію къ нижнимъ чинамъ. Этимъ разъясненіемъ проведено то начало, что ст. 72 В. Уст. о Наказ. и обязательное по оной возвышеніе наказанія обусловливается для нижнихъ чиновъ исключительно званіемъ, ими носимымъ (нижній чинъ, ефрейторъ, унтеръ-офицеръ, фельдфебель) и существованіемъ начальническихъ отношеній, а не *старшинствомъ по службѣ*.

никомъ и руководителемъ, избѣгать всякой неумѣстной строгости, не оправдываемой требованіями службы, и развивать и поддерживать въ каждомъ офицерѣ и солдатѣ сознаніе о высокомъ значеніи воина, призваннаго къ защитѣ Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ"; въ 3) опредѣленіями военно-карательнаго закона, который, исчисляя болѣе подробно отдѣльные виды нарушенія воинскаго почитанія и подчиненности, въ существѣ дисциплины, и опредѣляя за каждый видъ нарушенія нормальное наказаніе, какъ доказываетъ приведенная выше вѣдомость № 2, всевозможныя нарушенія эти подводитъ подъ слѣдующія требованія: не оказывай съ *намѣреніемъ* неуваженія къ начальству (не дозволяй противъ него неприличнаго обращенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ пренебреженія), не оскорбляй его *на словахъ, въ письмѣ и въ печати*, неприличными, а тѣмъ болѣе, *насильственными* дѣйствіями; не *прибѣгай къ самосуду* по дѣлу, касающемуся службы, *исполняй полученныя* отъ начальника приказанія, какъ общія, такъ и лично до тебя относящіяся, *не сопротивляйся* исполненію приказаній или распоряженій начальства, *не ропщи* противъ нихъ, а равно на *тягость службы и на претерпѣваемыя при томъ лишенія*, *не возставай* противъ начальства, *не соглашай* другихъ къ противодѣйствію начальству или его распоряженіямъ, какъ прямому, такъ и косвенному, черезъ составленіе прошеній, заявленій и подобнаго рода бумагъ; *не подговаривай и не подстрекай* другихъ къ неисполненію приказанія, не повиновенію или сопротивленію. Мы не безъ намѣренія перечислили всѣ эти виды нарушеній, придерживаясь по возможности характеристики признаковъ ихъ, приводимой закономъ, причемъ это перечисленіе всякаго не предубѣжденнаго читателя приведетъ къ двумъ заключеніямъ: 1) коль скоро законъ въ своихъ требованіяхъ противопоставляетъ массу начальникамъ, возлагая на тѣхъ и другихъ извѣстныя нравственныя и юридическія обязанности, при не исполненіи которыхъ содѣлывается невозможнымъ достиженіе основныхъ цѣлей военной службы, то, одновременно, и тѣмъ и другимъ предоставляется пользованіе точно опредѣленными правами, нарушеніе которыхъ, съ чьей бы стороны оно

не послѣдовало, составляя преступленіе, должно быть преслѣдуемо въ установленномъ порядкѣ и одинаково. Въ этомъ равновѣсіи правъ и обязанностей заключается вся суть военной дисциплины, такъ какъ, при малѣйшемъ, зависящемъ отъ произвола, колебаніи вѣсовъ, въ ущербъ той или другой сторонѣ, водворяется безпорядокъ въ части, не согласующійся съ условіями военной службы; и во 2) предъявленныя закономъ къ военно-служащимъ требованія, не только представляются логическимъ послѣдствіемъ основныхъ принциповъ военной службы, но, кромѣ того, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чтобы не было обязательно въ общегражданскомъ быту, внѣ всякаго прикосновенія къ военной службѣ. Вникните въ каждое изъ приведенныхъ выше требованій, окажется, что и въ общихъ уголовныхъ законахъ, вы найдете соотвѣтственныя статьи, грозящія карой въ случаѣ нарушенія ихъ. Въ дѣлахъ о личныхъ оскорбленіяхъ, исключите слово *начальникъ* (въ гражданской службѣ оно тоже существуетъ) и вы найдете, что оскорбленіе лица, имѣющаго право на большее или меньшее уваженіе, влечетъ за собой болѣе строгія послѣдствія, чѣмъ оскорбленіе равнаго. Въ требованіяхъ воинскихъ уставовъ о наказаніяхъ, касающихся неповиновенія, замѣните слово *начальникъ* словами *правительство и власти, отъ него установленныя*, слово *приказаніе*—словомъ *требованіе*, вы найдете въ общеуголовныхъ кодексахъ тѣ же прещенія и тѣ же ограждающія эти прещенія мѣры.

Намъ скажутъ: да, но въ общегражданскомъ быту ограждается *безпрекословное* исполненіе требованій, основанныхъ *на законѣ*, а не на произволѣ. Но развѣ не тѣ же самыя основанія существуютъ и въ военномъ быту? Развѣ въ немъ возможны требованія *произвольныя*, которыя основывались бы не *на законѣ*, будетъ ли онъ общій, или спеціально военный? Развѣ и въ гражданскомъ быту, при предъявленіи *незаконнаго* требованія, дозволено явное сопротивленіе ему единоличное или массой? Развѣ въ функціи суда, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ быту, не входитъ обязательный разборъ *мотивовъ* неисполненія, причемъ, если передъ гражданскимъ судомъ неисполненіе *явно*

незаконнаго требованія представляется вообще не наказуемымъ, а въ военномъ быту можетъ все-таки повлечь за собой извѣстнаго рода наказаніе, въ виду *особенной обстановки* нарушенія, то принятіе послѣдней во вниманіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обязательно и для гражданскаго суда.

Всю разницу между общегражданскимъ и военнымъ бытомъ въ этомъ отношеніи мы видимъ лишь въ *степени наказуемости*, а сверхъ того, въ томъ, что преслѣдованіе многихъ нарушеній въ общегражданскомъ быту поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго, а въ военномъ быту—оно обязательно для начальника, въ виду того, что всякое подобное нарушеніе, какъ бы, съ общегражданской точки зрѣнія, оно ни казалось маловажнымъ по существу и присущимъ ему послѣдствіямъ, въ военномъ быту влечетъ къ нарушенію *порядка*, охраненіе котораго обязательно.

Проводя подобныя сопоставленія, мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь требованія воинской дисциплины, которыя предусмотрѣны военными законами вообще и, въ частности, ст. 4 дисциплинарнаго устава, цитированной выше, опредѣляющей точно и ясно не только права начальника, но и обязательный для него порядокъ дѣйствій по отношенію къ подчиненнымъ, дозволившимъ себѣ нарушеніе. Какъ начальникъ, онъ не освобождается отъ подчиненія военнымъ законамъ, и если ими не могутъ быть предусмотрѣны всѣ мелочные виды нарушеній, влекущихъ къ безпорядку, тѣмъ не менѣе законъ требуетъ, чтобы начальникъ былъ *справедливъ* (и по отношенію къ требованіямъ и по отношенію къ взысканіямъ), чтобы онъ *отечески пекся* о благосостояніи подчиненныхъ (подъ понятіе благосостоянія подходитъ и забота о нравственномъ благосостояніи, а, слѣдовательно, и о томъ, чтобы подчиненный не подвергался обидамъ, притѣсненіямъ, излишнимъ требованіямъ и т. д.), чтобы онъ, развивалъ въ подчиненныхъ сознаніе о высокомъ значеніи воина, а подъ послѣднимъ слѣдуетъ подразумѣвать— и *самоуваженіе*, при отсуствіи котораго не можетъ быть и рѣчи о *высокомъ значеніи*, въ какой бы сферѣ дѣятельности подобное значеніе ни требовалось. Наконецъ, законъ *воспре-*

щаетъ начальнику неумѣстную *строгость*, понимая подъ послѣдней одинаково и суровость въ дѣлѣ преслѣдованія и излишнюю, не установленную закономъ, требовательность. Хотя въ ст. 4 и не говорится объ обязательной для начальника необходимости служить примѣромъ подчиненнымъ въ дѣлѣ исполненія военныхъ законовъ и требованій службы; но это само собой подразумѣвается.

Но такъ ли въ дѣйствительности прилагается понятіе дисциплины въ войскахъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ, и вслѣдствіе того, изъ совокупности требованій, логически истекающихъ одно изъ другаго, эта дисциплина обращается въ цѣлую неразрывную цѣпь притязательныхъ и невыносимыхъ посягательствъ, тѣмъ болѣе не дозволительныхъ, что ими подрываются не только военные законы, какъ отвлеченный регуляторъ извѣстныхъ отношеній, но существеннѣйшія условія самой военной службы.

Въ одномъ изъ рѣшеній 1873 г. (№ 276) Главный Военный Судъ провелъ различіе между *разумной* и *неразумной* дисциплиной. Что подобное различіе существуетъ фактически, доказывается и самымъ военно-уголовнымъ закономъ, которому, при отрицаніи возможности существованія неразумной дисциплины, не было бы надобности включать въ В. Уст. о Наказ. ни ст. 69, цитированной нами выше, ни 109, ставящей въ обязанность суда въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе дисциплины вызывается противозаконнымъ, унизительнымъ или жестокимъ обращеніемъ, понижать для виновнаго нормальное наказаніе на одну или двѣ степени.

Какъ скоро о бокъ съ разумной дисциплиной можетъ существовать и *не разумная*, весьма естественно, что и понятіе о *дисциплинѣ* вообще, изъ непреложнаго начала, которымъ мы его признаемъ, обращается въ принципъ, неприкосновенность котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть подвергаема, если не безусловному сомнѣнію, то тщательному анализу, результаты котораго не могутъ быть предрѣшены заранѣе. Какъ скоро подобный анализъ входитъ въ кругъ обязанностей суда, нельзя же требовать отъ него, чтобы онъ рѣшалъ предоставленные его разсмотрѣнію частные случаи всегда въ

пользу начальства, возбуждающаго преслѣдованіе. Представляя изъ себя одинъ изъ органовъ военной администраціи, онъ не можетъ игнорировать основныхъ, обязательныхъ для каждаго подобнаго органа, требованій, а въ числѣ ихъ на первомъ планѣ стоитъ охраненіе дисциплины, послѣдняя же, какъ мы видѣли, существуетъ лишь подъ условіемъ строгаго соблюденія регулирующихъ ее военныхъ законовъ и въ частности, строгаго соотвѣтствія между требованіями съ одной стороны, законностью ихъ по существу и по формѣ предъявленія, а съ другой стороны—возможностью или невозможностью ихъ исполненія. Лишенному права непосредственно влiять на устраненіе всѣхъ случаевъ неразумныхъ, противузаконныхъ, унизительныхъ и даже жестокихъ требованій, подкапывающихъ самое понятіе дисциплины, суду не остается ничего болѣе, какъ возстановлять нарушенное въ правовомъ порядкѣ равновѣсіе мѣрами косвенными, т. е. или оправданіемъ нарушителя или наказаніемъ его въ возможно меньшей мѣрѣ. Съ другой стороны—существованіе неразумной дисциплины влечетъ естественно къ увеличенію преступности, при чемъ этотъ результатъ представляется не послѣдствіемъ послабленій со стороны суда, какъ думаютъ непосредственно заинтересованные въ этомъ, а послѣдствіемъ дезорганизаціи части, сопровождающей неминуемо нарушеніе правоваго порядка со стороны начальниковъ. Если въ прежнее время существовало правило судить о достоинствѣ начальника части по количеству побѣговъ, совершенныхъ изъ оной, то въ силу того же начала, по размѣрамъ преступности въ части, можно и должно судить о способности извѣстнаго лица къ самостоятельному командованію частью.

Возникаетъ вопросъ, чѣмъ же объяснить возможность водворенія, рядомъ съ разумной, еще и неразумной дисциплины?

Ближайшей, непосредственной причиной представляется то, что законное понятіе дисциплины расширяется не въ мѣру односторонними воззрѣніями начальниковъ на права, имъ принадлежащія, при чемъ они не довольствуются опредѣленіями закона, а вдохновляются собственными соображеніями, источникъ коихъ кроется въ присущемъ каждому изъ нихъ своеоб-

разномъ пониманіи интересовъ службы. Къ сожалѣнію, начальники этой категоріи, оправдываясь ревностью къ службѣ, поддерживаются въ своихъ стремленіяхъ судебной властью, которая вопреки основному принципу, воспрещающему распространять смыслъ уголовнаго закона въ ущербъ интересамъ подсудимаго, пользуясь неопредѣленностью военно-уголовнаго закона, даетъ послѣднему непомѣрно широкое толкованіе. Чтобы доказать фактически этотъ выводъ, достаточно указать на нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ судебной практики.

1. Ст. 96 В. Уст. о Наказ., требующая отъ подчиненнаго, чтобы онъ оказывалъ начальнику должное уваженіе, не дозволяя себѣ неприличнаго съ нимъ обращенія, а тѣмъ болѣе пренебреженія къ его лицу и обусловливающая это преступленіе непремѣннымъ присутствіемъ въ немъ *намѣренія*, не только распространена на начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ *), что какъ мы увидимъ ниже, ни коимъ образомъ не соотвѣтствуетъ природѣ взаимныхъ отношеній, существующихъ между ними, но составъ преступленія поставленъ въ зависимость отъ чисто внѣшнихъ признаковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ внутренними побужденіями нарушителя. Поэтому возвышеніе голоса, грубость рѣчи, неприличіе сопровождающихъ ее движеній, не соотвѣтственность употребленныхъ выраженій, принимаются за обстоятельства, присутствіе которыхъ не оставляетъ сомнѣнія въ наличіи намѣренія, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, эти признаки служатъ доказательствомъ лишь умственной и нравственной неразвитости нарушителя. Это замѣчаніе наше можетъ быть легко усвоено, если мы припомнимъ, что наша армія и при дѣйствіи всеобщей воинской повинности, рекрутируется преимущественно изъ крестьянъ. Если по отношенію къ германской арміи, справедливо говорятъ, что она своими достоинствами обязана школьному учителю, то наша народная школа далеко еще не достигла подобнаго значенія. Она ограничиваетъ свою роль исключительно распространеніемъ грамотности, что касается выработки характера, въ

*) Рѣшеніе Главнаго Военнаго Суда, 1873 г. № 227.

частности—воспитанія, то эта задача и не входитъ въ кругъ обязательныхъ для народныхъ школъ дѣйствій. Съ другой стороны, если наши среднія учебныя заведенія, существующія для дѣтей болѣе интеллигентной массы, не находятъ, по отношенію къ воспитанію, пособія себѣ отъ семьи, то можетъ ли на подобное пособіе расчитывать народная школа? А что представляетъ изъ себя крестьянская среда? 20-лѣтній юноша, выходящій изъ нея, выростаетъ при такихъ условіяхъ, что бранное слово представляется ему на столько же необходимымъ, какъ соль къ щамъ и масло къ кашѣ; онъ живетъ подъ вліяніемъ афоризмовъ, выработанныхъ народной мудростью, удостовѣряющихъ, что брань на вороту не виснетъ, что гнаться за каждымъ тычкомъ нельзя и т. д. Онъ выростаетъ подъ тѣмъ убѣжденіемъ, что ударить на отмашку обидчика, кто бы онъ ни былъ, не только не составляетъ неодобрительнаго дѣйствія, но представляется молодечествомъ, вызывающимъ похвалы. Онъ невольно усваиваетъ себѣ извѣстную интонацію голоса и извѣстный складъ рѣчи. Представьте себѣ теперь этого молодого человѣка въ рядахъ арміи, въ ежедневныхъ отношеніяхъ съ такими же, какъ онъ, молодцами, которымъ, однако, присвоиваются надъ нимъ права начальника. Положимъ, эти послѣдніе, въ теченіи болѣе продолжительной службы, усваиваютъ себѣ извѣстный, внѣшній лоскъ, но, въ существѣ, они остаются тѣми же, какъ и новобранецъ. Съ ихъ стороны встрѣчается тоже обращеніе, слышится та же знакомая рѣчь, она подкрѣпляется тѣми же аргументами въ родѣ зуботычинъ, толчковъ и т. д.: старослужащіе въ этомъ отношеніи еще хуже, такъ какъ внутреннюю, присущую имъ, неотесанность они только прикрываютъ внѣшнимъ лоскомъ, причемъ тщеславятся своимъ начальническимъ положеніемъ и осуществляютъ послѣднее въ невѣроятно дикихъ формахъ *). Хотя лыкомъ шито, а

*) Припомнимъ случай старослужащаго унтеръ-офицера, изукрашеннаго медалями и иными знаками отличія, дозволившаго себѣ передъ фронтомъ обучаемыхъ имъ новобранцевъ и публично, дерзко отозваться о священной Особѣ Государя Императора изъ за того только, что ему нельзя пустить въ ходъ палку. Онъ былъ судимъ; но покойному Государю благоугодно было ограничить ему наказаніе лишеніемъ унтеръ-офицерскаго званія и переводомъ на службу въ отдаленныя войска.

всетаки начальство. При подобномъ соотношеніи людей, почти что равныхъ по развитію, можно ли требовать отъ новобранца, чтобы онъ сразу цивилизировался, умѣлъ владѣть собою, отдѣлался отъ извѣстныхъ замашекъ, справился бы съ своей рѣчью и т. д. Достичь подобнаго результата необходимо, но возможно ли вдругъ—вотъ практическій вопросъ, на который, къ сожалѣнію, не обращается должнаго вниманія. Съ перваго раза является излишняя требовательность, приводящая къ наказанію, какъ высшему аргументу, единственно доступному извѣстнаго рода начальникамъ. Въ вѣдомости № 2, мы уже показали, что этого рода нарушенія представляются наиболѣе развитыми. Предположимъ, что треть совершаемыхъ противъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ нарушеній касается 96 ст., окажется, что въ 1879 году, изъ 220 нарушеній этого рода—130 совершены служащими на общемъ 7 лѣтнемъ и 6 лѣтнемъ срокѣ и 80 служащими по рекрутскому набору. На сколько же въ этомъ отношеніи осуществимы требованія, предъявленныя къ нижнимъ чинамъ, можно заключить потому, что изъ 33 примѣрныхъ рѣшеній Гл. В. С., цитированныхъ въ изданіи Анисимова и Мартынова (1879 г.) и относящихся къ 96 ст., 6 состоялись по офицерскимъ дѣламъ, что по одному изъ этихъ рѣшеній, подъ 96 ст., подведено дѣяніе рядоваго, который, въ пьяномъ видѣ, взялъ унтеръ-офицера за сюртукъ, приговаривая „ты мой дядька“. Къ этому же роду преступленій отнесено и преступленіе рядоваго Санченко противъ Шт. Ротмистра Бобина, о которомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

II. При разъясненіи ст. 97 В. Уст. о Нак., предусматривающей намѣренное оскорбленіе словомъ и неприличнымъ дѣйствіемъ, каковая статья распространяется одинаково и на начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, судебная [1]) практика пошла еще далѣе: независимо отъ общегражданской чести, она создала еще другую—спеціально военную, находя, что въ военной службѣ обязательно соблюденіе не однихъ общепринятыхъ правилъ чинопочитанія. Между тѣмъ, мы видимъ, что ст. 4

[1]) Рѣшенія Гл. В. С. 1869 г. №№ 7 и 80. 1870 г. №№ 5 и 46.

дисциплинарнаго устава, относя подъ понятіе чинопочитанія уваженіе, очевидно, предусматриваетъ такія нарушенія, которыя, не согласуясь съ общепринятыми понятіями о личной чести, не заключаютъ въ себѣ отрицанія иныхъ служебныхъ отношеній.

III. Ст. 96 по 99 В. Уст. о Нак. проводятъ существенную разницу между преступленіями, совершенными противъ начальника, во время исполненія имъ обязанностей службы и внѣ службы. Эта оговорка сама по себѣ весьма понятна, въ особенности при существованіи ст. 4 дисциплинарнаго устава, установляющей тотъ принципъ, что старшіе и внѣ службы должны пользоваться уваженіемъ отъ младшихъ. Но судебная практика пошла далѣе: она привела къ совершенному уничтоженію внѣ служебныхъ отношеній, создавъ такимъ образомъ невообразимое для младшихъ положеніе. На практикѣ, изъ чисто дружескаго, товарищескаго объясненія, можетъ возникнуть служебное нарушеніе. Стоитъ только старшему незамѣтно перемѣнить тонъ рѣчи, чтобы *разомъ* преобразоваться въ начальника, находящагося при исполненіи обязанностей службы и вовлечь тѣмъ самымъ говорящаго съ нимъ младшаго въ совершителя служебнаго нарушенія. Послѣ этого понятными дѣлаются слѣдующіе факты: а) высшій начальникъ, производя смотръ одной части, одновременно арестовалъ завѣдывающихъ отдѣльными частями двухъ офицеровъ: одного—за то, что отвѣчалъ на вопросъ, обращенный не къ нему, лично, а къ лицу подчиненнаго; а другаго за то, что, напротивъ, на вопросъ, непосредственно обращенный къ подчиненному, не отвѣчалъ лично. Весьма естественно, что произошелъ переполохъ въ части. Потребовалось, для разъясненія дѣйствій начальника, отдать особый приказъ, въ которомъ пояснить, въ какихъ случаяхъ непосредственный начальникъ инспектируемой части долженъ отвѣчать инспектирующему самъ, въ какихъ—предоставлять право слова подчиненному. Интересно бы собрать и комментировать всѣ подобнаго рода частные приказы, приводящіе къ тому результату, что рядомъ съ военными законами существуютъ распоряженія, обязанныя своимъ происхожденіемъ

единственно произволу начальниковъ, подчиняться которымъ военно-служащій обязанъ, хотя бы эти требованія противорѣчили въ существѣ требованію военныхъ законовъ; б) въ одномъ изъ клубовъ полковникъ исправлялъ обязанности дежурнаго старшины: онъ, въ этомъ качествѣ, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе офицеру, тотъ, въ свою очередь, какъ полноправный членъ собранія, позволилъ себѣ указать на неправильность сдѣланнаго замѣчанія. Возникло служебное нарушеніе. Послѣ этого можетъ возникнуть служебное нарушеніе изъ за того, что въ ученомъ засѣданіи возбудится научный споръ между младшимъ и старшимъ въ чинѣ, а что подобныя нарушенія возможны за винтомъ, за попойкой въ какомъ либо трактирѣ, объ этомъ нечего и говорить. Мы можемъ по этому поводу привести примѣръ, лично намъ извѣстный, доказывающій, на сколько могутъ быть ненормальны отношенія между старшими и младшими внѣ служебной сферы. Въ одномъ обществѣ молодой офицеръ передъ дамами позволилъ себѣ посмѣяться надъ отсутствующимъ начальникомъ и представить его въ карикатурномъ видѣ. На общій смѣхъ, раздавшійся въ гостиной, изъ сосѣдней комнаты вышелъ штабъ-офицеръ, которому разсказчикъ не былъ нисколько подчиненъ. Не далѣе, какъ на другой день, расправа. Штабъ-офицеру—строгій выговоръ за то, что не остановилъ предоставленной ему властію обидчика, а послѣдній переведенъ въ другую, отдаленную часть. Но если подобное расширеніе понятія служебныхъ обязанностей отзывается весьма тяжело на отношеніяхъ Г.г. офицеровъ между собою и даетъ поводъ къ подчиненію служебныхъ отношеній различнымъ личнымъ воззрѣніямъ, то можно понять, какую путаницу отношеній оно можетъ возбудить между нижними чинами.

IV. Мы видѣли выше, что, если ст. 1 дисциплинарнаго устава и обязываетъ исполнять безпрекословно приказанія начальника, то ст. 69 В. Уст. о Нак. предусматриваетъ случаи, когда подчиненный можетъ и не исполнять приказанія. Судебная практика, проведшая различіе между разумной и неразумной дисциплиной, могла бы сгладить это противорѣчіе и, конечно, въ интересахъ подчиненныхъ. Она сдѣлала наоборотъ.

Выиграла ли отъ этого польза службы, мы не знаемъ; но при тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляются нынѣ къ строевому образованію, признающихъ необходимость самостоятельнаго, единичнаго развитія военно-служащихъ, столь необходимаго въ военное время, ставить того же военно-служащаго въ мирное время въ такое положеніе, чтобы онъ не смѣлъ разсуждать объ отданномъ ему приказаніи,—представляется аномаліей, которая едва ли приведетъ къ полезнымъ результатамъ [1]).

Мы не намѣрены продолжать этихъ доказательствъ, признаваемаго нами неправильнымъ, положенія, которое приняла судебная практика по отношенію къ законному опредѣленію понятія о границахъ разумной дисциплины. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, на сколько справедливы упреки суду въ противодѣйствіи начальству.

Вторую непосредственную причину увеличенія дисциплинарныхъ преступленій въ арміи, мы видимъ въ неумѣніи начальниковъ осуществлять свою власть, а это неумѣнье, въ свою очередь, объясняется двумя обстоятельствами. Съ одной стороны—существующими отношеніями между нижними чинами и Гг. офицерами, съ другой стороны—злоупотребленіемъ правами и властью. Намъ кажется, что Гг. офицеры слишкомъ удалены отъ массы нижнихъ чиновъ, руководителями которыхъ они должны бы были быть не въ одномъ строевомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. На бытъ нижнихъ чиновъ слишкомъ вліяютъ начальники изъ нихъ же, т. е. та среда, которая, по изложеннымъ нами выше соображеніямъ, представляется не

---

[1]) Примѣръ: фельдфебель, съ вѣдома ротнаго командира или безъ онаго—для дѣла безразлично, повадился по ночамъ вывозить изъ хлѣбопекарни мѣшки съ каменнымъ углемъ, которыми оперировалъ въ свою пользу не хуже любаго банкира. Но разъ онъ натолкнулся на старшаго пекаря, который былъ не податливъ и на отрѣзъ отказалъ дать уголь. Читатель подумаетъ, что его похвалили за усердіе къ службѣ. Да... преданіемъ суду и осужденіемъ за неповиновеніе.

Другой случай: дневальный у воротъ, памятуя приказъ полковаго командира о не допущеніи въ казармы евреевъ—разнощиковъ, остановилъ подобнаго субъекта, котораго велъ въ казармы штабъ-офицеръ, доложивъ послѣднему о приказаніи. Усердіе къ службѣ повело лишь къ тому, что солдатъ былъ наказанъ, какъ за неисполненіе лично полученнаго приказанія, а штабъ-офицеръ, по нашимъ понятіямъ, гораздо болѣе виновный, остался въ сторонѣ.

только мало способной къ воздѣйствію на массу собственнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ, но даже, совмѣщая въ себѣ всѣ недостатки, свойственные массѣ, усиливаетъ вліяніе послѣднихъ личными видами и предубѣжденіями. Нѣтъ среды, въ которой послѣдніе, т. е. личные расчеты, выдвигались бы болѣе; а отсюда непосредственнымъ послѣдствіемъ представляется придирчивость, притязательность требованій, что невольно вызываетъ возраженія, выливающіяся въ большинствѣ случаевъ въ недозволенныя, нетерпимыя формы. Главнымъ принципомъ дисциплинарнаго устава, какъ мы видѣли, представляется требованіе, чтобы начальникъ былъ справедливъ къ подчиненнымъ, чтобы, пользуясь своей властью въ наложеніи дисциплинарныхъ взысканій, онъ прибѣгалъ бы къ этой власти безъ излишней, неумѣстной строгости, чтобы взысканіе являлось послѣдствіемъ не минутнаго порыва озлобленія, а тѣмъ болѣе обязательной необходимости не допустить нарушеніе, и результатомъ тщательнаго изслѣдованія, однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ котораго представляется и изученіе характера провинившагося. Очевидно, что, при подобныхъ условіяхъ, каждый начальникъ представляется какъ бы педагогомъ для подчиненныхъ ему. Но всѣ ли, даже высоко образованные люди, совмѣщаютъ въ себѣ условія, необходимыя для подобнаго рода дѣятельности? Можно ли требовать этихъ качествъ отъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ вообще, а тѣмъ менѣе старослужащихъ, которые, повторяемъ, если и усваиваютъ себѣ извѣстныя познанія въ требованіяхъ военной службы, по умственному же и нравственному развитію не слишкомъ то возвышаются надъ массой, а, кромѣ того, пройдя сами тяжелую прежнюю школу, естественно побуждаются вымѣщать на подчиненныхъ все, что сами они потерпѣли и перенесли тяжелаго на службѣ. Между тѣмъ, Гг. офицеры невольно подчиняются ихъ заявленіямъ и пріучаются смотрѣть на нижнихъ чиновъ тѣми самыми глазами, которыми смотрятъ на нихъ начальники изъ нижнихъ чиновъ. Что касается самихъ Гг. офицеровъ, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, на сколько они сами подготовлены къ исполненію тѣхъ многотрудныхъ и отвѣт-

ственныхъ обязанностей, которыя на нихъ возложены, факты (судебныя дѣла) доказываютъ, что большей части дисциплинарныхъ нарушеній они подаютъ сами поводъ, даже не излишней ревностью къ службѣ, а излишней щекотливостью. Въ особенности склонны къ этому молодые офицеры. Сколько бы мы могли привести фактическихъ доказательствъ подобнаго заключенія; но мы считаемъ достаточнымъ сослаться на оффиціальный документъ-приказъ Военнаго М-ра, напоминающій начальникамъ о той осторожности, съ которой они должны обращаться съ пьяными, а между тѣмъ, на сколько мы знаемъ и видѣли по дѣламъ, суетное желаніе показать свою власть, даже пьяному человѣку, служитъ источникомъ возникновенія важнѣйшихъ служебныхъ нарушеній, которыя, отзываясь тяжко на участи вовлеченныхъ въ преступленіе, приводятъ съ тѣмъ вмѣстѣ къ неутѣшительному выводу о распущенности войскъ, а, вслѣдствіе того, къ убѣжденію о необходимости подтянуть, разнести и т. д. Между тѣмъ, дѣло не въ подтягиваніи, не въ разношеніи, не въ усиленіи каръ, а въ возстановленіи нарушенныхъ отношеній путемъ убѣжденій, нравственнаго вліянія, примѣра и, главное. точнаго неукоснительнаго исполненія закона, который, какъ мы видѣли, не поощряетъ произвола и самодурства, съ чьей бы стороны они не проявлялись. Мы бы не хотѣли послѣдовать примѣру Г. Соболевскаго и анализировать, хотя бы болѣе мягкими способами, уровень своевременной подготовленности Гг. офицеровъ къ выполненію тяжелой обязанности руководительства массой. Мы бы не хотѣли говорить о злоупотребленіяхъ, какъ случаяхъ исключительныхъ, возможныхъ въ каждой средѣ, но дѣло въ томъ, что военная среда существенно отличается отъ всѣхъ прочихъ. Скандальный поступокъ начальника въ любой сферѣ гражданской службы не можетъ имѣть такого пагубнаго отголоска, какой онъ имѣетъ невольно въ военной средѣ. Въ книгѣ Г. Соболевскаго приведено немало фактовъ, подтверждающихъ, что Гг. офицеры стоятъ далеко не на такомъ высокомъ положеніи, къ которому ихъ обязываетъ и званіе, ими носимое, и совокупность правъ, имъ

предоставленныхъ. Мы позволимъ себѣ дополнить приведенныя Г. Соболевскимъ фактическія доказательства слѣдующими, врѣзавшимися въ нашу память, если хотите, не по особой исключительности случая, а потому, что съ ними какъ то не мирится присущее человѣку чувство справедливости. Представьте себѣ такую картинку: солдатикъ подгулялъ, онъ раздобылся смазливой бабенкой, на угощеніе которой пожертвовалъ *цѣлый рубль*. И вотъ, пьяненькій, въ распахнутой шинели, онъ идетъ въ казармы, обнявшись съ своей возлюбленной и лаская себя перспективой наслажденія, которое ему предстоитъ. Онъ не буянитъ на улицѣ, только поетъ. Надо же на несчастіе, чтобы на пути подгулявшей пары очутилась квартира Шт. Ротмистра, чтобы онъ самъ сидѣлъ въ данный моментъ у окошечка, наслаждаясь чаепитіемъ и сѣтуя на свое одиночество. Вдругъ передъ нимъ картина. Полупьяный солдатъ съ бабой, одѣтъ не по формѣ, распѣваетъ пѣсни, идетъ мимо окна его и не только не отдаетъ ему, Шт. Р. установленной воинской чести, но даже въ виду его, Шт. Ротм., не приводитъ себя въ соотвѣтственное, приличное положеніе. Воспылавъ ревностью къ службѣ, Шт. Ротмистръ выходитъ на улицу, останавливаетъ интересную парочку, велитъ виновному идти подъ арестъ. Солдатикъ ошеломленъ. Шт. Ротм. обращаетъ вниманіе на бабеньку, замѣтьте, полупьяную. Онъ воспламеняется уже другимъ чувствомъ.... и приказываетъ бабѣ идти къ нему. Солдатикъ протестуетъ. Является на сцену деньщикъ; и вотъ совмѣстными силами сопутница солдата увлекается въ чертогъ Шт. Ротм. Солдатикъ еще болѣе протестуетъ; онъ силится противостать насилію, но дверь передъ его носомъ захлопывается, запирается на ключъ. Солдатъ стучится въ дверь: все напрасно. Тогда въ открытое окно онъ настойчиво требуетъ возстановленія своихъ правъ и кричитъ счастливому побѣдителю: Ваше Благородіе, „отдайте мнѣ мою сударку, мой солдатскій рубль вашихъ ста стоитъ„ Составъ преступленія готовъ. Солдатъ предается суду, и Гл. В. Судъ поступаетъ съ нимъ еще милостиво: онъ подводитъ описанное выше дѣяніе подъ 96 ст. А офицеръ, спроситъ не предубѣжденный читатель, ко-

нечно, онъ, какъ злоупотребившій властью, мало того, какъ осквернившій честь мундира, подвергся, если не формальному наказанію, то исключенію изъ общества офицеровъ. Объ офицерѣ намъ ничего не извѣстно. Взглянемъ на этотъ примѣръ съ другой точки зрѣнія: мы стоимъ безусловно за правовый порядокъ, но, при особенной обстановкѣ военной службы, мы спросимъ: былъ ли бы нанесенъ ей ущербъ, если бы, въ данномъ исключительномъ случаѣ, начальникъ удовольствовался дисциплинарнымъ взысканіемъ съ солдата, а къ законной отвѣтственности привлекъ бы офицера. Мы думаемъ, что подобный исходъ дѣла гораздо болѣе удовлетворилъ бы массу. Другой примѣръ: свадьба полковаго музыканта. Приглашена полковая музыка. Мирно пируютъ нижніе чины. Офицеръ удостаиваетъ, не будучи приглашеннымъ, своимъ посѣщеніемъ пирующихъ. Общество, конечно, польщено. Преподносятъ соотвѣтствующее угощеніе. Офицеръ начинаетъ распоряжаться музыкой вопреки желаніямъ гуляющихъ. Ему почтительно внушаютъ, что за музыку заплатилъ не онъ, слѣдовательно, Ваше Благородіе, позвольте намъ распоряжаться ею. Офицеръ выслушиваетъ эту справедливую репримапду, но, приходя все болѣе и болѣе въ пафосъ подъ вліяніемъ угощенія, которымъ пользуется, не стѣсняясь, онъ позволяетъ себѣ не двусмысленные поступки надъ присутствующими женщинами, въ томъ числѣ надъ молодой, заступающимся онъ наноситъ удары. Общество, выведенное изъ терпѣнья, проситъ его по добру, по здорову удалиться. Онъ, конечно, не слушаетъ. Дѣло происходитъ въ деревнѣ, высшаго начальства нѣтъ, плацъ-адъютантовъ тоже. Остается одно средство—вывести почетнаго гостя. Въ этотъ моментъ дѣла случается казусъ, оставшійся не разъясненнымъ. Пострадавшіе говорятъ, что удаляемый обнажилъ оружіе, и они ограничились лишь отнятіемъ его. Потерпѣвшій говоритъ, что его, безъ всякой надобности, обезоружили и нанесли ему побои. Въ результатѣ—судъ надъ нижними чинами; обвиненіе ихъ въ оскорбленіи начальника въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ и т. д. Этотъ случай сопровождался возбужденіемъ отвѣтственности и офицера, но какая же разница

въ отвѣтственности. Потерпѣвшимъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова,—каторга, а виновнику преступленія-лишь исключеніе изъ службы. Офицеръ любилъ подвыпить, и деньщику его приходилось не разъ быть призываемымъ для отвода его Благородія на квартиру. Случилось разъ, что офицеръ подвыпилъ на столько, что удержать его на ногахъ оказалось невозможнымъ. Какъ на грѣхъ, онъ застрялъ въ калиткѣ. Поднять его не было возможности. Выведенный изъ терпѣнья деньщикъ поволокъ его за ноги. И тутъ встрѣтилось препятствіе. Тогда, говоритъ обвиненіе, деньщикъ позволилъ себѣ надругаться надъ нимъ.

Результатъ понятенъ: деньщику строгое наказаніе за оскорбленіе начальника насильственнымъ дѣйствіемъ. Но спрашиваете: гдѣ же тутъ былъ начальникъ? Развѣ безчувственное отъ пьянства тѣло, облеченное въ извѣстную форму, продолжаетъ оставаться начальникомъ? Невольно вспоминаются такъ называемыя загадочныя картинки.

Во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ спрашивается: много ли выиграла дисциплина? И гдѣ прямое нарушеніе ея? Какъ должны были отозваться эти факты на массѣ! Нельзя же отвергать, что ей присуще если не чувство, то инстинктъ справедливости. Но не будемъ развивать далѣе этой темы, чтобы насъ не обвинили въ односторонности и т. д.

Третьей и существеннѣйшей причиной, объясняющей увеличеніе преступности въ войскахъ—представляется непомѣрное распространеніе въ войскахъ пьянства. Изъ 100 обвинительныхъ актовъ, вносимыхъ въ судъ, въ 90, по крайней мѣрѣ, вы встрѣтитесь съ стереотипной фразой: такой то обвиняется въ томъ, во 1) что такого-то числа напился пьянъ, при чемъ фраза эта иногда разнообразится прибавкой о самовольной отлучкѣ изъ казармъ, иногда этого увеличающаго обстоятельства не приводится.

Пьянство по военнымъ законамъ составляетъ самостоятельное нарушеніе, караемое и дисциплинарно, и по суду. Въ главѣ X разд. 11 В. Уст. о Нак., озаглавленной „о нару-

шенія воинскаго благочинія и ограждающихъ оное постановленій" помѣщены знаменательныя ст. 190 и 191, постановляющія, что за пьянство нижніе чины могутъ быть подвергаемы, независимо отъ дисциплинарныхъ взысканій, смотря по сопровождающимъ обстоятельствамъ, одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по всѣмъ степенямъ этого наказанія. Если мы обратимся теперь къ приведенной выше вѣдомости № 1, то оказывается, что нарушеній по этимъ статьямъ, по 5 лѣтней сложности, совершается, при 9 т. нормальныхъ служебныхъ преступленій, до 1500 въ годъ, но эта цыфра касается лишь самостоятельныхъ нарушеній 191 ст., если же принять въ основаніе вышеприведенный расчетъ, по которому изъ 10 нарушеній, какъ служебныхъ, такъ и общегражданскихъ въ 9, по крайней мѣрѣ, фигурируетъ обвиненіе въ пьянствѣ, то представится очевиднымъ, что оно представляется главнымъ источникомъ преступности въ войскахъ. По отношенію къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ, которыя мы спеціально разсматриваемъ, оно и по существу, и по неумѣлости начальниковъ отнестись къ нему,—вызываетъ всѣ прочія преступленія, начиная съ низшихъ: *оскорбленія* и кончая высшимъ: *сопротивленіе* органамъ власти, если не съ оружіемъ, то съ орудіемъ въ рукахъ. Мало того, такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ, солдатъ пьянствуетъ внѣ казармъ, то во 1) большая часть самовольныхъ отлучекъ, превращающихся въ побѣги, сопряженные и не сопряженные съ утратой или растратой казенныхъ вещей, вызываются просрочкой отпуска, являющейся простымъ послѣдствіемъ опьяненія, во 2) такъ-какъ пьянство, если не въ открытыхъ, то въ закрытыхъ вертепахъ, сопровождается столкновеніями съ лицами гражданскаго вѣдомства и при томъ, самыхъ низшихъ разрядовъ, то это *сообщество* приводитъ непосредственно къ совершенію преступленій общегражданскихъ и спеціальныхъ съ корыстною цѣлью, въ 3) пьянство представляется побудительной причиной, во множествѣ случаевъ, къ нарушенію обязанностей караульной службы. Пьянство одинаково распространено и между начальниками изъ нижнихъ чиновъ.

Понятно послѣдствіе: если подчиненный, черезъ опьяненіе, вовлекается въ рядъ преступленій, сопряженныхъ съ нарушеніемъ дисциплины, то пьяный начальникъ, поддерживающій тѣмъ немелѣе свое достоинство, вызываетъ совершеніе преступленій со стороны даже не пьяныхъ подчиненныхъ, вовлекаемыхъ на этотъ путь и чувствомъ самосохраненія и свойственной русскому человѣку привычкой поглумиться надъ пьянымъ. Такимъ образомъ, пьянство представляется зломъ, противъ котораго слѣдуетъ принять самыя энергическія, самыя радикальныя мѣры. Не намъ указывать, въ чемъ онѣ должны заключаться. Мы сочли себя обязанными констатировать извѣстный фактъ въ назиданіе тѣмъ, которые, скорбя и волнуясь увеличеніемъ преступности въ войскахъ, идутъ къ предупрежденію этого печальнаго результата окольными путями, тогда какъ прямой путь имъ открытъ и представляется для нихъ совершенно свободнымъ.

Относительно дисциплинарныхъ нарушеній мы высказали, кажется, довольно, высказались совершенно безпристрастно, не преувеличивая и не впадая въ односторонность. На основаніи вышесказаннаго, подтвержденнаго, въ чемъ было возможно, статистическими фактами, мы считаемъ себя вправѣ придти къ слѣдующимъ заключительнымъ положеніямъ:

1) Если преступность въ войскахъ вообще, а въ частности противъ дисциплины, увеличивается, при чемъ справедливо, что увеличеніе это принимаетъ тяжелые размѣры, то этотъ печальный результатъ объясняется и особенной обстановкой матерьяльнаго и нравственнаго быта войскъ, и многими побочными обстоятельствами; при чемъ предупрежденіе этого печальнаго результата во власти и непосредственнаго строеваго начальства и высшаго надъ нимъ.

11) Судъ въ этомъ результатѣ, если и повиненъ, то не въ томъ, въ чемъ видитъ его виновность строевое начальство. Своимъ толкованіемъ судъ далъ слишкомъ широкое развитіе закону, разъясняющему понятіе дисциплины, что отозвалось на практикѣ усложненіемъ нормальныхъ отношеній, долженствующихъ существовать между начальникомъ и подчиненными. и

повело къ водворенію произвола и, какъ естественнаго противовѣса ему, нарушеній.

Сказаннаго нами было бы, конечно, достаточно, чтобы оставить безъ всякаго опроверженія второй доводъ,—относительно невыносимаго будто-бы положенія начальства—тѣмъ болѣе, что, по отношенію собственно суда, доводъ этотъ совершенно непонятенъ. Мы видѣли, что судъ къ своему разсмотрѣнію принимаетъ тѣ дѣла, которыя благоугодно передать ему начальству, что отъ разсмотрѣнія подобнаго рода дѣлъ онъ ни въ какомъ случаѣ отказаться не можетъ, а разсматривая ихъ, постановляетъ приговоръ по внутреннему убѣжденію и совѣсти и на основаніи закона, оправдательныхъ приговоровъ имъ постановляется сравнительно не много, если же обвинительные не всегда соотвѣтствуютъ видамъ отдѣльныхъ начальниковъ, то сообразоваться съ личными вкусами судъ не обязанъ. Во внутреннее устройство войскъ судъ не вмѣшивается, тѣмъ болѣе, что и признанное за нимъ право,—возбуждать отвѣтственность, обращено въ нуль. Что касается начальниковъ, то ихъ право по отношенію къ обвиняемымъ точно и ясно опредѣлено закономъ, (ст. 8 по 12 Дисципл. уст.) причемъ указанія закона дополняются тѣмъ во 1) что независимо отъ внѣшнихъ признаковъ, разграничивающихъ подсудность тѣхъ и другихъ нарушеній (дисциплинарная отвѣтственность, отвѣтственность по суду), по весьма многимъ дѣламъ, какъ указываетъ опытъ, могутъ встрѣтиться сомнѣнія и въ дѣйствительности самаго факта нарушенія и въ виновности подозрѣваемаго (недостаточность уликъ).

Дѣла подобнаго рода или прекращаются тѣмъ же начальствомъ по соглашенію съ прокуроромъ, а въ случаяхъ, особенно важныхъ, ни одинъ добросовѣстный начальникъ не приметъ на себя разрѣшить ихъ по существу, поэтому дѣла этого рода передаются въ судъ, что нисколько не колеблетъ власти начальника, и вызывается интересами правосудія, для котораго одинаково важно недопустить пострадать невиннаго и не оставить безъ взысканія виновнаго, и во 2) какъ бы широко не была обставлена власть начальниковъ, но право *миловать* винов-

наго имъ не представлено въ силу того, что оно всецѣло принадлежитъ Верховной власти, посягать на которую военные законы не дозволяютъ одинаково, какъ и гражданскіе.

Но доводъ, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ иную фактическую подкладку. Г.г. военнымъ начальникамъ не нравятся во 1) такъ называемыя пререканія съ прокурорскимъ надзоромъ, тѣмъ болѣе, что они разрѣшаются въ окончательной инстанціи не административной властью, а Главнымъ Военнымъ Судомъ.

Помилуйте, вопіютъ нѣкоторые, какой-нибудь прокуроришка, оберъ-офицеръ, пріостанавливаетъ мое распоряженіе, доводитъ дѣло до высшихъ начальниковъ, до Главнаго Военнаго Суда, и мнѣніе мое отвергается! Развѣ это не колеблетъ мою власть въ глазахъ подчинечныхъ и во 2) возобновленіе дѣлъ полковыхъ судовъ.

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть эти доводы по существу, по отношенію къ пререканіямъ, мы смѣемъ успокоитъ Гг. рьяныхъ формалистовъ тѣмъ, что случаи состязаній высшихъ начальниковъ съ прокурорами, состоящими въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, не мыслимы. Мы припомнимъ одинъ таковой случай въ теченіи 8-лѣтней практики, да и тотъ объясняется прямымъ нарушеніемъ закона. Прокуроровъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ не бываетъ, между тѣмъ, по разуму закона, направленіе всѣхъ дѣлъ, проходящихъ черезъ прокурорскій надзоръ, лежитъ на отвѣтственности прокурора. Помощники его могутъ составлять обвинительные акты, подписывать за прокурора мелочныя бумажки, но входить же въ непосредственныя сношенія съ высшимъ начальствомъ, къ тому же по вопросамъ о пререканіяхъ, не въ правѣ. По этому и въ томъ случаѣ, о которомъ мы упоминаемъ, все дѣло заключалось въ нарушеніи формы, за которую достаточно было подтянуть подписавшаго, если онъ дозволилъ себѣ подобное существенное нарушеніе порядка сношеній самопроизвольно или самого прокурора, если-бы оказалось, что онъ разрѣшилъ подобное нарушеніе. Разбираемый нами случай, самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если же ему было придано таковое и, при томъ, въ смыслѣ непри-

годности самаго принципа пререканій, то это потому, что у насъ вообще, а въ военно-судебномъ вѣдомствѣ въ особенности, подобнымъ нарушеніямъ формъ придается великое значеніе и на нихъ то и зиждется окончательный выводъ о пригодности и непригодности тѣхъ или другихъ существенныхъ принциповъ.

Переходя къ существу вопроса, мы не отвергнемъ, что въ первое время, пока не установились точныя и разумныя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ, пока новыя процессуальныя формы въ одно время казались начальникамъ посягательствомъ на ихъ права въ существѣ на произволъ, а прокурорамъ—средствомъ показать начальству, что мы, молъ,—подобныхъ пререканій было много, неразумныхъ съ той и другой стороны, вредныхъ въ томъ отношеніи, что съ одной стороны, они вели не къ установленію въ извѣстной сферѣ правильныхъ юридическихъ понятій, а, напротивъ, къ разрушенію и существовавшихъ, съ другой стороны—къ замедленію дѣлъ, въ прямой ущербъ обвиняемымъ, которые, по полугодіямъ, ожидали разрѣшенія своей участи, и часто изъ за каприза, изъ за личныхъ отношеній прокурора къ начальнику и т. д. Но практика Главнаго Военнаго Суда положила конецъ подобнаго рода пререканіямъ. Разъясненія его дали возможность включить въ послѣдпеизданный дисциплинарный уставъ указанныя выше статьи 8 по 13, которыя отстранили всякія сомнѣнія въ компетентности начальниковъ и судовъ. Результатомъ было то, что въ 1878 году до Главнаго Военнаго Суда подобныхъ пререканій дошло лишь 8, а въ 1879 году 10, при чемъ, уважены (т. е. дѣла направлены, согласно заключеніямъ прокуроровъ въ оба года по 4,) между тѣмъ за оба эти года, въ военно-прокурорскомъ надзорѣ заключеній было дано въ 1878 году 6334, а въ 1879 году 6286. Въ виду этихъ цифръ, возможно ли серьезно говорить о томъ, что пререканія роняютъ достоинство начальнической власти!

Но, кромѣ того, при неограниченной власти, предоставленной начальнику въ дѣлѣ преданія суду, какой же характеръ имѣютъ пререканія? Желаніе начальника *помиловать* обвиняемаго, т. е. наказать его нестрого, а по непосредственному

усмотрѣнію, вопреки военнаго закона, поддерживать который сами начальники обязаны, не смотря на лица и ни на какія соображенія. Говорятъ, что начальнику ближе извѣстна личность обвиняемаго, что онъ можетъ знать лучше, чѣмъ судъ, обстановку совершенія преступленія, побужденія, которыя руководили преступникомъ, что, наконецъ, онъ ближе знаетъ впѣчатлѣніе, которое произведетъ на массу то или другое направленіе, данное дѣлу. Допустимъ это, но во 1) строгое соблюденіе законности во всѣхъ случаяхъ производитъ лучшее нравственное впечатлѣніе на массу, чѣмъ беззаконіе, какими бы соображеніями оно ни вызывалось, а во 2) кто мѣшаетъ и предавая суду, когда этого требуетъ законъ, приложить къ дѣлу свой отзывъ о подсудимомъ, коль скоро требуется снисхожденіе, а, за тѣмъ, и послѣ суда, въ случаѣ слишкомъ строгаго приговора, ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ, о смягченіи приговора. Это послѣднее распоряженіе, нисколько не роняя достоинства суда, клонилось бы еще болѣе къ поднятію значенія начальника и въ глазахъ обвиняемаго и передъ массой. Но дѣло въ томъ, что пререканія, въ которыя иногда вступаетъ начальство, вызываются совсѣмъ не этими соображеніями, а необходимостью оказать поблажку близкому человѣку, скрыть кое-что, неудобное къ оглашенію даже передъ судомъ: пререканія эти иногда объяснялись вліяніемъ близко стоящихъ лицъ, а, въ особенности тѣхъ посредниковъ между начальникомъ и прокурорскимъ надзоромъ, которые существовали въ лицѣ аудиторовъ, докладывавшихъ дѣла, иногда и подъ вліяніемъ личныхъ видовъ [1]. Доказать это фактически не трудно.

[1]) Мы уже говорили, насколько личные доклады прокуроровъ высшимъ военнымъ начальникамъ, отстранили возможность пререканій. По отношенію же къ низшимъ начальникамъ, мы могли бы указать на одинъ, подмѣченный нами, довольно оригинальный пріемъ, практикующійся въ одномъ изъ округовъ, правда, въ противуположномъ смыслѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начальство, вопреки заключенію прокурора, настаиваетъ о преданіи суду, прокурорскій надзоръ не входитъ съ нимъ въ явное пререканіе. Напротивъ, пишется бумага въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, смыслъ которой приблизительно таковъ: не благоугодно ли В. В-іе, для большей полноты обвинительнаго акта, указать самимъ тѣ данныя, на которыхъ должно быть построено обвиненіе. Получивъ подобную закорючку, начальство продержитъ недѣли

Не говоримъ объ интенданскихъ дѣлахъ: по нимъ всегда находились и находятся уваженія къ смягченію наказанія: и продолжительность службы, и раны полученныя на войнѣ, и естественныя причины, и безвредность для казны. Но что же сказать о подобныхъ дѣлахъ: послѣ послѣдней войны, одинъ начальникъ уличенъ былъ въ томъ, что онъ не только злоупотреблялъ предоставленнымъ ему правомъ раздачи извѣстнаго рода наградъ за военныя отличія, но вводилъ въ заблужденіе начальство, представляя къ наградамъ за тѣ же отличія, оказанныя въ точно указанныхъ дѣлахъ, такихъ лицъ, которыя въ этихъ дѣлахъ не участвовали и за такія дѣла, которыхъ въ дѣйствительности не было. Виновный уличался не только фактомъ украшенія георгіевскимъ крестомъ повара, который кромѣ кухоннаго огня, другаго и не видѣлъ, не только военной хроникой, но даже показаніями награжденныхъ офицеровъ, которые откровенно показывали, что они не были да и не могли быть въ тѣхъ дѣлахъ, за которыя получили награды. Что можетъ быть, по примѣненію къ военно-служащимъ, возмутительнѣе подобнаго факта?

Между тѣмъ возникло пререканіе, азартъ дошелъ до того, что заявлялось о необходимости отстранить слѣдователя, который будто бы чрезмѣрно распространилъ порученное ему слѣдствіе. Представленіе до того было вѣско, до того выходило изъ ряда нормальныхъ пререканій, что Главный Военный Судъ, стоя на законной почвѣ, призналъ болѣе осторожнымъ повергнуть это дѣло въ Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе, и виновный былъ преданъ суду по Высочайшему повелѣнію. А дѣло инженернаго офицера, строившаго такъ умѣло пороховой погребъ, что, разрушившись во время постройки, онъ убилъ человѣка два рабочихъ и нанесъ увѣчье чуть не 10. Къ дѣлу этому привлекались гражданскія лица: подрядчики. А дѣло недавнее: Барона Врангеля. Онъ чуть-чуть не былъ обѣленъ

двѣ или три дѣло, почешетъ, почешетъ въ затылкѣ, да и отпишетъ: я, молъ, вполнѣ соглашаюсь съ прежде заявленнымъ вами мнѣніемъ, а потому... слѣдуетъ обыкновенное заключеніе.

начальствомъ, а судомъ направленъ въ мѣста не столь отдаленныя [1]).

Въ виду подобныхъ разительныхъ примѣровъ, далеко не исключительныхъ, не заслуживаетъ-ли болѣе, чѣмъ удивленія тотъ фактъ, что въ наше время встрѣчаются съ одной стороны такіе отцы-командиры, которые мечтаютъ о возможности возстановленія правъ, а съ другой,—такія лица, которыя, имѣя своимъ предназначеніемъ охранять законъ, признаютъ возможнымъ поддерживать подобныя мечтанія.

Что касается полковыхъ судовъ, то ссылка на возобновляемыя въ нихъ дѣла не можетъ выдержать самой снисходительной критики. О полковыхъ судахъ намъ придется говорить въ своемъ мѣстѣ и поподробнѣе. Ими весьма часто нарушаются самыя существенныя формы судопроизводства: имъ ни почемъ принять къ разсмотрѣнію не подсудное дѣло, приговорить подсудимаго къ несуществующему въ законахъ наказанію, присудить виновнаго внѣ мѣры содѣяннаго, присудить къ немысли-

---

[1]) При всемъ уваженіи нашемъ къ практикѣ Главнаго Военнаго Суда, сознавая тяжелое положеніе, въ которое онъ иногда становился и становится подобными представленіями, восходящими на его разсмотрѣніе, причемъ не всегда оказывалось и оказывается возможнымъ неуклонно охранять интересы правосудія, не можемъ не посѣтовать, что онъ разъ на всегда не провелъ одного принципа: положительной невозможности оканчивать въ дисциплинарномъ порядкѣ тѣ дѣла, по которымъ представляется смѣшанная подсудность или выставляется гражданскій искъ потерпѣвшаго. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ, какъ поступило бы начальство съ потерпѣвшими, а въ особенности съ нѣкоими семействами пострадавшихъ. Положимъ, на инженера взысканіе могло бы быть возложено непосредственно начальствомъ, и онъ, конечно, въ благодарность за освобожденіе его отъ уголовной отвѣтственности, не преминулъ бы заплатить то, что присудило бы начальство. Ну, а подрядчики? Какимъ образомъ, военное начальство заставило бы ихъ подчиниться своему рѣшенію? Кстати, на сколько начальство понимаетъ свою дисциплинарную власть, мы можемъ привести слѣдующій примѣръ. Одинъ интендантскій чиновникъ, статскій совѣтникъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ растратѣ. Обвиненіе это слѣдствіемъ не подтвердилось. Осталось на лицо лишь небреженіе. Рѣшено взыскать съ него ущербъ казны, что то около 1860 руб. и подвергнуть его, по усмотрѣнію начальства, дисциплинарному взысканію. Начальство объявило ему выговоръ, наложило запрещеніе на его жалованье, да уже кстати, постановило, впредь до уплаты имъ всей присужденной суммы, *не производить его въ слѣдующій чинъ*. Этотъ примѣръ служитъ лучшимъ доказательствомъ, на сколько выгодно иногда предавать свою судьбу усмотрѣнію милостиваго начальства.

мымъ праволишеніямъ. А такъ какъ приговоры этихъ судовъ, будучи утверждены полковыми командирами и соотвѣтственными начальниками, являются безапелляціонными, то возстановить силу нарушенныхъ ими законовъ, возможно лишь въ порядкѣ возобновленія дѣлъ, т. е. черезъ Главный Военный Судъ. Но послѣдній узнаетъ о подобныхъ приговорахъ совершенно случайно. Или въ случаѣ совершенія тѣмъ же обвиняемымъ такого преступленія, которое по существу подлежитъ разсмотрѣнію въ Окружномъ Судѣ. Тогда прокуроръ, усмотрѣвъ неправильность присужденія обвиняемаго полковымъ судомъ, возбуждаетъ вопросъ о пересмотрѣ дѣла. Или начальникъ дивизіи (случай весьма рѣдкій), просматривая приказы по полку, или при инспекторскомъ смотрѣ, натолкнувшись на безобразный приговоръ, возбудитъ дѣло. Случается, что начальники военныхъ тюремъ, получивъ на свое попеченіе арестанта, усматриваютъ ошибку. На сколько, благодаря особенному устройству полковыхъ судовъ, подобныхъ случаевъ не много, можно судить потому, что дѣлъ подобнаго рода на разсмотрѣніе Главнаго Военнаго Суда поступило въ 1878 году—59, а въ 1879 году—58, при чемъ уважено, т. е. дѣлъ возобновлено въ 1878 году—45, а въ 1879 г.—53, тогда какъ въ полковыхъ судахъ за тѣ же годы производилось въ 1878 году—8593 дѣла, а въ 1879 году—8518. Въ виду этихъ цифръ можно ли серьезно заикаться о колебаніи власти начальниковъ какими то 50 случаями въ годъ, къ тому же и развязку подобнаго рода дѣла получаютъ иногда черезъ такой промежутокъ времени, со дня состоянія и исполненія приговора, что она не можетъ произвести никакого впечатлѣнія ни на самаго полковаго командира, сдѣлавшаго неправильное распоряженіе или утвердившаго безобразный приговоръ, ни на подчиненныхъ, что касается случаевъ, возбуждаемыхъ прокурорами, то объ нихъ въ части и не узнаютъ. Но, независимо отъ бросающейся въ глаза вычурности этого мотива, можно-ли примириться съ нимъ по существу? Въ глазахъ выдвигающихъ и поддерживающихъ подобный мотивъ — интересы правосудія ничто, на первомъ же планѣ—интересы мелочнаго самолюбія. Г. Собо-

левскій возстаетъ противъ принципа возобновленія дѣлъ, опираясь на интересы подсудимыхъ, а тѣ господа, которые стоятъ за неприкосновенность приговоровъ, какъ бы безобразны они ни были, не идутъ далѣе отстаиванія грубаго, юридическаго невѣжества. И этимъ то невѣжамъ хотятъ передать безконтрольно участь массы?

Но доводъ, о которомъ мы вынуждены были говорить, и болѣе, чѣмъ бы онъ заслуживалъ, строится еще на другомъ основаніи, весьма прозрачно прикрываемымъ. Лицамъ, власть имѣющимъ, хотѣлось бы достичь своихъ цѣлей расширеніемъ въ ущербъ суду, представленной имъ нынѣ дисциплинарной власти. Съ точки зрѣнія властолюбія, это стремленіе, можетъ быть, и законно, но причемъ же тутъ процессуальное право? Зачѣмъ же подкапываться подъ него? Какъ бы ни ограничена была сфера дѣятельности суда, онъ долженъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ представляется теперь, т. е. столь же самостоятельнымъ. Подсудимый передъ нимъ становящійся, долженъ пользоваться тѣми же, если не большими гарантіями.

Намъ случалось слышать еще одинъ аргументъ, подходящій подъ разбираемый нами. Говорятъ что военный судъ порвалъ всѣ связи съ военной сферой, онъ стоитъ на столько далеко отъ послѣдней, что... Признаемся, намъ совершенно непонятенъ этотъ аргументъ. Удостовѣряемый имъ фактъ, если онъ справедливъ, взятый отвлеченно, говорилъ бы только въ пользу суда, такъ какъ невозможно допустить, чтобы, кромѣ закона и совѣсти, на судъ вліяли бы какія-либо иныя соображенія, а тѣмъ болѣе заимствованныя изъ узкихъ воззрѣній извѣстнаго кружка. Да и дѣйствительно-ли нашъ военный судъ возвысился надъ этими узкими воззрѣніями настолько, чтобы быть безупречнымъ въ своей дѣятельности? Давно-ли былъ примѣръ весьма милостиваго приговора, состоявшагося надъ гусаромъ, изувѣчившимъ двухъ мирныхъ гражданъ, изъ за ложнаго и суетнаго воззрѣнія на честь мундира. Судъ поддался на эту удочку, что доказываетъ не порваніе имъ связи съ военной сферой, а на оборотъ, тѣсное сближеніе съ послѣдней. Или, выдвигая этотъ аргументъ, заподозриваютъ судей въ незнаніи всѣхъ тонкостей военной службы, всѣхъ требованій, съ

нею сопряженныхъ. Но, по отношенію къ дисциплинѣ, военные судьи подчинены ей вполнѣ. Если, сидя на своихъ курульныхъ креслахъ, они не могутъ слѣдить за строевой службой, за всѣми тонкостями и улучшеніями послѣдней, вслѣдствіе, чего, при возвращеніи въ строевыя части, конечно, оказались бы неспособными предстать во главѣ этихъ частей, на самый снисходительный смотръ, то изъ артикуловъ, изъ ружейныхъ пріемовъ, изъ тактическихъ построеній. до сихъ поръ не возникали, да едва-ли когда и возникнутъ, судебныя дѣла. Что касается прочихъ сторонъ быта войскъ, въ особенности хозяйственной части, судьи, въ силу носимаго ими званія, обязаны быть знакомы съ ними и знаютъ ихъ, если не практически, то на основаніи узаконеній. за которыми они должны слѣдить. Если въ этомъ отношеніи возможны недоразумѣнія, то развѣ судъ не можетъ обратиться къ экспертамъ? Въ подобномъ обращеніи нѣтъ ничего обиднаго и противозаконнаго.

Наконецъ, для чего же существуетъ институтъ временныхъ судей. Вѣдь они существуютъ съ исключительною цѣлью поддержанія связи между судомъ и войскомъ. Начальство не можетъ посѣтовать на то, что оно не имѣетъ вліянія на назначеніе временныхъ судей. Слѣдуетъ-ли заключить, что и они безсильны удовлетворить прихотливое начальство. Г. Соболевскій доказываетъ, что временные судьи не достигаютъ цѣли. такъ какъ ихъ заполонили юристы. Мы бы могли путемъ примѣровъ, этой, правящейся наиболѣе намъ системы доказательствъ, доказать противное, т. е. что временные судьи берутъ верхъ надъ юристами. Но, если даже допустить, что временные судьи, съ точки зрѣнія начальства, не удовлетворяютъ своему назначенію, не осуществляютъ того идеала, къ которому стремился законодатель, созидая ихъ; то виновны-ли въ этомъ судьи-юристы? Они пользуются тѣмъ матеріаломъ, который имъ даютъ, а такъ какъ этотъ живой, постоянно обновляющійся матеріалъ выходитъ изъ среды войскъ и выдвигается помимо суда, начальствомъ, то не правильнѣе-ли будетъ упрекъ, дѣлаемый суду, принять на себя тому же начальству. Слѣдовательно, и въ этомъ несовершенствѣ суда виновно оно же,

на столько же, на сколько виновно и во всѣхъ прочихъ имъ самоувѣренно указываемыхъ.

Говорить ли въ заключеніе о дополнительномъ аргументѣ, выдвигаемомъ разрушителями. Они ссылаются на тяжелое время, на прокламаціи и т. д. Но причемъ тутъ судъ? Развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось возвышать свой голосъ при подобныхъ обстоятельствахъ, онъ кривилъ совѣстью, онъ не стоялъ на высотѣ своего положенія, онъ не оправдалъ довѣрія, ему оказаннаго? А внѣ этой прямой, непосредственной своей дѣятельности, можетъ ли онъ чѣмъ либо предохранить войско отъ пагубныхъ вліяній. Развѣ и въ этомъ отношеніи не выдвигается на первый планъ тоже начальство, въ сферу дѣятельности котораго входитъ подобное предохраненіе и которое, для достиженія этой цѣли, вооружено достаточно и властью, и правами. Да, и наконецъ, возможно ли, прилично ли, честно ли, въ вопросѣ подобномъ разбираемому нами, порожденному мелкими самолюбіями и искательствами разнаго рода, зря, безъ всякой фактической основы, взводить столь тяжкое обвиненіе на солдата, не унизившаго себя до сихъ поръ безумнымъ актомъ измѣны! г.г. Анисимовъ и Мартыновъ въ своей брошюрѣ, упомянутой выше, въ опроверженіе разрушителей настоящей системы военнаго суда, послѣ цитированія цифръ, приведенныхъ и нами, разъясняя ихъ, говорятъ: „никто изъ бывшихъ свидѣтелей событіи послѣдней войны не станетъ оспаривать, что дисциплина въ нашей арміи не только не была поколеблена, но возросла столь высоко, что даже вызывала удивленіе иностранцевъ. Кому не памятны стойкость и безграничное самопожертвованіе героевъ солдатъ, *съ сознаніемъ долга* шедшихъ на встрѣчу смерти и самоотверженно защищавшихъ Балканскія высоты и стѣны Баязета? Развѣ позволительно бросать упрекъ въ недостаткѣ дисциплины такимъ героямъ"? По отношенію къ массѣ, для нѣкоторыхъ личностей, стремящихся къ разрушенію всего, что было создано въ предпослѣднія 26 лѣтъ и что составляло славу и гордость нашу, все позволительно! Вслѣдъ за упрекомъ въ недостаткѣ дисциплины выдвигается другой: политической неблагонадежности! Честное оружіе!

До сихъ поръ мы говорили лишь о тѣхъ доводахъ, приводимыхъ разрушителями, которые намъ приводилось слышать, и притомъ отъ лицъ стоящихъ болѣе или менѣе во главѣ похода, совершаемаго противъ прошлаго. Теперь, по программѣ, нами себѣ предпосланной, приходится, откинувъ все то, что выливалось въ изустной рѣчи и что можетъ быть объяснено увлеченіемъ, анализировать доводы, заявленные *печатно*, во всеуслышаніе. Написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ, говоритъ поговорка, но, кромѣ того, напечатанные мотивы имѣютъ для насъ важность и въ томъ отношеніи, что они предшествуютъ заявленной программѣ предстоящихъ преобразованій.

Печатныхъ матерьяловъ въ существѣ у насъ два: печатная записка, которая была разослана въ мартѣ текущаго года къ спеціалистамъ и высокопоставленнымъ лицамъ съ приглашеніемъ дать отзывы о ней въ мѣсячный срокъ [1]). Такъ какъ мы не принадлежимъ къ числу избранныхъ, то записку эту намъ удалось видѣть мелькомъ, *подъ страшнымъ секретомъ*. Мы пробѣжали ее, что не помѣшало намъ сдѣлать изъ нея кое-какія выписки на память. Второй *печатный* матерьялъ намъ доставляетъ статья, очевидно, оффиціальнаго происхожденія, напечатанная въ Военномъ сборникѣ.

Сравнивая оба матерьяла—*гласный*, и *негласный* мы не можемъ не замѣтить, что, по отношенію къ мотивамъ преобразованія, первой отличается большей сдержанностью, даже приличіемъ. Чтобы насъ не обвинили въ голословности, приведемъ нѣкоторыя доказательства. Записка начинается словами: „реформа 1867 года имѣла въ виду создать для арміи судъ, вполнѣ соотвѣтствующій интересамъ правосудія и особымъ потребностямъ войска, между тѣмъ *со стороны военныхъ* слышится *иногда* голосъ о томъ, что существующій военный судъ не вполнѣ удовлетворяетъ послѣднихъ т. е. поддержанію и охраненію въ войскахъ духа строгой воинской дисциплины и ав-

---

[1]) Полюбуйтесь этой торопливостью. Чисто военная замашка. Въ мѣсячный срокъ дать отзывъ о предположеніяхъ, существенно измѣняющихъ цѣлую систему.

торитета военнаго начальника„. Не говоря уже о неловкости сочетанія слова *послѣднихъ* не съ *военными*, какъ должно было бы подразумѣвать, а съ отвлеченными понятіями: дисциплины и авторитета, о которыхъ прежде не упоминалось, замѣчательно во 1) это слово *иногда*, употребленное въ цитированномъ періодѣ, и затѣмъ во 2) слова "со стороны военныхъ„ при чемъ не пояснено даже: кто были эти военные. Общее впечатлѣніе первый періодъ производитъ то, что *кто-то*, носящій военный мундиръ и *когда-то* заикнулся о непригодности суда, и вотъ на основаніи этихъ неопредѣленныхъ и, во всякомъ случаѣ, далеко необщихъ заявленій, приступается къ коренному преобразованію всей системы. Правда, за первымъ періодомъ слѣдовало поясненіе, заключавшееся въ томъ, что высказанное этими военными мнѣніе, должно обратить вниманіе, потому что доля нареканій не лишена основаній. И такъ, только *доля* основательна, и изъ за доли то сыръ боръ загорѣлся. Составитель записки продолжаетъ такъ: "безспорно (для кого?),„ что неуддовлетворительность суда (о неудовлетворительности впереди ничего не говорилось) "вовсе не можетъ быть отнесена на счетъ коренныхъ началъ (кто же относилъ?), положенныхъ въ основаніе. Здѣсь (гдѣ?) имѣютъ значеніе *скорѣе* формы.„. И такъ въ процессуальномъ правѣ формы противупоставляютъ кореннымъ началамъ: одни—хороши, другія—дурны.

"Сближеніе В. С. Уст., продолжаетъ составитель, съ уставами 20 ноября 1864 года составляетъ *извѣстное* (только?) достоинство, но въ тоже время въ немъ заключается и *ошибка* (???)„. О, бѣдные законодатели, военные авторитеты и гражданскіе юристы, трудившіеся въ потѣ лица надъ нелегкой задачей сближенія уставовъ, черезъ 16 лѣтъ практическаго приложенія вашей достойной работы, какіе то военные кидаютъ вамъ въ глаза упрекъ въ совершенной вами ошибкѣ! Но гдѣ же доказательства? Зачѣмъ вамъ ихъ? Нашего авторитета совершенно достаточно, чтобы вы обязаны были принять на вѣру, что формы и обряды, вами предуказанные, не согласованы съ потребностями войскъ.

„Они примѣнимы лишь къ общимъ преступленіямъ, а не къ воинскимъ. Судъ надо ускорить, упростить, удешевить“.

„Составъ военнаго суда долженъ строго соотвѣтствовать началамъ военаго процесса.

„Инстанцій быть не должно (да ихъ и нѣтъ)“.

Вообще недостатки теперешняго суда 1) *медленность судоотправленія*, 2) *дорогая стоимость суда, какъ для военнаго вѣдомства, такъ и для государства*, 3) *формы суда не соображены съ потребностями военнаго времени*, 4) *военно-судебный персоналъ слишкомъ великъ*, 5) *въ военномъ правосудіи участвуютъ гражданскіе чины*, 6) *между войсками и судомъ нѣтъ связи*.

И все, что мы цитируемъ, приведено въ запискѣ безъ малѣйшихъ фактическихъ доказательствъ, ex abrupto, какъ непреложныя истины, какъ постановленія Корана.

Напечатанной въ сборникѣ статьѣ, озаглавленной „замѣтка о нашемъ военномъ судопроизводствѣ,“ предшествуетъ лишь нѣсколько слѣдующихъ строкъ: „*Высокая* по своимъ достоинствамъ военно-судебная реформа 1867 года *не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ*, о которыхъ приводятся нѣкоторыя соображенія“.

Подобное вступленіе имѣетъ то, въ нашихъ глазахъ, достоинство, что, перенося вопросъ прямо на практическую почву, оно, само по себѣ, не можетъ вызвать возраженія даже со стороны ярыхъ защитниковъ теперешней военно-судебной организаціи. Правда, что въ анализируемой нами замѣткѣ, сдѣлана, по отношенію къ полковымъ судамъ, ссылка на предыдущую, напечатанную въ Апрѣльской книжкѣ, а этой замѣткѣ, хотя и посвященной исключительно полковымъ судамъ, предшествуетъ вступленіе объ общихъ недостаткахъ нынѣшнихъ военныхъ судоустройства и судопроизводства, но и въ этомъ вступленіи, занявшемъ около 8 печатныхъ страницъ, авторъ избѣгаетъ отвлеченныхъ воззрѣній, не покушается на критику началъ, а рядомъ съ изложеніемъ нѣкоторыхъ характеристическихъ пожеланій, излагаетъ и старается доказать, только не фактами, а разсужденіями, практическіе недостатки военно-су-

дебной реформы, съ которыми можно соглашаться и не соглашаться, но тонъ замѣтки, самъ по себѣ взятый, не заключаетъ въ себѣ ничего раздражающаго [1].

Принимая во вниманіе, что Октябрьская книжка, составляя какъ бы окончательный выводъ, изложена въ видѣ хотя и краткихъ, и бездоказательныхъ но, непреложныхъ положеній, гораздо удобнѣе для разбора, мы оставимъ Апрѣльскую замѣтку безъ разсмотрѣнія въ той мѣрѣ, въ которой она не касается полковыхъ судовъ. А такъ какъ въ Апрѣльской замѣткѣ, независимо отъ критической стороны, намекается и на тѣ мѣропріятія, которыми предполагается устранить недостатки, при чемъ, и въ этомъ отношеніи, между ею и не гласной запиской,

---

[1] Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ: нѣтъ въ *устройствѣ* войскъ (строевомъ, хозяйственномъ и т. д.), преобразованія котораго не предшествовало бы появленіе въ Русскомъ Инвалидѣ и Военномъ Сборникѣ съ одной стороны—замѣтокъ о предполагаемомъ, съ другой—возраженій, способствующихъ обмѣну мыслей, а, слѣдовательно, возможности обнаружить истину. Эта система предварительнаго проведенія въ массу свѣдѣній о предполагаемыхъ измѣненіяхъ, съ цѣлью вызвать сужденія специалистовъ, принесла и приноситъ громадную пользу. Не странно ли, что изъ всѣхъ отраслей военной администраціи военно-судебная стоитъ въ этомъ отношеніи особнякомъ? По отношенію къ ней прежде задуманы преобразованія, нѣкоторыя изъ нихъ проведены способомъ, заслуживающимъ особаго вниманія *по необычайности*, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а затѣмъ уже обратились къ гласности, при чемъ Апрѣльская замѣтка В. Сб. далеко не соотвѣтствуетъ, по объему, дѣйствительному положенію дѣла. Не странно ли, что на Апрѣльскую замѣтку, въ теченіи 9 мѣсяцевъ, не появилось, изъ среды специалистовъ, ни одного возраженія? Или эти специалисты согласны съ выводами замѣтки, или ихъ на столько обуяли оптимизмъ и страхъ за будущность, что они рѣшаются молча проглатывать крупныя обвиненія, на нихъ сыплющіяся. Принимая же за тѣмъ во вниманіе, что мѣсячный срокъ, назначенный для критики и не гласныхъ возраженій противъ программы преобразованій, миновалъ до Октября, не странно ли, что въ Октябрьской замѣткѣ, имѣющей, очевидно, офиціальное происхожденіе, нѣтъ не только помина объ этихъ возраженіяхъ, но даже не говорится: представляется ли вновь начертанная замѣтка результатомъ обмѣна мыслей иниціаторовъ реформы съ практиками, между тѣмъ, по отношенію къ мѣрамъ исправленія недостатковъ, въ замѣткѣ замѣтно значительно сужено. Для чего эта игра въ жмурки, не понимаемъ? Это замѣчаніе наше пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что, если вѣрить Новому Времени, то одновременно съ появленіемъ Октябрьской замѣтки, разосланъ специалистамъ и высокопоставленнымъ лицамъ и самый проектъ преобразованій. Если предположить, что для разсмотрѣнія его назначенъ тотъ же мѣсячный срокъ, принять въ соображеніе спѣшность, съ которой вообще приступили къ реформѣ и двигаютъ ее, можно ожидать со дня на день и финала, послѣ котораго критикѣ не будетъ мѣста. При подобной обстановкѣ, какъ объяснить появленіе Октябрьской замѣтки?

о которой мы говорили выше, представляется существенная разница, то намъ придется измѣнить нѣсколько систему изложенія, а именно: сопоставлять приводимый недостатокъ съ предполагаемыми въ той и другой, т. е. въ замѣткѣ и запискѣ мѣрами и, затѣмъ приводить свои замѣчанія, будевъ нихъ представится надобность. При этомъ, однако, мы не перестанемъ обращаться къ излюбленной нами системѣ повѣрки: цифрамъ, и будемъ ихъ приводить вездѣ, гдѣ въ нихъ встрѣтится надобность, а чтобы не повторяться по отношенію къ тѣмъ аргументамъ, которые были уже разобраны выше въ общихъ чертахъ, мы ограничимся ссылками на предыдущее изложеніе. Если отъ подобной системы разбора потеряется цѣлостность впечатлѣнія, то, въ вознагражденіе, не придется прибѣгать къ повтореніямъ, всегда утомляющимъ читателя.

Въ Октябрьской замѣткѣ всѣ недостатки системы сводятся не къ 6, цитированнымъ выше, рубрикамъ, а только къ четыремъ, а именно:

I) Медленность движенія дѣлъ.

II) Большіе расходы, требуемые отъ казны.

III) Нѣкоторыя законоположенія, недостаточно выясненныя военно-судебнымъ уставомъ и касающіяся опредѣленія правъ сторонъ и отношеній предсѣдателей къ прокурорамъ.

IV) устройство полковыхъ судовъ.

Положимъ, это сокращеніе рубрикъ объясняется тѣмъ, что, за упраздненіемъ гражданскихъ судей, послѣдововшемъ еще въ Апрѣлѣ, не было надобности въ Октябрѣ, упоминать о 5 пунктѣ недостатковъ, вошедшемъ въ не гласную записку, что замѣтка, толкуя лишь о нормальномъ судоотправленіи въ мирное время, не сочла нужнымъ говорить о 3 пунктѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что въ замѣткѣ сдѣлана, хотя и не совсѣмъ удачная, попытка сгруппировать систематичные недостатки.

И такъ, если вѣрить замѣткѣ, первый существенный недостатокъ заключается въ медленности судоправленія, въ доказательство чего приводится:

а) предварительное слѣдствіе производится долго.

б) по окончаніи слѣдствія дѣла, поступающія къ прокурорскому надзору, не получаютъ оттуда (?) достаточно быстраго движенія.

в) въ судебныхъ засѣданіяхъ разсмотрѣніе дѣлъ замедляется:

а. засѣданіе откладываются на неопредѣленное время, по причинѣ не прибытія свидѣтелей и невозможности на судѣ прочтенія показаній ихъ (?),

б) допущеніемъ въ процессъ формъ сложныхъ, не соотвѣтствующихъ условіямъ военнаго быта, какъ на примѣръ, пререканій сторонъ, (?) замѣчаній ихъ по каждому дѣйствію, производящемуся на судѣ, оспариваніе доводовъ и соображеній противной стороны.

Невольно остановишься и воскликнешь: Боги! да кто же это пишетъ? Въ какое время это пишется? Вѣдь въ этихъ немногихъ словахъ заключается посягательство на существеннѣйшія начала судопроизводства.

Нельзя же подсудимому, кто бы онъ ни былъ, въ силу того только, что онъ попалъ на извѣстную скамью, отказать въ правѣ замѣчаній противъ дѣйствій, направленныхъ въ его ущербъ? Да и за что же несчастные, военнослужащіе должны быть поставлены въ подобное положеніе? Не за то ли, что они переносятъ всѣ тягости, всѣ лишенія военной службы [1]) изъ за обладанія правомъ, признаннымъ за ними закономъ быть защитниками отечества противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ [2]).

Но мы встрѣтимся съ большими еще курьезами, если только можно къ подобнаго рода заявленіямъ преподносимымъ въ

---

[1]) Мы считаемъ себя въ правѣ употребить эти слова: *тягость и лишенія*, такъ какъ они цѣликомъ вошли въ законное опредѣленіе состава преступленія, именуемаго *ропотъ* (ст. 108 В. Уст. о Нак.)

[2]) Развѣ указанная нами выше, возлагаемая ст. 4 Уст. Дисципл. обязанность на начальника разъяснять подчиненному и поддерживать въ немъ сознаніе о *высокомъ* значеніи воина падаетъ, снимается съ начальника, съ того момента, когда военно служащій имѣлъ несчастіе попасть, можетъ быть и невинно, на скамью подсудимыхъ? Развѣ, сидя и на ней, до момента осужденія, онъ не продолжаетъ быть военнымъ?

XIX вѣкѣ законодателю, относиться съ легкой, насмѣшливой точки зрѣнія.

Иногда, продолжаетъ замѣтка, по поводу прочтенія какого нибудь документа или другаго дѣйствія возникаетъ *нескончаемый* (будто?) споръ между сторонами; иногда подсудимый нижній чинъ (?) или оберъ-офицеръ (?), отказываясь отъ защитника и желая самъ себя защищать, пользуется *такимъ образомъ* (почему же?) правомъ входить въ пререканія съ прокуроромъ, состоящимъ въ *штабъ-офицерскомъ чинѣ* (!!!), что не согласно съ духомъ военной дисциплины (будто?)

Оставили бы вы, Гг. разрушители, на этотъ хотя разъ, ссылку на дурно усвоенное вами самими понятіе дисциплины. Развѣ она не совмѣстима съ понятіемъ справедливости? Законъ говоритъ противное. Да и можно ли забывать, что какъ бы ни строго понималось значеніе дисциплины, какъ бы ни обезличивался въ силу ея человѣкъ, но есть два момента, когда объ ней не можетъ быть и помина: это когда человѣкъ молится (храмъ Божій) и когда онъ силой обстоятельствъ, въ качествѣ подсудимаго, присутствуя въ храмѣ правосудія, отстаиваетъ свою жизнь, честь, права. Въ этотъ моментъ онъ представляется не нижнимъ чиномъ, и не оберъ-офицеромъ, а человѣкомъ *равноправнымъ*, пока онъ не лишенъ этихъ правъ. Такъ и видно, что авторъ замѣтки, исполняя заданный ему начальствомъ урокъ, положивъ передъ собой съ одной руки военно судебный уставъ, а съ другой-данную ему программу, нанизываетъ недостатки, не соображаясь въ этомъ случаѣ ни съ фактами, ни съ логикой. Мы бы желали, чтобы намъ цитировали хотя одинъ примѣръ *нижняго чина*, который стоялъ бы въ подобномъ опасномъ положеніи. Но, кромѣ того, критикуя формы, надо относиться къ нимъ отвлеченно, между тѣмъ, черезъ весь аргументъ, цитированный выше, проводится не *отвлеченная* критика извѣстнаго принципа, а *указаніе* на злоупотребленіе имъ со стороны лицъ. Можно ли допустить на судѣ *нескончаемость* преній сторонъ, а тѣмъ болѣе *прере-*

ванія, нарушающія не только условія разумной дисциплины, но приличіе. Читая подобный аргументъ, невольно вспомнишь опять о загадочныхъ картинкахъ и спросишь себя: да гдѣ же предсѣдатель?

Изъ за личныхъ недостатковъ дѣятелей нельзя же ломать всю систему.

Идемъ далѣе:

в) допущеніемъ вызова новыхъ экспертовъ въ судъ независимо отъ тѣхъ, которые были спрошены при предварительномъ слѣдствіи. Слѣдуетъ грозная филиппика противъ экспертовъ, которые, если вѣрить составителю записки, относятся къ дѣлу весьма поверхностно и т. д., а за тѣмъ идетъ указаніе на финансовую сторону дѣла;

г) установленіемъ слишкомъ продолжительныхъ сроковъ на изготовленіе, объявленіе приговоровъ и обжалованіе ихъ;

д) излишнимъ расширеніемъ предоставленнаго прокурорамъ и защитникамъ права на протесты и жалобы, при чемъ, независимо отъ приписываемой этимъ протестамъ и жалобамъ безусловной несоотвѣтственности, въ большинствѣ случаевъ съ требованіемъ закона, упоминается, что, при существованіи этого права, (а не злоупотребленія ли онымъ?) дѣла попадаютъ въ главный военный судъ, гдѣ находятся *иногда* продолжительное время, а подсудимые, между тѣмъ, остаются все время *подъ стражей*.

Какая, подумаешь, заботливость, но о чемъ? О подсудимомъ или интересахъ казны!

ж) требованіемъ по уставу *подробнаго* изложенія съ *мотивами* окончательныхъ приговоровъ.

Какія же предлагаются мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ? Въ негласной запискѣ указывалось а) на измѣ-

· Курсивъ употребленъ и въ подлинной замѣткѣ.

ненiе всего дѣйствующаго порядка судопроизводства *на основѣ коренныхъ его началъ*, въ видахъ упрощенiя и согласованiя военнаго процесса съ условiями военной службы и особенностями военнаго быта, б) на ограниченiе числа случаевъ производства слѣдствiй и увеличенiе дознанiй черезъ строевыхъ офицеровъ, в) на пересмотръ правилъ о выдачѣ обвинительныхъ актовъ, вызовѣ свидѣтелей, собранiи доказательствъ, г) на измѣненiе порядка подачи протестовъ и жалобъ. Въ *оффицiальной* замѣткѣ говорится:

1) объ обязанности военныхъ слѣдователей и прокуроровъ *содѣйствовать* (только ли?) болѣе быстрому внесенiю дѣлъ въ военные суды.

Какое соотношенiе можетъ имѣть подобная мѣра къ законодательнымъ работамъ, мы не понимаемъ. Обязанность нетолько содѣйствовать, но не медлить производствомъ дѣлъ, предусмотрѣна и нынѣшнимъ уставомъ: указаны въ немъ даже и способы понужденiй. Если дѣло идетъ объ измѣненiи этихъ способовъ, то слѣдовало бы такъ и выразится.

2) объ устраненiи всѣхъ прочихъ причинъ, замедляющихъ судоотправленiе черезъ расширенiе редакцiи 727 ст., упрощенiе формъ, исключенiе излишнихъ подробностей въ приговорахъ [1]) установленiемъ трехдневныхъ сроковъ на изготовленiе, объявленiе, обжалованiе приговоровъ, дозволенiемъ самимъ судамъ разсматривать жалобы по существу и протесты на нарушенiе несущественныхъ формъ судопроизводства, ограниченiемъ правъ сторонъ на вызовъ свидѣтелей, ограничиваясь при этомъ крайне необходимымъ числомъ ихъ (вотъ то штука: оригинальное примѣненiе ариѳметики), отмѣна вызова новыхъ экспертовъ на судъ, оставленiе за прокурорскимъ надзоромъ лишь обязанно-

---

[1]) Это указанiе сопровождается подстрочной оговоркой: „это послѣднее, очевидно, относится до тѣхъ приговоровъ, которые, будучи не опротестованы военнымъ прокуроромъ, и не обжалованы подсудимымъ, не поступаютъ на разсмотрѣнiе главнаго военнаго суда.“ Въ связи съ предполагаемымъ предоставленiемъ суду же не посылать нѣкоторыхъ протестовъ и жалобъ въ Гл. В. Судъ, оговорка прiобрѣтаетъ особенное значенiе.

сти стороны обвинительной, обязанность же охраны закона возложить на самый судъ [1]).

Съ перваго же шага, мы становимся въ крайне затруднительное положеніе. Если бы цѣлью нашей было только полемизировать, а не содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, правильной постановкѣ вопроса, въ скромной надеждѣ, что, можетъ быть многое, что намъ удастся высказать, будетъ принято въ соображеніе тѣми, которымъ придется сказать послѣднее рѣшительное слово по вопросу, затрагивающему не одну военную среду, но и все общество, намъ оставалось бы ограничиться анализомъ лишь оффиціальной замѣтки, оставивъ въ сторонѣ негласную. Но задача въ томъ: представляетъ-ли эта оффиціальная замѣтка послѣднее слово, дальше котораго инипціаторы реформы не пойдутъ или оглашенное ими представляется пробнымъ камнемъ, за которымъ гнѣздятся еще цѣлый рядъ предположеній? Для серьезнаго изслѣдованія эта недомолвка очень важна, тѣмъ болѣе, что въ негласной запискѣ, не говоря уже объ организаціи полковыхъ судовъ, которой, слѣдуя оффиціальной замѣткѣ мы пока не касаемся, упоминалось и о другихъ, не менѣе радикальныхъ мѣрахъ, а именно: о сокращеніи чиновъ военно-судебнаго персонала, о децентрализаціи прокурорскаго надзора, объ уменьшеніи числа временныхъ членовъ и увеличеніи ценза для нихъ, объ измѣненіи дисциплинарной отвѣтственности, объ ограниченіи юрисдикціи военныхъ судовъ, объ уничтоженіи пререканій, о публичности и участіи сторонъ въ постановкѣ вопросовъ; въ апрѣльской же замѣткѣ говорится, кромѣ того, о принятіи за образецъ существующаго Французскаго судопроизводства и превращеніи нашихъ военныхъ судовъ въ дивизіонные и т. д. и наконецъ, о предоставленіи Главнымъ Начальникамъ военныхъ округовъ большей власти надъ судами.

---

[1]) Это ограниченіе прокурорской обязанности представляется логическимъ, какъ думаетъ составитель замѣтки, послѣдствіемъ недостатковъ, сгруппированныхъ имъ подъ цыфрой III; но такъ какъ по самому изложенію замѣтки, въ которой недостаткамъ первой категоріи посвящены 1½ страницы, а прочимъ—по нѣскольку строчекъ, то мы сочли себя въ правѣ прибавить и это указаніе.

Слѣдуетъ-ли, въ виду октябрьской замѣтки, всѣ предположенія, не вошедшія въ нее, считать оставленными или только отсроченными до испытанія силы перваго брандера, пущеннаго изъ подтишка? Мы склоняемся болѣе въ пользу послѣдняго предположенія, такъ какъ при всей существенности и радикальности заявленныхъ мѣръ, онѣ едва-ли удовлетворятъ жажду къ разрушенію принявшихъ на себя этотъ неблагодарный трудъ. Въ виду этого, конечно, намъ придется нѣсколько распространить свой трудъ и направить его даже на разборъ гадательныхъ предположеній.

Другое, встрѣчающееся намъ затрудненіе заключается въ томъ, что многія изъ заявленныхъ въ октябрѣ предположеній проведены уже въ жизнь въ формѣ, не обычной для насъ, привыкшихъ къ строгому соблюденію законности: въ формѣ декретовъ, которые не были въ ходу и въ Аракчеевскія времена. Такъ, напримѣръ, по дисциплинарнымъ нарушеніямъ гласности уже не существуетъ, *) къ преступленіямъ этого

*) Поборники этой мѣры, какъ намъ случалось слышать, говорятъ: гласность не уничтожена, военно-служащіе свободно допускаются и теперь въ залу судебнаго засѣданія. Но вѣдь военно-служащіе не составляютъ всего общества, да и что могутъ извлечь они интереснаго и поучительнаго для себя въ процессахъ о нарушеніи дисциплины? А для подсудимаго, сломленнаго путами дисциплины даже и на судѣ, исключительное присутствіе военно-служащихъ едва ли принесетъ пользу. Но, говорятъ [illegible] голоса, какое имѣетъ право такъ называемое общество интересоваться даже проникнуть въ тайны военнаго суда? Значитъ вы сами сознаете, что въ военномъ быту есть такія тайны, которыя неудобно обнаруживать, а потомъ, можетъ ли возникать сомнѣніе въ правѣ интересоваться обстановкой военнаго быта того самаго общества, которое отдаетъ вамъ въ школу самое дорогое, что у него есть—дѣтей. Своей скороспѣлой, смѣемъ сказать, необдуманной мѣрой, вы возбудили только тревогу въ этомъ обществѣ, которое не можетъ не придти къ заключенію, что въ военномъ вѣдомствѣ совершается что то такое, не подлежащее огласкѣ, и побуждающее въ тоже время принимать экстренныя, въ разрѣзъ съ потребностями времени идущія, мѣры. Содѣйствовали ли вы, по крайней мѣрѣ, къ принятію соотвѣтственныхъ мѣръ къ установленію въ военной средѣ между подчиненными и начальниками правомѣрныхъ отношеній. Фактъ на лицо: истязаніе подсудимаго на глазахъ слѣдователя, въ Л. Гв. Гусарскомъ полку, дѣло Блинка съ Роговскимъ. Эти факты явные, а мы прибавимъ къ нимъ намъ лично извѣстный. Въ одной изъ части войскъ, стоящихъ въ Петербургѣ, сынъ высокопоставленнаго лица, имѣвшій несчастіе попасть на службу по жребію, и избавился отъ чести полученія въ строю отъ ротнаго командира по *за шейку*. Преклонимся передъ этимъ педагогомъ, для котораго нѣтъ различія въ со-

рода примѣнены сокращенные сроки (военнаго времени), жалобы по существу не представляются уже въ Главный Военный Судъ *). Удерживая за собою право оцѣнить нравственную сторону подобныхъ распорядковъ по отношенію къ цѣлесообразности подобныхъ мѣръ, отсылая къ приведеннымъ нами выше фактамъ, относительно степени важности и численности дисциплинарныхъ нарушеній, скажемъ на этотъ разъ, что изъ декретовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, первый, по крайней мѣрѣ, о закрытіи дверей суда (о второмъ мы не можемъ сказать ничего положительнаго: онъ не оглашенъ даже въ „Русскомъ Инвалидѣ“), имѣлъ временный характеръ: въ немъ была употреблена оговорка: *до разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ*... Но если бы даже во второмъ декретѣ существовала подобная же оговорка, спрашивается: въ какое положеніе поставлены ею даже тѣ лица, которые въ виду званій, ими носимыхъ, будутъ въ правѣ судить объ ней въ окончательной инстанціи? Мѣра уже осуществлена, проведена въ жизнь, она освящена высшимъ авторитетомъ. Можно ли разсуждать объ ней? Не будетъ ли отмѣна ея, какъ неправильной, компрометировать даже не одну военную администрацію, ее проведшую? **) Но, если справедливо или не справедливо, можно предвидѣть, что сами законодатели станутъ въ безъисходное положеніе по отношенію къ этимъ мѣрамъ, то какъ же отнестись къ нимъ намъ,

---

стояніяхъ и званіяхъ, но чтобы было, если бы молодой человѣкъ, на этотъ разъ ошеломленный, прибѣгъ къ самозащитѣ, хотя бы прикладомъ. Отвѣтъ ясенъ, стоитъ сличить 96 ст. Уст. о Нак. со ст. 185: одинъ ушелъ бы на каторгу, а другой посидѣлъ бы на гауптвахтѣ 6 мѣсяцевъ. И при подобной нормальной обстановкѣ военнаго быта, подымается рука единственно на что: на отнятіе у подсудимаго священнѣйшей гарантіи, предоставленной ему закономъ—быть судимымъ гласно, т. е. быть застрахованнымъ на судѣ отъ всякаго стѣсненія. Но что насъ въ особенности поражаетъ въ мѣрѣ, о которой идетъ рѣчь, такъ это то, что ее нашли нужнымъ примѣнить и къ Гл. В. Суду, но вѣдь послѣдній не рѣшаетъ дѣлъ по существу? Къ чему же понадобилась и тутъ безгласность?

**) Судя по газетамъ, одинъ уже отправленъ на каторгу подобнымъ *скоропалительнымъ* порядкомъ. Одинъ ли?

*) Нѣчто подобное, впрочемъ случилось уже въ духовномъ вѣдомствѣ. Исходатайствовали сперва Высочайшее утвержденіе основныхъ началъ духовно-судебной реформы, а потомъ, хватясь ума разума, передали эти основанія на обсужденіе спеціалистовъ и провалили реформу.

скромному автору? Не доказываетъ ли сказанное, что въ основаніе предпринятой работы по преобразованію военнаго суда, положено не искренее отношеніе къ дѣлу, не глубокое убѣжденіе въ своевременности и необходимости реформы, а нѣчто другое, затаенное, на столько однако вліятельное, что инициаторы работы не затрудняются и тѣмъ, что военно-судебное вѣдомство, благодаря имъ, изъято какъ бы отъ всѣхъ прочихъ, принадлежащихъ къ составу военной администраціи, поставлено въ исключительное, какъ бы осадное положеніе, при которомъ, конечно, дозволительно употребленіе *чрезвычайныхъ* мѣръ, но при подобномъ положеніи, серьезной оцѣнкѣ принятыхъ и предполагаемыхъ мѣръ не можетъ быть и мѣста. Остается безпрекословное подчиненіе *).

Хотя, такимъ образомъ, намъ, въ предпринятомъ съ благонамѣренной цѣлью трудѣ, придется лавировать между двухъ скалъ, но примѣръ Г. Соболевскаго насъ поощряетъ, и мы попытаемся, насколько возможно, высказать свое откровенное мнѣніе обо всемъ.

Мы выше замѣтили, что составитель октябрьской замѣтки, желая систематизировать обвиненія, исполнилъ эту задачу неудачно. Доказательство подъ руками: ставя на первый планъ медленность судопроизводства, онъ слилъ въ одну рубрику и доказательства такъ сказать внѣшнія, зависящія въ той или другой мѣрѣ отъ личнаго характера дѣятелей, а потому легко отстранимыя, и доказательства высшаго порядка, объясняемыя особенностью установившихся формъ процесса, которыя нарушить не въ правѣ ни одинъ судебный дѣятель.

---

*) Впрочемъ, не объясняется ли это явленіе другой причиной. Мы до сихъ поръ убѣждены въ присущей Гг. военнымъ способности прямо съ боеваго коня занимать какія угодно гражданскія мѣста. Эскадронные командиры у насъ дѣлались губернаторами. Съ этимъ бы еще можно примириться. Въ сферѣ губернаторской дѣятельности есть еще много такого, что зависитъ отъ личныхъ распоряженій: тутъ важны сообразительность, находчивость, рѣшительность, твердость, лихорадочный пылъ, нервная поспѣшность, столь свойственныя людямъ военнымъ. Но, въ законодательной дѣятельности, на оборотъ, эти свойства представляются не только не нужными, но положительно вредными. Въ этой сферѣ дѣятельности, исключительно предъ прочими, необходимо руководствоваться извѣстной поговоркой: *семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь.*

Но прежде всего намъ важно провѣрить: дѣйствительно ли судоотправленіе въ военныхъ судахъ такъ медленно.

Мы возьмемъ сперва цифры; вотъ что онѣ намъ покажутъ:

Изъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ 1878 и 1879 годахъ (въ новомъ порядкѣ)

	въ теченіи 1878 года		въ теченіи 1879 года	
производилось	7863		7654 —	—
оконченныхъ было. . .	6444	86,95%	5680 —	74,21%.
причемъ производилось:				
менѣе 1-го мѣсяца . . .	2935	46,85%	2671	47,02%.
отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ.	1746	27,87%	1452	25,56%.
— 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.	1002	15,99%	870	15,31%.
— 6 мѣсяцевъ до года .	582	7,02%	495	8,71%.
болѣе года	179	2,27%	192	3,30%.
осталось не оконченныхъ.	1419	13,05%	1974	25,79%.

Въ прокурорскомъ надзорѣ.

	въ теченіи 1878 года		въ теченіи 1879 года	
производилось дѣлъ . .	8569 *)		8027 *)	
рѣшено " . .	8561	99,90%	7926	98,74%.
обвинительныхъ актовъ внесено . . . . . , .	4293		4442	13,40%.

Въ военныхъ судахъ, какъ постоянныхъ такъ и временныхъ,

	въ теченіи 1878 года		въ теченіи 1879 года	
производилось дѣлъ. . .	17354 *)		17302 *)	
рѣшено " . . .	15078	86,95%	14810	86,60%
осталось не оконченными	2276	13,05%	2292	13,40%.

*) Но изъ этихъ цифръ надо исключить во 1) 2584 дѣла, производившихся въ старомъ порядкѣ, изъ которыхъ рѣшено было 1280 т. е. менѣе половины, 8593 дѣла, производившихся въ полковыхъ судахъ, изъ которыхъ рѣшено было 8170, такъ что, собственно въ окружныхъ судахъ, отношеніе [illegible] къ нерѣшеннымъ дѣламъ выразится цифрами 90, 62 и 9,38 . Въ 1879 году въ старомъ порядкѣ разсматривалось и рѣшено $\frac{2136}{976}$ въ полковыхъ судахъ $\frac{[illegible]}{8197}$ затѣмъ, успѣхъ производства въ окружныхъ судахъ выразится цифрами $\frac{87,47\%}{12,53\%}$

На сколько успѣшно было производство вообще, можно судить потому, что дѣла со дня происшествія по день совершеннаго окончанія, тянулись:

	въ теченіи 1878 года		въ теченіи 1879 года.	
менѣе 1 мѣсяца	5172	34,30%	5233	35,36%.
отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ.	3501	23,22%	3516	23,64%.
" 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.	3180	21,09%	2923	19,73%.
" 6-ти до года. . . .	2487	16,49%	1978	13,35%.
свыше года	584	3,21%	899	6,07%.
" 2 лѣтъ	152	1,69%	261	1,85%.
	15078	100%	14810	100%.

Чтобы оцѣнить по достоинству эту послѣднюю табличку, надо принять во вниманіе, что въ ней показаны безъ раздѣленія дѣла, производимыя и въ новомъ, и въ старомъ порядкѣ, а равно и разсмотрѣнныя полковыми судами, а потому, если послѣдніе, по существу, рѣшаютъ дѣла скорѣе, то относительно дѣлъ рѣшаемыхъ въ старомъ порядкѣ, они, конечно, группируются въ болѣе значительномъ процентномъ отношеніи въ послѣднихъ трехъ рубрикахъ.

Посмотримъ теперь тѣ же отношенія въ гражданскомъ вѣдомствѣ за 1875 годъ.

Слѣдователи въ гражданскомъ вѣдомствѣ окончили 77⅓ % производившихся у нихъ дѣлъ, военные слѣдователи кончили, въ среднемъ размѣрѣ за два года, 78,08%, но при этомъ надо имѣть въ виду, что 1879 годъ былъ для военно судебнаго вѣдомства ненормальный, такъ-какъ съ возвращеніемъ арміи, возникли наиболѣе сложныя дѣла, которыя замедлялись необходимостью розыска свидѣтелей, распущенныхъ въ отставку и запасъ, а между тѣмъ, лучшія слѣдственныя силы были оторваны прикомандированіемъ къ арміи, а потомъ къ слѣдственнымъ комиссіямъ.

У прокуроровъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ заканчивается дѣлъ отъ 93 до 95%, въ военно судебномъ вѣдомствѣ, по средней сложности, до 98½%.

Въ гражданскихъ судахъ по существу заканчивается дѣлъ отъ 76 до 78%, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ до 86½%.

По отчету Министерства Юстиціи за 1875 годъ, которымъ мы руководствуемся, не сдѣлано общаго вывода о продолжительности разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ (сдѣланы лишь частные для слѣдователей и судовъ), но весьма важно то, что изъ судебныхъ дѣлъ, производившихся во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ 6 судебныхъ округовъ, показано оконченныхъ дѣлъ лишь 52%, а въ военно-судебномъ вѣдомствѣ ихъ приходится 86% [1]). Въ частности, судебные слѣдователи производятъ слѣдствія

менѣе 1-го мѣсяца . . .	отъ	38	до	45%
въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ	„	14	„	24%
„ „ полугода . .	„	18	„	20%
болѣе 6 мѣсяцевъ . . .	„	5	„	11½%
долѣе года	„	2	„	16½%.

Отсюда слѣдовало бы заключить, что военные суды уступаютъ въ скорости производства дѣлъ, по нѣкорымъ рубрикамъ, но надо имѣть въ виду оговорку, сдѣланную выше, относительно отсутствія необходимыхъ данныхъ для подобнаго сравненія, вслѣдствіи невозможности выдѣлить изъ общей цифры $\frac{15078}{14810}$ дѣлъ тѣ, которыя производились въ старомъ порядкѣ и въ полковыхъ судахъ, а производство послѣднихъ можетъ быть уподоблено только производству у мировыхъ судей, которое, въ свою очередь, въ приведенный расчетъ по гражданскому вѣдомству не включено. Нельзя не пожалѣть къ тому же, что въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, въ противуположность отчетности по гражданскому вѣдомству, не показывается отдѣльно: на сколько времени задерживаются дѣла у прокуроровъ.

Изъ свѣдѣній, включенныхъ въ отчетъ Министерства Юстиціи, видно, что изъ неоконченныхъ въ прокурорскомъ надзорѣ, къ 1 января 1876 года дѣлъ оставалось неразсмотрѣнныхъ:

---

[1]) При обсужденіи этого результата необходимо имѣть въ виду, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ существуетъ апелляціонное производство, котораго въ военномъ вѣдомствѣ нѣтъ.

въ теченіи менѣе 7 дней	16½%	общаго количества
въ теченіи менѣе мѣсяца	31½	„ „
отъ 1 до 2-хъ мѣсяцевъ.	17	„ „
" 2-хъ до 6 "	20	„ „
болѣе 6 мѣсяцевъ	15	„ „

Тѣмъ не менѣе Министерство Юстиціи не вопіетъ о медленности производства ни у прокуроровъ, ни у слѣдователей, замѣчая не безъ основанія относительно послѣднихъ, что медленность у нихъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и не можетъ быть вообще относима къ *винѣ слѣдователей, а скорѣе къ формальностямъ общаго строя судопроизводства, которыя установлены, какъ необходимыя гарантіи для обвиняемыхъ.*

Чтобы не возвращаться въ послѣдствіи къ цифрамъ, мы приведемъ тутъ и ниже-слѣдующія:

Въ 1878 году окончательныхъ приговоровъ по обвинительнымъ актамъ во всѣхъ военно-окружныхъ судахъ постановлено 2653.

Въ 1879 году—2212. Въ Главный Военный Судъ представлено 360 и 353.

Прокурорами опротестовано изъ нихъ 120 и 157.

Въ Главномъ Военномъ Судѣ по протестованнымъ и обжалованнымъ приговорамъ постановлено окончательныхъ опредѣленій въ 1878 г.—430, осталось не разсмотрѣнныхъ 20, въ 1879 году—478, при чемъ отношеніе уважешныхъ и не уваженныхъ протестовъ и жалобъ за оба года выразилось слѣдующими цифрами:

	Въ теченіи		Въ томъ числѣ было подѣламъ нижнихъ чиновъ не пользующихся особыми правами состоянія.	
	1878 г.	1879 г.	1878 г.	1979 г.
Общее число протестовъ (включая оставшіеся отъ предъидущаго года) . .	178	164	106	102
изъ нихъ разсмотрѣно	168	149		
уважено	121	109	77	71.
Общее число жалобъ (включая оставшіяся отъ прошлаго года).	272	314	160	205

изъ нихъ разсмотрѣно	262	290		
уважено	42	38	20	15
Общее число тѣхъ и другихъ . . .	450	478	266	307
разсмотрѣнныхъ	430	439		
уважено	163	147	97	86

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ въ 1875 году по 23749 постановленнымъ приговорамъ, въ томъ числѣ 18064, состоявшимся при участіи присяжныхъ засѣдателей, обжалованныхъ (въ томъ числѣ и опротестованныхъ) было 2386.

Приводимыя свѣдѣнія доказываютъ, 1) что изъ 2430 приговоровъ, постановляемыхъ военно-окружными судами, по существу, опротестовываются 171 (или 7 изъ 100), обжаловывается 293 (или 12 изъ 100), въ общей сложности задерживаются въ окончаніи по 19 на 100, остальные 81 направляются къ окончательному исполненію; въ гражданскомъ вѣдомствѣ обжалованныхъ дѣлъ приходится по 10 на 100; во 2) что изъ общаго числа опротестованныхъ приговоровъ признаются уважительными до 67 на 100, изъ обжалуемыхъ до 27, причемъ обращаетъ на себя вниманіе то, что въ общемъ числѣ протестовъ и жалобъ по дѣламъ нижнихъ чиновъ, не пользующихся особыми правами состоянія, подается первыхъ около 60%, вторыхъ—около 62%, а уваженныхъ оказывается не по 67 и 27 на 100 поданныхъ, а лишь по 42 и 9, что доказываетъ съ одной стороны, что обвиняемымъ изъ этой категоріи особой поблажки не дается и объясняется тѣмъ, что большая часть жалобъ, подаваемыхъ подсудимыми нижними чинами, пишется не защитниками, а людьми, взятыми со стороны, при чемъ весьма естественно, что до 90% ихъ относятся до существа дѣла или ограничиваются ходатайствами о смягченіи наказанія; 3) что Главный Военный Судъ, рѣшая изъ подобныхъ дѣлъ, въ теченіи года, по 92 дѣла на 100, отнюдь не можетъ быть обвиняемъ въ задерживаніи дѣлъ да и подобное обвиненіе для знающаго распорядки, существующіе въ Главномъ Военномъ Судѣ, само собою покажется неумѣстнымъ, въ виду того, что, за исключеніемъ сложныхъ дѣлъ, а ихъ немного, кассаціонныя дѣла докладываются Главному Военному Суду въ теченіи второй

недѣли по поступленіи ихъ и окончательно рѣшаются (подписаніемъ опредѣленія) на третью недѣлю. А такъ какъ, при настоящемъ устройствѣ почты, дѣла изъ самыхъ дальнихъ пунктовъ поступаютъ на 7 и 8-й день, то черезъ соблюденіе установленнаго закономъ кассаціоннаго порядка, если 19 изъ 100 подсудимыхъ и задерживаются на одинъ мѣсяцъ, то, принимая во вниманіе, что не всѣ же изъ нихъ содержатся подъ стражей, окажется, что сѣтованія на излишнія издержки казны въ этомъ отношеніи представляются, по меньшей мѣрѣ, странными. Изъ приведенныхъ въ послѣдней табличкѣ цифръ, мы убѣдительно просимъ читателей не забывать одного существеннаго факта: изъ 100 приговоровъ, постановленныхъ окружнымъ судомъ, 81 обращается черезъ двѣ недѣли къ исполненію и только 19 задерживаются, самое большее на 2 мѣсяца, а такъ какъ среднее число приговоровъ, постановляемыхъ судами не превышаетъ 24 сотенъ, то тревога поднимается изъ за 470 приговоровъ, нѣсколько задерживаемыхъ.

Приведенныя нами цифры въ общей совокупности, какъ намъ кажется, не оставятъ ни въ комъ сомнѣнія, что доводы приводимые противъ дѣйствующаго суда, въ той мѣрѣ, въ какой они основываются на медленности судоотправленія, оказываются не только не выдерживающими критики, но даже лишенными прочнаго основанія. Но мы пойдемъ далѣе; независимо отъ цифръ, дающихъ болѣе или менѣе основательное понятіе о существѣ возбуждаемаго вопроса, мы, по указаніямъ опыта, можемъ согласиться, что слѣдственное производство въ военно-судебномъ вѣдомствѣ нѣсколько задерживается и что со стороны прокурорскаго надзора установленный закономъ 7 дневный срокъ для дачи заключеній, въ большинствѣ случаевъ, не соблюдается. Но первый, признаваемый нами, фактъ, независимо отъ причинъ, обусловливаемыхъ личными качествами слѣдователей, объясняется тѣмъ во 1) что въ то время, когда въ гражданскомъ вѣдомствѣ уѣзды раздѣлены на участки въ слѣдственномъ отношеніи, въ военно судебномъ вѣдомствѣ слѣдственные участки охватываютъ цѣлыя губерніи, а такъ какъ войска, за исключеніемъ немногихъ случаевъ сосредоточеннаго

расположенія, разбросаны по городамъ и деревнямъ, то военный слѣдователь убиваетъ большую часть времени на разъѣзды. Хорошо, если участокъ его прорѣзанъ желѣзными дорогами. Но возьмемъ въ соображеніе Кавказъ и, хотя Казанскій округъ. Прямое послѣдствіе подобной обстановки, конечно, то, что, имѣя въ производствѣ, въ мѣстѣ своего расположенія, сложныя и отвѣтственныя дѣла, военный слѣдователь не можетъ располагать на столько своимъ временемъ, чтобы заняться ими: онъ получаетъ увѣдомленіе о *сравнительно* болѣе важномъ дѣлѣ, случившемся за 200, 300 и болѣе верстъ. Онъ долженъ кинуть совершенно направленное къ окончанію дѣло, броситься по вызову и зачастую разочаровываться какъ и въ важности происшествія, такъ и въ возможности безотлагательнаго производства по немъ слѣдствія. Употребивъ нѣкоторое время на производство слѣдствія, онъ пользуется случаемъ, чтобы произвести слѣдственныя дѣйствія, такъ сказать, *по пути*, это задерживаетъ его на одну или двѣ недѣли, а, возвратившись въ свою камеру, онъ находитъ не малое число новыхъ извѣщеній и такихъ, которые получены изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ въ которыхъ онъ только что былъ. Мудрено-ли послѣ этого, что военный слѣдователь по мѣсяцу и по два не можетъ приступить къ начатію иныхъ слѣдствій и, при томъ, простыхъ, которыя могли бы быть окончены въ нѣсколько дней; во 2) если Министръ Юстиціи нашелъ возможность отстаивать судебныхъ слѣдователей отъ обвиненія въ медленности и, при томъ ссылкой на строй судопроизводства, то этотъ же доводъ можетъ быть примѣненъ къ военнымъ слѣдователямъ съ тѣмъ большей основательностью, что для него факты эти усложняются особенными формами, придуманными не въ интересахъ обвиняемыхъ или правосудія, а исключительно для огражденія авторитета начальника, правильнѣе сказать, чинопочитанія. Ему приходится вызывать свидѣтелей черезъ начальство, обращаясь къ нему съ рапортами, встрѣчаться съ противозаконнымъ замедленіемъ и неисполненіемъ его законнѣйшихъ требованій и пребывать въ положительной невозможности ни понудить, ни настоять. Прибавьте къ этому об-

ременение ни къ чему не ведущею отчетностью, громадную переписку, возбуждаемую изъ за этой отчетности прокурорами и, наконецъ, массу обращенныхъ къ дополненію, по самымъ простымъ предлогамъ, слѣдствій [1]), то станетъ очевидно, что военный слѣдователь становится въ невозможное положеніе, въ особенности, какъ членъ суда: между тѣмъ дѣйствительнаго, настоящаго контроля надъ ними нѣтъ и не производится, а это въ связи

[1]) Вопреки закону, надзоръ за слѣдователями сосредоточенъ въ военно-прокурорскомъ надзорѣ, а такъ какъ военный прокуроръ распоряженіемъ начальства, вызваннымъ финансовыми соображеніями, стѣсненъ въ правѣ выѣхать самъ или командировать помощника для провѣрки дѣйствій слѣдователя по горячимъ слѣдамъ, и для направленія ихъ, то самый надзоръ обращается въ безплодную письменную форму, обременяющую одинаково и прокурорскую канцелярію, и самаго слѣдователя. Что касается дополненія слѣдствій, то во 1) Г.г. прокуроры, въ большинствѣ случаевъ, отстаиваютъ въ этомъ отношеніи формальности, при чемъ исправленіе ихъ возлагаютъ на слѣдователя, тогда какъ многія изъ нихъ могли бы быть исправлены непосредственными сношеніями и во 2) они не дѣлаютъ различія между той неполнотой слѣдствія, которая содѣлываетъ его недостаточнымъ матерьяломъ къ постановкѣ заключенія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, и той неполнотой, которая можетъ поставить въ затрудненіе судъ при постановкѣ приговора. Неполнота въ последнемъ случаѣ, за частую, можетъ быть отстранена на судебномъ слѣдствіи, между тѣмъ дѣло обращается къ слѣдователю и задерживается у него на неопредѣленное время по необходимости, такъ-какъ дополнительныя слѣдственныя дѣйствія въ глазахъ слѣдователя отодвигаются, конечно, на задній планъ. Есть еще одна черта прокурорской дѣятельности, на которую нельзя не обратить вниманія. Судебные слѣдователи, за частую, заключая о необходимости прекращенія слѣдствія, препровождаютъ дѣла, вопреки В. С. Уст., не начальнику, а прокурору, что объясняется и непривычкой къ подобному порядку, да и незнаніемъ, наконецъ, мѣста расположенія части, въ которую должно быть обращено дѣло. Въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто передачи дѣла по принадлежности и указанія слѣдователю неправильности его распоряженія, если подобное указаніе оказывается необходомымъ, военные прокуроры ограничиваются только указаніемъ и возвращаютъ дѣло къ тому же слѣдователю. Оно замедляется въ движеніи на недѣлю и больше, между тѣмъ, тоже самое дѣло придетъ къ прокурору черезъ посредство начальника. Сообразите, какая же происходитъ потеря времени отъ того только, что военный прокуроръ соблюдаетъ лишь форму, между тѣмъ, разсмотри онъ ошибочно засланное ему дѣло тотчасъ же, передай его непосредственно начальнику съ заключеніемъ по существу, выигралось бы значительно время. Пострадала бы отчетность. Пришлось бы показать одно дѣло, а не два. Наконецъ, заговоривъ о судебныхъ слѣдователяхъ, не можемъ не указать на своеобразность порядковъ, установленныхъ въ нѣкоторыхъ гражданскихъ судебныхъ округахъ, вліяющую на ходъ слѣдствій. Военный прокуроръ, замѣтивъ медленность въ производствѣ дѣла у судебныхъ слѣдователей, не можетъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ округахъ, отнестись непосредственно къ прокурору Окружнаго Суда, а долженъ сообщить о понужденіи прокурору Судебной Палаты. Къ чему это—не понимаемъ?

съ массой дѣйствительныхъ непріятностей, которыя приходится переносить слѣдователю отъ *всѣхъ* и *вся*, *самаго свѣжаго и здороваго человѣка* невольно обращаетъ въ халатника.

Что касается втораго указаннаго факта—задержки прокуроровъ, то винить ихъ въ этомъ отношеніи нельзя. Эта задержка находитъ себѣ положительное оправданіе при оговоркѣ, нами сдѣланной, относительно личныхъ качествъ, въ физической невозможности по всѣмъ дѣламъ, въ прокурорскій надзоръ поступающимъ, соблюсти законный 7 дневный срокъ. Для составленія заключенія необходимо во 1) самое подробное ознакомленіе съ слѣдствіемъ, во 2) изготовленіе по дѣлу обстоятельной записки, что неизбѣжно, съ одной стороны, въ виду необходимости не заставлять прокурора, при провѣркѣ заключенія, углубляться въ чтеніе дѣла, а съ другой стороны, составить записку такъ, чтобы, въ случаѣ преданія суду, она могла быть обращена безъ вторичнаго чтенія дѣла въ обвинительный актъ: иначе время, выигранное по отношенію къ дачѣ заключенія, потеряется при составленіи обвинительнаго акта. Прибавьте время на умственную работу, на провѣрку записки и заключенія прокуроромъ, на переписку записки, естественно, законный 7 дневный срокъ пройдетъ.

Въ этомъ выводѣ можно убѣдиться и цифрами о дѣлопроизводствѣ прокурорскаго надзора [1]).

---

[1])

Всѣхъ дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ.	Въ теченіи 1878 г.	Въ теченіи 1879
Оставалось отъ предыдущаго года . . .	72	80
Поступило отъ гражданскихъ слѣдователей	1393	1612
Отъ военныхъ слѣдователей	4546	4300
Изъ слѣдственныхъ коммиссій	7	8
Дознаній	2623	2027
Всего было въ производствѣ съ остаткомъ	8541	8027
Дано заключеній.		
О преданіи военному суду.	3998	3956
" " " полковому "	699	604
Объ окончаніи дѣлъ въ дисциплинарномъ порядкѣ	278	304
О прекращеніи слѣдствій	1146—19,29%	1100—18,76%
О передачѣ дѣлъ въ гражданское вѣдомство	206	290

Но какъ скоро зашелъ вопросъ объ ускореніи судоотправленія, мы, какъ человѣкъ практики, не можемъ умолчать о томъ, что и *г. военные начальники* не мало способствуютъ замедленію дѣлъ въ моментъ ихъ подготовленія къ разсмотрѣнію судомъ. Не говоря о препятствіяхъ, противупоставляемыхъ ими самому производству слѣдствій медленнымъ исполненіемъ законныхъ, съ точки зрѣнія слѣдственнаго производства, требованій слѣдователей, установленнаго для нихъ закономъ срока дачи отвѣтныхъ заключеній прокурору о направленіи дѣла они не соблюдаютъ. Отчего бы составителю октябрьской замѣтки не

О направленіи въ старомъ порядкѣ . . .	7	22
Возвращено для дополненія	579— 9,75%	497— 8,40%
Внесено въ судъ съ обвинительными актами безъ предварительныхъ заключеній надзора	1648	1143
Всего оконченныхъ дѣлъ	8561	7926
Не окончено	80— 0,94%	101— 1,26%
Обращено къ исполненію приговоровъ:		
Обвинительныхъ	4194	4238
Оправдательныхъ	545	628

Изъ этой вѣдомости видно во 1) что военно-прокурорскій надзоръ, выпуская отъ себя 98,905 дѣлъ изъ ежегоднаго поступленія, едва ли можетъ быть обвиняемъ въ медленности производства, а во 2) что изъ 100 поступающихъ въ военно-прокурорскій надзоръ слѣдственныхъ дѣлъ направляется до 19 къ прекращенію и до 9 къ дополненію; остальныя 72, если не считать ничтожнаго процента обращенныхъ къ окончанію въ дисциплинарномъ порядкѣ, къ суду. Между тѣмъ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ, по 3-хъ лѣтней сложности (1873, 1874 и 1875 годы) оканчивалось лишь 90% дѣлъ. Въ 1878 году, въ одномъ составѣ военно-прокурорскаго надзора числилось 80 лицъ, хотя значительная часть, и къ тому же лучшихъ помощниковъ, состояла при войскахъ, а по возвращеніи, въ откомандированіи къ слѣдственнымъ коммиссіямъ, но, принимая даже въ расчетъ общее штатное число дѣятелей, получимъ, что въ 1878 году на долю каждаго приходилось неоконченныхъ дѣлъ по одному, а двинутыхъ по 107; въ гражданскомъ вѣдомствѣ, среднимъ числомъ на каждое лицо прокурорскаго надзора приходилось, при 230 дѣлахъ, неоконченныхъ 21, т. е. около 9%, а въ военно-прокурорскомъ надзорѣ 0,9%. Мы далеки отъ мысли заключать изъ этихъ фактовъ, что военно-прокурорскій надзоръ подобнымъ производствомъ дѣлъ, оказывалъ особенныя отличія въ сравненіи съ прокурорскимъ надзоромъ гражданскаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе имѣемъ основаніе защитить его отъ упрека въ медленности, въ особенности если принять во вниманіе, что каждому изъ нихъ приходилось поддерживать обвиненія по 170 дѣламъ, т. е. фигурировать на судѣ, по меньшей мѣрѣ черезъ два дня въ третій.

рекомендовать одновременное обязаніе и воинскихъ начальниковъ содѣйствовать болѣе быстрому внесенію дѣлъ въ военные суды? Или, по его убѣжденію, путемъ закона можно обязывать только военно-судебныхъ дѣятелей: воинскіе же начальники стоятъ внѣ закона?

Намъ могутъ сказать: всѣ приводимые вами доводы имѣютъ только относительное значеніе. Военное правосудіе, если оно отправляется теперь удовлетворительно, должно идти, по самому назначенію своему, еще быстрѣе. Но почему, спросимъ мы? Для приданія военному суду... чего? болѣе устрашающаго значенія. Да, мы помнимъ время, когда преданіе военному суду для лица гражданскаго вѣдомства казалось чѣмъ то ужаснымъ, потрясающимъ. Къ счастію, теперь не только между военнослужащими, но и между лицами гражданскаго вѣдомства фраза: преданіе военному суду—не возбуждаетъ уже такихъ впечатлѣній, потому что вѣрятъ справедливости и безпристрастію этого суда. Обратить его въ пугало не долго, но какой и кому послѣдуетъ отъ этого выигрышъ. Да и, наконецъ, чья дерзновенная рука можетъ подняться на девизъ, одинаково примѣняющійся и къ гражданскимъ и военнымъ судамъ. Девизъ этотъ упоминаетъ о правдѣ, милосердіи, онъ говоритъ и о скорости суда, но съ тѣмъ вмѣстѣ, и о равноправности. Объ ужасающемъ значеніи суда въ немъ не упоминается. Какое же вы имѣете право домогаться включенія въ него и этого понятія? Или вы не научены исторіей, что инквизиціонные, тайные и всякіе тому подобные суды достигали результатовъ діаметрально противоположныхъ ожидаемымъ? Хотите ли вы достигнуть и теперь того же результата? Завидное стремленіе!

Но, кромѣ того, быстрота судоотправленія можетъ быть достигнута и въ ущербъ качества, а въ дѣлѣ правосудія, что лучше! тяпъ да ляпъ... и безобразный приговоръ, который придется, можетъ быть исправлять болѣе сложной процедурой, или приговоръ, вполнѣ удовлетворяющій нравственному чувству. Сократить сроки тѣхъ и другихъ процессуальныхъ формъ —легко, тѣмъ болѣе, что не представляется никакихъ отвлеченныхъ указаній для установленія этихъ сроковъ, но прак-

тика во 1) указываетъ и теперь, что многіе установленные нынѣ сроки не соблюдаются и не соблюдаются по физической невозможности выполнить ихъ. Не все же вы имѣете дѣло съ лѣнивцами. Надо же когда нибудь признать, что и въ массѣ военно-судебныхъ дѣятелей, большинство люди, добросовѣстно относящіеся къ своимъ обязанностямъ. А за тѣмъ что выгоднѣе: создать ли мертворожденный законъ или такой, святость котораго не будетъ разрушаема ежечасными нарушеніями; во 2) не отвергая, что двухнедѣльный срокъ на изготовленіе и объявленіе приговоровъ въ большинствѣ случаевъ оказывается чрезмѣрнымъ, мы не допускаемъ возможности сокращенія срока на обжалованіе, такъ какъ онъ едва достаточенъ не только для малоразвитаго преступника, но даже для опытнаго юриста; между тѣмъ въ военномъ судѣ массѣ подсудимыхъ не приходится прибѣгать къ совѣщанію съ представителями науки, мы видимъ, что они обходятся услугами людей иного пошиба. Вообще мы готовы допустить сокращеніе всѣхъ возможныхъ сроковъ процедуръ, въ той мѣрѣ, въ какой они ограничиваютъ слѣдователей, прокуроровъ, судей; но протестуемъ противъ попытки сокращенія тѣхъ сроковъ, которые постановлены въ интересахъ подсудимыхъ; малѣйшее посягательство на эти сроки можетъ парализировать правосудіе и отнять у осужденныхъ послѣднее, принадлежащее имъ, право.

Какъ же слѣдуетъ отнестись ко всѣмъ прочимъ доводамъ, сгруппированнымъ составителемъ октябрьской замѣтки подъ первую рубрику (медленность судоотправленія) и предлагаемымъ имъ соотвѣтственнымъ мѣропріятіямъ? Мы стоимъ въ положительномъ недоразумѣніи. Разбирать ихъ и разбирать серьезно; но вѣдь для подобнаго разбора понадобилось бы прибѣгнуть къ элементарнымъ поученіямъ, къ соображеніямъ чисто азбучнымъ. Ужели лица, принимающія на себя инициативу законодательной дѣятельности, на столько невѣжи, что имъ не случилось заглянуть даже не въ учебники процессуальнаго права, а хотя бы въ соображенія Государственной Канцеляріи, которыми она сопроводила изданіе общихъ судебныхъ уставовъ. Однихъ этихъ соображеній было бы достаточно для уразумѣнія кѣмъ слѣду-

етъ, что предуказанныя формы судопроизводства, на которыя они нападаютъ, порождены не фантазіей досужаго ума, а представляются логическимъ послѣдствіемъ или, правильнѣе сказать, выводомъ изъ основныхъ началъ судопроизводства, что формы эти имѣютъ такую тѣсную между тобою связь, что безразсудная ломка одной, подобно тому, какъ вынутіе любаго звѣна изъ цѣпи, ведетъ къ порванію ея, повлечетъ за собой разрушеніе всего зданія процесса. Если онъ вамъ не любъ, то не іезуитствуйте: имѣйте мужество прямо разломать его. Замѣните его прежнимъ письменнымъ, замѣните, чѣмъ угодно, но не ловите насъ перспективой, поломавъ кое что, сохранить въ прежней силѣ остальное, нетронутое. Задавшись подобной мыслью, какъ не подумали вы, что формы процессуальнаго права, установленные наукой и опытомъ опередившихъ насъ націй, созданы не для дворянина, купца, мѣщанина, крестьянина, военнослужащаго въ отдѣльности, а для человѣка вообще, кѣмъ бы онъ ни былъ до привлеченія его въ храмъ правосудія, что никакія требованія и условія житейской обстановки не могутъ вліять на абсолютную истину, которою установляются процессуальныя формы; какъ забыли вы, что и унасъ, никогда до сихъ поръ не существовало въ дѣлѣ суда, не одинаковости процессуальныхъ формъ. Было время: общій судъ былъ построенъ на ревизіонныхъ началахъ. На тѣхъ же началахъ построенъ былъ и военный. Въ общегражданскомъ преобладали письменность и безгласность. Тѣ же свойства отличали и военный. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ, подвѣдомыхъ полевымъ судамъ, военный судъ былъ обставленъ даже либеральнѣе обще-гражданскаго. Какъ же вы хотите теперь, зря, безъ малѣйшаго повода вернуться вспять, а что своими преобразованіями вы не идете впередъ,—вы сами сознаете. Какъ не додумались вы до той простой истины, что военнослужащій можетъ сохранять свое особенное званіе и нести сопряженныя съ нимъ спеціальныя обязанности лишь до той поры, пока, говоря техническимъ языкомъ, онъ не перечисленъ за судомъ. Съ той же поры онъ уже не военно-служащій. Онъ человѣкъ, ожидающій справедливаго рѣшенія его участи, а тѣ,

отъ которыхъ зависитъ это рѣшеніе, какую бы тогу они ни носили, представляются жрецами одного и того же храма, не имѣющими права, кромѣ указаній совѣсти, сообразовать свои дѣйствія съ какими либо иными, подсказываемыми имъ извнѣ!.. Но недомысліе въ этомъ отношеніи или заблужденіе посягающихъ на современную организацію военнаго суда, во имя какихъ то мифическихъ призраковъ, дѣйствующихъ на ихъ воображеніе, является тѣмъ болѣе недозволительнымъ, что они хотятъ скрыть свои побужденія и недостатки путемъ удостовѣреній совершенно неправильныхъ, чтобы не сказать сильнѣе. Дѣйствительно, кого изъ знающихъ военно-судебную практику они морочатъ заявленіемъ, напримѣръ, о томъ, что безграничное право вызова свидѣтелей, предоставленное сторонамъ, замедляетъ судоотправленіе, что за неявкой свидѣтелей, за частую, приходится откладывать засѣданіе. Прокурору, дѣйствительно, предоставлено неограниченное право вызова свидѣтелей, ну, а подсудимые съ ихъ защитниками, лишенные средствъ вызывать свидѣтелей на свой счетъ,—съ ними судъ не церемонится. Взгляните на практику Главнаго Военнаго Суда: много ли вы найдете случаевъ жалобъ на неправильную отсрочку засѣданій, за то какое обиліе протестовъ и жалобъ на то, что судъ, не смотря на просьбы обѣихъ сторонъ, продолжалъ судебное засѣданіе въ ущербъ справедливости; а это потому, что наши военные судьи гораздо склоннѣе стѣснять, чѣмъ щадить, разрѣзать узелъ, чѣмъ развязывать. Мы уже упоминали о ложности возведенія въ принципъ того факта, что нижній чинъ, отказываясь отъ защитника, пользуется своими правами, чтобы входить въ пререканія. Недоумѣваемъ, откуда могли взяться въ средѣ нижнихъ чиновъ подобные Ирландцы. Напротивъ, всякому, кому случалось только быть на военномъ судѣ, приходилось выходить съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, на столько обстановка суда, какъ скоро дѣло идетъ о нижнемъ чинѣ, поражаетъ своею черствостью и сухостью. Связанный и на судѣ путами дисциплины, присутствіемъ тутъ и тамъ эполетъ, эполетъ, и эполетъ, обязанный въ теченіи двухъ или трехчасоваго разбирательства *стоять* на вытяжкѣ,

поворачиваясь то къ одному, то къ другому вопрошающему, затерявшись въ лабиринтѣ совершенно незнакомыхъ и чуждыхъ ему формъ, вынужденный выслушивать съ одной стороны вопросы, задаваемые въ непривычной его слуху и пониманію формѣ, обязанный выслушивать отъ занимающаго прокурское мѣсто цѣлые потоки брани,—подсудимый изъ нижнихъ чиновъ всегда намъ представлялся звѣремъ, посаженнымъ въ клѣтку, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, лишеннымъ средствъ защиты и обязаннымъ тѣмъ не менѣе быть на сторожѣ. Одна выстойка этотъ остатокъ средневѣковой пытки—чего стоитъ! Съ какой болью сердца приходилось намъ всегда читать въ рѣшеніяхъ Главнаго Военнаго Суда стереотипную фразу: хотя нарушеніе и было допущено, но такъ-какъ, по поводу его, ни со стороны подсудимаго, ни со стороны защитника не послѣдовало на судѣ заявленій, то... Подсудимый то изъ нижнихъ чиновъ, полуграматный, можетъ знать формы процесса на столько, чтобы, въ случаѣ нарушенія ихъ, протестовать тотчасъ же, и протестовать передъ начальствомъ. Воображаемъ себѣ, какъ приметъ подобный протестъ председательствующій. Но намъ укажутъ на защитниковъ. Помилосердуйте, подсудимому защитника навязываютъ, въ лицѣ его все таки является чиновникъ, съ которымъ по душѣ не переговоришь. Защитники берутся за день, иногда за два, за три часа до засѣданія. Онъ неуспѣетъ ознакомиться ни съ дѣломъ, ни съ личностью подсудимаго. А каково положеніе защитника на судѣ: онъ подчиненъ или председательствующему, или прокурору. Если между председательствующимъ и прокуроромъ контры, не сдобровать защитнику. Его оборветъ или та, или другая сторона, и оборветъ то въ виду подсудимаго. А за спиной, можетъ быть, потеря службы.

Но самый тяжелый, въ нашихъ глазахъ, моментъ процесса тотъ, когда подсудимому-нижнему чину предлагаютъ сказать последнее слово. Испуганно смотритъ онъ на председателя, мнется... не виновать, ваше превосходительство! вотъ и все, что онъ пробормочетъ.

И послѣ этого имѣютъ смѣлость выставлять подсудимыхъ-

нижнихъ чиновъ какими то сорванцами, ставящими судъ въ неловкое положеніе. Много ли такихъ найдется и между оберъ-офицерами? Что касается удостовѣренія, что прокуроры и защитники злоупотребляютъ правомъ протеста и жалобы, что кассаціонное производство задерживаетъ судоотправленіе, [1]) то въ опроверженіе этихъ доводовъ, нами приведены довольно вѣскія доказательства, свидѣтельствующія, что и въ этомъ отношеніи разрушители не преминули нарушить истину.

Чѣмъ досадили этимъ господамъ эксперты,—мы не понимаемъ. По многимъ ли дѣламъ они призываются, а если даже и по многимъ, то велико ли ихъ вознагражденіе? Хотя экспертиза предъ судомъ составляетъ вообще больное мѣсто нашего процесса, но во 1) она ни къ чему не обязываетъ судей, во 2) можно ли принудить судей довольствоваться показаніями экспертовъ, записанными на предварительномъ слѣдствіи. Вѣдь имъ приходится судить, а чтобы судить, надо составить, себѣ

---

[1]) Гг. разрушителямъ, если только они достаточно ознакомлены съ судебной практикой, не худо бы было обратить вниманіе на то, что весьма много протестовъ вызывается тѣмъ, что, при составленіи приговоровъ, гг. судьи допускаютъ непростительныя ошибки, свидѣтельствующія не только о не знаніи разъясненій Главнаго Военнаго Суда почти что азбучныхъ, но даже и требованій закона. Сколько, напримѣръ, подается протестовъ на то, что судъ, присуждая въ арестантскія роты, не постановляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ указанной въ законѣ замѣны. Однимъ изъ способовъ къ пресѣченію подобнаго рода протестовъ было бы болѣе строгое отношеніе къ Гг. судьямъ, такъ-какъ, допуская подобныя ошибки, они, до очевидности, доказываютъ свое небрежное отношеніе къ дѣлу. Но, кромѣ того, почему бы въ подобныхъ случаяхъ не допустить, чтобы прокуроры, получивъ къ исполненію подобный приговоръ, входили въ судъ съ предложеніемъ о дополненіи его, при чемъ подобные случаи разсматривались бы коллегіально, въ распорядительномъ засѣданіи. О каждомъ подобномъ случаѣ можно, пожалуй, доносить Главному Военному Суду. Предлагаемый нами способъ былъ бы все таки лучше кореннаго уничтоженія кассаціоннаго производства и признанія за судомъ права покрывать погрѣшности своихъ сотоварищей. Наконецъ, по отношенію къ кассаціоннымъ жалобамъ, мы допускаемъ еще возможность обращенія приговора къ исполненію, коль скоро въ жалобѣ упоминается лишь о не виновности или о смягченіи наказанія, но жалоба все таки должна быть отправлена въ Главный Судъ такъ-какъ весьма часто ему приходится, и независимо отъ жалобы, усматривать нарушеніе формъ, хотя и не вліяющее на приговоръ, но тѣмъ не менѣе требующее предупрежденія на будущее время. Что же касается тѣхъ жалобъ и протестовъ, въ которыхъ указывается на нарушеніе формъ, то какъ бы ни были ничтожны эти нарушенія, подобныя жалобы и протесты не могутъ быть скрываемы отъ Главнаго Военнаго Суда.

какое либо твердое убѣжденіе, а никакое письменное заключеніе не приведетъ къ этому результату.

Вообще, что наиболѣе поражаетъ въ замыслахъ разрушителей—это крайняя нелогичность стремленій. Забывая совершенно объ интересахъ справедливости, о подсудимомъ, выдвигая на первый планъ единственно интересы военной службы, они хотятъ расширить власть суда до того, что ему же предоставляютъ право разсматривать кассаціонныя жалобы и протесты, [1]) охранять соблюденіе закона, что судьямъ предполагается дать право не мотивировать своихъ приговоровъ, [2]) въ особенности по дѣламъ, не поступающимъ на разсмотрѣніе Главнаго Военнаго Суда, а вѣдь подобныхъ дѣлъ большинство, въ то же время они стараются стѣснить тѣхъ же судей въ свободѣ изысканія истины и выработкѣ того внутренняго убѣжденія, на

[1]) Нѣчто подобное существуетъ и теперь для военнаго времени, но судьей правильности или неправильности поданныхъ жалобъ или протестовъ представляется не судъ, а Главнокомандующій, т. е. лице, не заинтересованное въ закрытіи промаховъ суда. Кромѣ того, дѣла подобнаго рода представляются для провѣрки въ Главный Военный Судъ, а на сколько подобная провѣрка можетъ быть существенна, мы имѣемъ доказательство въ практикѣ Главнаго Военно-Морскаго Суда. Но къ чему же изъятіе, оправдываемое особенностями военнаго времени, обращать въ законъ и для мирнаго, нормальнаго времени, тѣмъ болѣе, что въ особенныхъ случаяхъ и въ теченіи его, т. е. мирнаго времени, воинскіе начальники въ правѣ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ.

[2]) Что побуждаетъ Гг. разрушителей нападать на точное изложеніе приговоровъ, мы рѣшительно не понимаемъ. Законъ (с. 845 и 855) обязываетъ означить въ приговорѣ: 1) годъ, мѣсяцъ и число судебнаго засѣданія, 2) составъ присутствія, 3) званіе, имя отчество, фамилія или прозвище и лѣта подсудимаго или подсудимыхъ, 4) предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ и жалобѣ и выяснившіеся въ заключительныхъ преніяхъ, 5) соображенія суда по предметамъ, относящимся до примѣненія законовъ (а не до заключенія о винѣ или невинности) и 6) подробное изложеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора (того же самаго требуетъ и ст. 788 и 797 общ. суд. уст. съ тою разницею, что въ гражданскіе приговоры включается соображеніе не о примѣненіи закона, а по предмету обвиненія, причемъ послѣднее сопоставляется съ представленными доказательствами и уликами, а равно и съ законами). Желательно бы было знать: какая именно изъ указанныхъ въ законѣ составныхъ частей приговора признается излишней. Военные суды вообще не склонны къ многословію на письмѣ. Но уже если говорить о сокращеніяхъ въ изложеніи приговоровъ, то отнюдь не по тѣмъ дѣламъ, которыя не восходятъ на разсмотрѣніе Главнаго Военнаго Суда, такъ-какъ съ допущеніемъ произвольныхъ сокращеній въ приговорѣ потеряется всякая нить къ провѣркѣ правильности дѣйствій суда и къ возобновленію дѣлъ.

которомъ должно быть основано ихъ окончательное заключеніе?

На сколько добросовѣстно дѣйствуютъ вообще разрушители, можно видѣть изъ того, что въ числѣ предполагаемыхъ мѣръ, они указываютъ и на предстоящее предоставленіе суду права не вызывать свидѣтелей изъ отдаленныхъ мѣстностей, но развѣ это право не существуетъ и теперь? [1]) Что касается ограниченія правъ сторонъ на вызовъ свидѣтелей, даже въ численномъ отношеніи (выраженіе, котораго мы совсѣмъ не понимаемъ: неужели будетъ составлена табель для опредѣленія числа свидѣтелей) то противъ ограниченія правъ прокурора въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ ничего возразить, такъ-какъ предоставленная нынѣ обвинительной сторонѣ,

---

[1]) По В. С. Уст. (ст. 743 и 528) законными причинами неявки къ слѣдствію, какъ предварительному, такъ и судебному, признаются 1) лишеніе свободы, 2) прекращеніе сообщеній во время заразы, нашествія непріятеля, необыкновеннаго разлитія рѣкъ и другихъ, тому подобныхъ непреодолимыхъ препятствій, 3) внезапное разореніе отъ несчастнаго случая, 4) болѣзнь, 5) смерть или тяжкая, грозящая смертью, болѣзнь родителей, жены и дѣтей, 6) спеціально для военнослужащихъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, въ военное время, усмотрѣніе начальства и 7) отдаленность мѣстопребыванія (тѣ же самыя причины перечислены въ ст. 388 и 612 общ. суд. уст., съ тою лишь разницей, что въ послѣднемъ пунктѣ добавлено, какъ признакъ отдаленности мѣстопребыванія, проживаніе въ другомъ судебномъ округѣ, каковой добавки въ ст. 743. В. С. Уст. не сдѣлано; но это упущеніе дополнено на практикѣ неоднократными разъясненіями Главнаго Военнаго Суда, такъ что практикуется военными судами неограниченно. Преобразователи В. С. Уст., указывая на отдаленность мѣстопребыванія, можетъ быть, предполагаютъ сдѣлать измѣненіе въ томъ отношеніи, чтобы снять съ суда обязанность посылать вызовъ подобнымъ свидѣтелямъ, такъ-какъ право неявки на судъ, признаваемое за ними при настоящемъ порядкѣ, не освобождаетъ судъ отъ вызова подобнаго свидѣтеля по требованію прокурора *безусловно*, а по требованію подсудимаго,—если показаніе подобнаго свидѣтеля *существенно*. Но разъ оно существенно, можно ли обойтись безъ вызова? Это значитъ лишить подсудимаго права на защиту, а судъ возможности постановить правильный приговоръ, не попытавшись избѣгнуть этого послѣдствія. Вообще, если трогать постановленія о вызовѣ свидѣтелей, то можетъ возникнуть другой вопросъ, который мы рекомендуемъ вниманію Гг. разрушителей. Для чего вообще вызывать свидѣтелей? Показанія спрошенныхъ при слѣдствіи заключаются въ дѣлѣ. Наиболѣе существенныя вносятся въ обвинительный актъ, подсудимый ихъ знаетъ, защитникъ обязанъ съ ними познакомиться по дѣлу, а судьи, буде не удовольствуются обвинительнымъ актомъ, могутъ ознакомиться съ ними въ совѣщательной комнатѣ. Какъ бы это упростило судебное слѣдствіе и ускорило судопроизводство! Подумайте, господа, объ этомъ способѣ.

въ силу двойственности характера ея представителя, безконтрольность въ вызовѣ свидѣтелей существенно подрываетъ равноправность и ведетъ къ скандаламъ, [1]) но отсюда не слѣдуетъ, чтобы можно было безконтрольно читать на судѣ показанія не вызванныхъ свидѣтелей. Вообще надо замѣтить, что Гг. разрушители, придавая таковое особенное значеніе нѣкоторымъ формамъ, упустили изъ виду, что значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ виду условій жизни, значительно пошатнулось рѣшеніями Сената и Главнаго Военнаго Суда. При такомъ положеніи дѣла, было бы весьма естественно, если бы покушающіеся на подобныя формы, вмѣсто голословнаго обвиненія ихъ, а тѣмъ болѣе ссылки на особенныя условія военной службы, никого не убѣждающія, поставили вопросъ такъ: разъ обязательность такой то формы въ исполненіи поколеблена 16 лѣтней судебной практикой, не пришло ли время разъясненіямъ въ этомъ смыслѣ дать силу закона. Тогда, можетъ быть, и пришлось бы согласиться, что нѣкоторыя формы, суровость которыхъ одинаково отзывается и на подсудимомъ, и на судѣ, подлежать или отмѣнѣ, или подлежащему измѣненію. Но для постановки въ подобномъ видѣ вопроса надо бы было поработать, разобрать судебную практику, откинуть въ ней все, что оказывается имѣющимъ случайное происхожденіе и т, д.; но къ подобной работѣ мы не склонны. Гораздо легче написать обвинительную записку, смѣшавъ въ ней правду и неправду, о судить огуломъ все, что не нравится, и почеркомъ пера, какъ

---

[1]) Къ подобнымъ скандаламъ мы относимъ неоднократные случаи, встрѣчавшіеся въ судебной практикѣ—вызовъ свидѣтеля, при чемъ на судѣ оказывается, что онъ и не былъ спрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, а потому и читать нечего. Къ подобнымъ же скандаламъ мы относимъ недавній случай. На судъ является свидѣтель. Помощникъ Прокурора отказывается отъ спроса его. «Но вѣдь онъ вами же вызванъ, спрашиваетъ судъ». «Да, но показаніе его несущественно».—«Зачѣмъ же вы его вызывали?» Да я включилъ его въ списокъ по ошибкѣ.—«Охота же вамъ не провѣрить его». Не правда ли, прелестная полемика! На дѣлѣ она отразилась тѣмъ, что издержки по вызову не спрошеннаго свидѣтеля судъ постановилъ возложить на помощника прокурора. Тотъ протестуетъ. Судъ отговаривается тѣмъ, что въ силу закона, онъ не въ правѣ отказывать прокурору. «Ну, а если онъ потребуетъ чего нибудь явно противу-законнаго?» спрашиваетъ Главный Военный Судъ. Не правда ли, красивая картинка халатности отношеній въ столь важномъ дѣлѣ!

топоромъ, обрубить все, кажущееся не пригоднымъ. А что въ результатѣ получится лишь обрубокъ, какое же намъ дѣло? Намъ лишь осуществить замѣтную мечту (какую,—мы покажемъ ниже), исполнить данное приказаніе. Исполнять изуродованное намъ не придется, мы уйдемъ на иное поприще дѣятельности, а въ военно-судебномъ пусть apres nous le deluge!

. О замѣчаніяхъ, сгруппированныхъ составителемъ октябрьской замѣтки подъ вторую рубрику, какъ касающихся финансовой стороны дѣла, мы бы могли и не упоминать, въ виду сказаннаго выше относительно границъ, въ которыя слѣдуетъ включить соображенія этого рода по отношенію къ судоустройству. Но составитель октябрьской замѣтки идетъ далѣе слышаннаго нами по этому поводу. Его вниманіе обращается не на персоналъ судебнаго вѣдомства, а на тѣ издержки, которыя, при существующихъ началахъ судоотправленія, сопровождаютъ оное и отзываются болѣе или менѣе крупными суммами на государственномъ бюджетѣ. Къ подобнымъ издержкамъ относится вызовъ свидѣтелей, экспертовъ и т. д. Такъ какъ военно судебное вѣдомство имѣетъ преимущественно дѣло съ нижними чинами, съ которыхъ, какъ говорится, взятки гладки, то весьма естественно, что большую часть этого рода издержекъ приходится казнѣ принимать на себя. По этому то, разсуждаетъ составитель замѣтки, упрощеніе формъ судоотправленія и, главное, ограниченіе правъ сторонъ на вызовъ свидѣтелей, безусловно необходимо столько же въ интересахъ судоотправленія, сколько въ интересѣ сокращенія издержекъ казны. Еще бы! скажемъ мы. Прежній военный судъ, письменный и инквизиціонный, почти ничего не стоилъ казнѣ. Отчего бы прямо и откровенно не возстановить его. Это бы было гораздо проще погони за идеаломъ, который едва ли достигнется. Такъ, по отчетности Министерства Юстиціи за 1875 годъ, видно, что, при разсмотрѣніи въ судебныхъ инстанціяхъ 6 округовъ 23749 дѣлъ, было вызвано свидѣтелей 151065, экспертовъ 2684. Этого драгоцѣннаго свѣдѣнія отчеты по военно-судебному вѣдомству не включаютъ, а такъ какъ составитель замѣтки въ свою очередь не подѣлился съ нами свѣдѣніями о томъ, до

какой суммы доходятъ подобнаго рода издержки въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, то, вынужденные блуждать въ потемкахъ, мы тѣмъ не менѣе, не отвергая, что сумма подобныхъ издержекъ должна быть кругленькая, дозволимъ себѣ замѣтить во 1) что, хотя стороны и несомнѣнно злоупотребляютъ принадлежащимъ имъ правомъ вызова свидѣтелей, что составляетъ больное мѣсто не только военнаго суда, но и обще-гражданскаго, тѣмъ не менѣе, ни одинъ рьяный врагъ новыхъ началъ судоотправленія не направлялъ своихъ доводовъ исключительно на это больное мѣсто, понимая очень хорошо, что на какихъ бы началахъ ни было основано судоотправленіе, цѣлью его представляется достиженіе *правды*, а для этой цѣли нельзя жалѣть издержекъ. Военно-судебному вѣдомству принадлежитъ въ этомъ отношеніи весьма почетная инициатива, и во 2) что, путемъ справедливыхъ мѣръ, воздѣйствовать на это обстоятельство нельзя, произволъ же нестерпимый, въ какой бы формѣ и съ чьей бы стороны онъ ни проявлялся будетъ еще менѣе выносимымъ, если онъ исходитъ отъ суда. Да и выиграетъ ли самъ судъ отъ предоставленія ему неограниченнаго права стѣснять въ этомъ отношеніи требованія сторонъ? Не увеличится ли число оправдательныхъ приговоровъ въ ущербъ даже дисциплинѣ, которую такъ оберегаютъ? Правда, что поколебавъ основныя начала, можно будетъ, не стѣсняясь, подобрать такой персоналъ военныхъ судей, что имъ только пригрози пальцемъ, они составятъ и подпишутъ любой приговоръ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ оставлять подобіе судебнаго слѣдствія? Безъ него дѣла пойдутъ еще скорѣе, лучше, и судъ обойдется еще дешевле.

Выше мы недоумѣвали, что означаетъ со стороны составителя замѣтки намекъ на число свидѣтелей. Мы готовы были отнести это указаніе на одну изъ недомолвокъ, которыми такъ испещрена октябрьская замѣтка; но, увы, приходится придти къ другому убѣжденію, судя по тому, что составитель замѣтки съ апломбомъ, распространяется о томъ, какъ было бы хорошо, если бы стороны были поставлены въ такое положеніе, чтобы, вмѣсто 20 свидѣтелей, представляющихся по дѣлу, они въ

правѣ были вызывать лишь 5, да и то вблизи живущихъ. Что это, грубая насмѣшка или серьезный аргументъ? Серьезнымъ мы его почесть не можемъ, въ виду хотя бы того, что при равноправности сторонъ и невозможности раздробить свидѣтеля на доли, при составленіи табели, придется принять другое четное отношеніе, а такъ какъ въ дѣло замѣшивается порою частный интересъ, то цифру, которая бы свободно дѣлилась на три.

Еще курьезнѣе доводы, сгруппированные подъ 3 рубрику; она озаглавлена, какъ припомнятъ читатели,—нѣкоторыя законоположенія, недостаточно выясненныя военно судебнымъ уставомъ. Вы думаете, что вамъ укажутъ, если не всѣ подобныя законоположенія, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія, хотя въ существѣ, сталкиваясь съ подобнымъ аргументомъ, вы невольно впадаете въ недоразумѣніе: о какихъ подобныхъ законоположеніяхъ можетъ идти рѣчь? Если они существенны, то, конечно, въ теченіи 16 лѣтъ, встрѣчались на практикѣ, а потому не могли не остаться не разъясненными. Если же они не встрѣчались на практикѣ, то естественно, что они не существенны, а потому ссылка на нихъ представляется плодомъ измышленій, совершенно суетныхъ, вызываемыхъ цѣлью подкопаться подъ В. С. Уст. Знай, молъ, нашихъ!

Но составитель замѣтки не балуетъ читателя. Онъ и въ этомъ отношеніи лаконичень. Онъ останавливается на 679 и 681 статьяхъ, предоставляющихъ прокурору, какъ представителю закона, неограниченное право вызова свидѣтелей, и на 719 и 731 статьяхъ, нарушающихъ будто бы равноправность сторонъ въ томъ, что прокуроръ можетъ по всякому спору его съ защитникомъ дать заключеніе, въ качествѣ представителя закона, причемъ повторять доводы, только что приведенные, въ качествѣ представителя обвиненія, защитникъ же этого не можетъ. Относительно ст. 679 и 681 мы уже высказали свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что конечно, было бы желательно, въ видахъ уравновѣшенія сторонъ, ограничить право прокурора въ вызовѣ свидѣтелей, тѣмъ болѣе, что на судѣ не можетъ быть и рѣчи о предоставленіи кому

бы то ни было *неограниченныхъ* правъ. Но, что касается ссылки на 719 и 731 ст., то мы рѣшительно недоумѣваемъ: въ чемъ, при точномъ исполненіи этихъ статей, нарушается равноправность. Дѣйствительно, на судѣ есть нѣкоторыя процессуальныя дѣйствія, которыя могутъ быть предпринимаемы не прежде выслушанія заключенія прокурора, но дѣйствія сами по себѣ побочныя, придаточныя, не имѣющія, да и не могущія имѣть прямаго вліянія на судьбу подсудимаго. Такъ, напримѣръ, вопросъ о законности или незаконности неявки свидѣтеля, послѣдствіемъ котораго является оштрафованіе или не оштрафованіе свидѣтеля. Въ чемъ тутъ интересъ подсудимаго? Если неявившійся свидѣтель ему нуженъ, онъ не лишается права ходатайствовать передъ судомъ о повтореніи вызова, а слѣдовательно, объ отсрочкѣ засѣданія, и по этому вопросу прокуроръ даетъ заключеніе, какъ сторона. По поводу тѣхъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя, такъ сказать, выдѣлены изъ права обсужденія сторонъ, можетъ ли возникнуть какой либо споръ между ними? А если таковые споры на практикѣ бываютъ, то они объясняются неумѣлостью предсѣдателя, т. е. такимъ обстоятельствомъ, котораго не предупредишь опредѣленіями закона. Да и, наконецъ, въ чьихъ интересахъ стѣснить въ этомъ отношеніи прокурора? Исключительно суда, который подобныя процессуальныя сомнѣнія будетъ рѣшать собственной властью. Въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ дѣло и составитель замѣтки.

„Вообще, говоритъ онъ, за прокурорскимъ надзоромъ до„статочно бы было оставить (какая вдругъ скромность!) на„блюденіе за быстрымъ (только?) производствомъ предваритель„наго слѣдствія, отправленіе *какъ можно скорѣе* (помилосер„дуйте!) своего заключенія къ военнымъ начальникамъ и по „полученіи ихъ согласія внесенія дѣла *неотлагательно* (чи„стые курьезы!) въ судебномъ засѣданіи быть лишь стороной „обвинительной, доказывающей виновность (?) подсудимаго и „указывающею на ту статью закона, которою предусмотрѣно „содѣянное преступленіе, (а примѣненіе закона о наказаніи?) „быть блюстителемъ казеннаго интереса, а по рѣшеніи дѣла

„имѣть наблюденіе за приведеніемъ приговора въ исполненіе". (какъ позабыли прибавить по этому поводу: *скорѣйшимъ*, *быстрѣйшимъ* и т. д.).

„Представителемъ же закона, охранителемъ его, равно, „какъ и интересовъ военной службы и военнаго начальства, „долженъ быть *его* предсѣдатель (чей? закона или военной „службы?) юристъ".

Мы нарочно выписали буквально эту цитату. Спросимъ безпристрастнѣйшаго изъ нашихъ читателей,—не дышетъ ли она всѣмъ пыломъ воинской отваги не только строеваго офицера, но даже фельдъегеря старой школы? Послѣднимъ что было нужно: быстрота, безотлагательность; разъ, два, три—и комедія, именуемая судомъ надъ живымъ человѣкомъ, должна быть разыграна! Какую милую картину суда рисуетъ намъ нашъ фельдъегерь! Прокуроръ, силящійся доказать исключительно виновность подсудимаго и имѣющій право ссылаться лишь на одну статью закона,—о другихъ молчокъ! Передъ нимъ предсѣдательствующій (смѣемъ думать, что дѣло идетъ не о предсѣдателѣ суда [1]), а о предсѣдательствующемъ во время судебнаго засѣданія), который, въ силу того, что онъ юристъ, долженъ одновременно и постановить приговоръ, единственно по совѣсти и убѣжденію, и охранить законъ, мало того, интересы

---

[1]) Волей неволей приходится намъ обратить вниманіе благосклонныхъ читателей на *внѣшнюю* форму, въ которую облечены записки, замѣтки, гласныя и не гласныя, сопровождающія задуманную реформу. Какъ ни ограничивали мы выписки изъ напечатаннаго, но, съ внѣшней даже точки зрѣнія, могутъ ли онѣ выдержать самую снисходительную критику? Что ни строка, то недомолвка! Апрѣльскую замѣтку редакціи Военнаго Сборника пришлось сопроводить подстрочными замѣтками, свидѣтельствующими о степени знанія лицъ, толкующихъ, напримѣръ, о французскомъ судоустройствѣ. И подобнымъ, небрежнымъ, чтобы не сказать сильнѣе, способомъ редактируются объяснительныя записки къ законодательному акту, долженствующему имѣть значеніе первостепенной важности! Но, скажутъ намъ, въ данномъ случаѣ нельзя быть требовательнымъ: анализируемая нами замѣтка не имѣетъ значенія пояснительной записки: она предназначена лишь для печати. Къ тому же она составлена на скоро. Но развѣ можно съ подобными не зрѣлыми твореніями являться на судъ читающей публики, къ тому же въ качествѣ оффиціальныхъ дѣятелей? Что же касается скорости, то вольно же гнать по фельдъегерски!!

военной службы и военнаго начальства: это судья то? Красиво! а если припомнить вышесказанное о томъ, что этотъ же судья будетъ имѣть право класть подъ сукно жалобы и протесты противъ допущенныхъ имъ нарушеній формъ (подобные протесты, конечно, сами собой прекратятся), то невольно придется ожидать въ результатѣ, что забытая или забывшаяся въ теченіи 16 лѣтъ поговорка: бойся не суда, а судьи, — получитъ значеніе, какъ встарь, въ дореформенной Руси.

Препріятная перспектива! Чѣмъ скажите, преобразователи, съ которыми мы имѣемъ дѣло, отличаются отъ тѣхъ, сдѣлавшихся „притчей во языцѣхъ“, поручиковъ и подпоручиковъ, подвизающихся на поприщѣ театральной реформы!

Намъ остается перейти къ 4 рубрикѣ замѣчаній, касающихся полковыхъ судовъ, а такъ какъ составитель октябрьской замѣтки ограничивается ссылкой въ этомъ отношеніи съ одной стороны на апрѣльскую замѣтку, а съ другой—на высказанное имъ прежде мнѣніе по этому предмету, не поясняя, гдѣ и когда это мнѣніе заявлено, то остается единственный исходъ—обратиться къ апрѣльской замѣткѣ. Но послѣдняя трактуетъ не объ однихъ полковыхъ судахъ, но и объ военно-окружныхъ. Мало того, она знакомитъ съ проектомъ новаго судопроизводства. Естественно возникаетъ вопросъ: какой характеръ имѣетъ эта замѣтка, оффиціальный или совершенно частный. Съ одной стороны какъ будто оффиціальный, при чемъ впечатлѣніе ея гораздо цѣлостнѣе, съ другой стороны, условность выраженій, въ особенности, при выводѣ положительныхъ заключеній, и приведенная выше оговорка, включенная въ октябрьскую замѣтку, содѣлываетъ ее оффиціальной лишь въ той мѣрѣ, въ какой она относится до полковыхъ судовъ. Придадимъ ей и мы тотъ же характеръ, что не помѣшаетъ намъ анализировать замѣтку, и въ качествѣ частнаго мнѣнія.

Съ точки зрѣнія оффиціальной, замѣтка эта ограничивается критикой настоящаго устройства полковыхъ судовъ, критикой, подъ которой мы бы не задумались подписать свою фамилію. Составитель замѣтки не признаетъ за полковыми судами никакого *серьезнаго значенія* (подлинныя слова), онъ нападаетъ

на подчиненное положеніе этихъ судовъ [1]), на отсутствіе защиты, на небрежность дѣлопроизводства, зависящую отъ недостаточной подготовленности судей и т. д. Тѣмъ не менѣе, признавая полковые суды удобными въ томъ отношеніи, что они приближаютъ правосудіе къ войскамъ, составитель замѣтки думаетъ, что всѣ недостатки ихъ могли бы быть устранены

во 1) предоставленіемъ утвержденія приговоровъ не командирамъ частей, при которыхъ существуютъ суды, а бригаднымъ командирамъ;

во 2) допущеніемъ въ полковыхъ судахъ обвиненія и защиты, но лишь въ формѣ письменныхъ заявленій для избѣжанія рѣчей и судоговоренія, при чемъ допускается даже *личное участіе защиты* въ лицѣ ближайшаго начальства (?);

въ 3) допущеніемъ участія въ полковыхъ судахъ нижнихъ чиновъ не въ числѣ судей или защитниковъ, а въ качествѣ экспертовъ, свѣдущихъ въ знаніи (это сопоставленіе свѣдѣній и знаній—превосходно) подробностей солдатскаго быта, и какъ *обязательныхъ свидѣтелей отправленія правосудія* (превосходно!)

въ 4) установленіемъ назначенія членовъ и защитниковъ (?) по возможности смѣшаннаго состава отъ разныхъ частей, а не отъ роты или баталіона, къ коимъ принадлежитъ подсудимый;

въ 5) децентрализаціей прокурорскаго надзора, при чемъ допускается возможность распредѣленія его по слѣдственнымъ камерамъ. При подобныхъ улучшеніяхъ, по мнѣнію составителя замѣтки, сдѣлается возможнымъ расширить подсудность полковыхъ судовъ [2]).

---

[1]) На одной изъ предыдущихъ страницъ, въ подстрочномъ замѣчаніи мы указывали уже на внѣшніе недостатки изложенія замѣтокъ и записокъ, вызванныхъ реформой. Не можемъ воздержаться, чтобъ не привести слѣдующаго замѣчательнаго примѣра ясности и точности изложенія апрѣльской замѣтки. Въ числѣ слабыхъ сторонъ полковыхъ судовъ указывается на то, что суды эти «представляютъ обвиняемому «недостаточно данныхъ для безпристрастнаго рѣшенія дѣла». Да развѣ обвиняемый рѣшаетъ дѣло?

[2]) Въ этомъ отношеніи между апрѣльской и октябрьской замѣтками есть нѣкоторое противорѣчіе: апрѣльская предвидитъ возможность передачи сужденію полковыхъ судовъ и тѣхъ нарушеній, которыя караются отдачей въ дисциплинарные баталіоны; октябрьская же говоритъ лишь о тѣхъ преступленіяхъ, за которыя опредѣ-

Читая подобныя мнѣнія, выраженныя съ неподражаемымъ апломбомъ, невольно изумляешься: серьезные это доводы или комическая выходка? Съ одной стороны погудка на старый ладъ, стремленіе къ возстановленію письменнаго производства во всей его красотѣ, съ другой—либеральныя тенденціи, доведенныя до допущенія на судъ экспертовъ изъ нижнихъ чиновъ, преимущественно унтеръ-офицеровъ, которые будутъ засѣдать съ исключительною цѣлью гарантировать правильность отправленія правосудія. Хороши эксперты, за спиной которыхъ, при малѣйшемъ противорѣчіи, будетъ стоять карцеръ, а, можетъ быть, что-нибудь и хуже. Съ одной стороны сознаніе неудовлетворительности полковыхъ судовъ, съ другой — расширеніе ихъ подсудности!

Считая лично полковые суды однимъ изъ темныхъ пятенъ нынѣ дѣйствующаго Военнымъ Судомъ Уст. и исходя изъ того

ляются двоякія взысканія, т. е. содержаніе въ военной тюрьмѣ, или переводъ въ дисциплинарные баталіоны. Послѣднее предположеніе имѣетъ нѣкоторое основаніе въ нижеслѣдующихъ соображеніяхъ. Если карательный законъ за извѣстное преступленіе назначаетъ два наказанія: одно—менѣе, другое—болѣе строгое, то, само собой разумѣется, выборъ наказанія обусловливается внѣшней и внутренней обстановкой преступленія, разъяснить каковую, хотя и обязанъ полковой судъ, но начальникъ, передающій въ оный дѣло, не можетъ быть лишенъ, какъ говорятъ, нѣкотораго права, самой передачей дѣла въ полковой судъ, высказать, что онъ не видитъ въ немъ ничего такого, чтобы обусловливало примѣненіе высшаго наказанія; а такъ какъ полковой судъ пользуется правомъ отказаться отъ рѣшенія дѣла, если оно оказывается ему не подсуднымъ, то, по мнѣнію тѣхъ же комментаторовъ; подобной передачей дѣлъ нисколько не нарушается ни принципъ подсудности, ни интересы подсудимаго. Мы, въ этомъ отношеніи держимся противуположнаго мнѣнія, находя, что начальникъ подобной передачей дѣла связываетъ судъ какъ бы указывая ему заранѣе на степень наказуемости противузаконнаго дѣянія, а какъ подобное стѣсненіе суда не должно быть допускаемо, то передача дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, въ полковые суды представляется распоряженіемъ, *по существу неправильнымъ*, но разъ оно состоялось, судъ разсмотрѣлъ дѣло и не нашелъ нужнымъ прибѣгать къ высшему наказанію, нѣтъ законнаго основанія считать неправильную передачу дѣла въ полковой судъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора, а слѣдовательно, къ возбужденію дѣла вновь, въ порядкѣ возобновленія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, сколько намъ извѣстно, и состоялось рѣшеніе Главнаго Военнаго Суда; но, отъ возможности подобнаго разъясненія до отмѣны принципіальнаго правила о подсудности слишкомъ далеко. Что касается расширенія подсудности полковыхъ судовъ до предѣла, указаннаго въ апрѣльской замѣткѣ, то при настоящемъ неудовлетворительномъ устройствѣ полковыхъ судовъ, о подобномъ расширеніи не можетъ быть и рѣчи.

убѣжденія, что горбатаго исправитъ только могила, изрѣченія, одинаково примѣняющаго и къ человѣческимъ учрежденіямъ, въ виду предстоящаго намъ впереди болѣе подробнаго анализа полковыхъ судовъ, какъ учрежденія, мы дозволимъ себѣ не входить въ подробное разсмотрѣніе указанныхъ усовершенствованій, слишкомъ ребяческихъ, чтобы на нихъ останавливаться.

Въ качествѣ частной замѣтки, апрѣльская во 1) обвиняетъ военно-окружные суды въ томъ, что они слишкомъ удалены отъ мѣста совершенія преступленія, что не устраняется временными выѣздами, во 2) относительно личнаго состава судовъ поясняетъ, что настоящій составъ временныхъ членовъ оказывается неудовлетворительнымъ потому, что, по недостаточной подготовленности, они слишкомъ подпадаютъ подъ вліяніе юристовъ, при чемъ, въ качествѣ временныхъ членовъ, рекомендуется приготовить *всѣхъ строевыхъ чиновъ* (обратите вниманіе), подходящихъ подъ установленный *призъ* (?), въ 3) относительно военныхъ слѣдователей проводитъ ту мысль, что они составляютъ роскошь при *обыкновенныхъ* дѣлахъ, дѣла же обще уголовныя, какъ напримѣръ, кражи могли бы быть обслѣдуемы судебными слѣдователями (еще бы: легко валить съ больной головы на здоровую), что какъ бы ни хорошо было ввести французское судоустройство, но наша *военно - судная* система „не можетъ быть преобразована на началахъ, не имѣющихъ „ничего общаго съ пріемами отправленія въ нашихъ обще-„гражданскихъ судахъ“. Составитель замѣтки рекомендуетъ слѣдующее судоустройство въ нормальное, т. е. мирное время, *полковые* суды для нижнихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ маловажныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы преданіе суду зависѣло отъ начальника части, а утвержденіе приговора было предоставлено бригаднымъ командирамъ, буде же утвержденіе не послѣдуетъ, дѣла эти должны разсматриваться въ аппелляціонномъ порядкѣ.

Корпусные суды, вѣдающіе дѣла объ офицерахъ и болѣе важныхъ преступленіяхъ нижнихъ чиновъ съ предоставленіемъ этимъ судамъ права окончательныхъ приговоровъ съ обжалованіемъ ихъ въ кассаціонномъ порядкѣ и

Окружные суды, вѣдающіе, чтобы вы думали? — дѣла апелляціонныя (на полковые суды), сосредоточивающіе у себя военно-судную отчетность по всему военному округу и дѣлопроизводство, относящееся до личнаго состава чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, пребывающихъ въ раіонѣ военнаго округа:

Если, прибавляетъ составитель замѣтки, учрежденіе корпусныхъ судовъ будетъ признано излишнимъ, то можно ограничиться полковыми и окружными судами *вышесказаннаго типа* (какого?) Можно-ли договориться до подобной нелѣпости!

Вглядитесь въ предполагаемое судоустройство: вмѣсто двухъ степеней суда появятся *три*. Какъ же согласить съ этимъ судоустройствомъ горячія заботы о сокращеніи издержекъ казны? Если полковые суды ничего не стоятъ теперь, то не предполагается ли и корпусные устроить точно также, такъ сказать, на шарамыжку. Какую благодарную роль создаютъ окружнымъ судамъ: они будутъ, изволите ли видѣть, въ качествѣ суда, разсматривать дѣла полковыхъ судовъ въ апелляціонномъ порядкѣ, [1]), и въ качествѣ канцелярій сосредоточивать и разрабатывать отчетность и инспекторскую часть. Остается только апплодировать новымъ геніямъ и пожалѣть, что пропагандируя корпусные суды, они не заглянули первоначально въ труды составителей В. С. Уст., они бы нашли въ нихъ довольно вѣскіе доводы и противъ дивизіонныхъ, а, слѣдовательно, и противъ корпусныхъ судовъ, сила каковыхъ доводовъ увеличивается еще тѣмъ, что при настоящемъ расположеніи корпусныхъ квартиръ, пришлось бы въ Петербургѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Тифлисѣ учредить по два корпусныхъ и по одному окружному суду, въ Вильнѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Казани—по одному корпусному и одному окружному, да по одному корпусному въ Ригѣ, Минскѣ, Севастополѣ, Орлѣ, Житомірѣ, Люблинѣ, всего же, вмѣсто 8 судовъ,-28, причемъ однако, правосудіе далеко не приблизилось бы къ мѣсту совершенія преступленій, такъ-какъ въ пункты подобныхъ Ар-

---

[1]) Въ настоящее время подобныхъ дѣлъ поступаетъ въ Окружный судъ отъ 80 до 100 въ годъ.

хангельску, Перми, Саратову, Оренбургу, Астрахани и многимъ другимъ, пришлось бы всетаки выѣзжать временнымъ отдѣленiямъ судовъ.

Иныхъ возраженiй едва-ли и заслуживаетъ рекомендуемый планъ, а за тѣмъ, апрѣльская замѣтка падаетъ сама собой.

Мы уже говорили, что въ негласной запискѣ проводилось еще нѣсколько частныхъ мѣропрiятiй, въ ней говорилось а) объ ограниченiи числа случаевъ *производства слѣдствiй* б) о *возвышенiи* ценза для *временныхъ судей*, в) о *децентрализацiи прокурорскаго надзора*.

Апрѣльская замѣтка разъясняетъ основанiя этихъ мѣропрiятiй, на сколько убѣдительно, пусть судитъ читатель, мы же считаемъ себя въ правѣ замѣтить слѣдующее:

1) въ военномъ вѣдомствѣ и теперь допущенъ не выдерживающiй никакой критики, съ точки зрѣнiя строгаго права, принципъ, по которому, въ случаѣ явныхъ служебныхъ нарушенiй, дозволяется предавать суду по дознанiямъ. Принципъ этотъ оказывается еще болѣе уродливымъ, потому, что въ числѣ служебныхъ преступленiй, совершаемыхъ явно, есть и такiя, которыя караются высшими уголовными наказанiями. Если этотъ принципъ допущенъ по необходимости, то распространять его значенiе не представляется никакихъ разумныхъ основанiй. Хотя составитель апрѣльской замѣтки, сумѣвшiй слить въ себѣ и высшiя либеральныя, и худшiя ретроградныя воззрѣнiя, и ловитъ насъ въ этомъ отношенiи тѣмъ, что вѣдь предварительное слѣдствiе должно давать лишь абрисъ судебному; но во 1) благодаря предварительному слѣдствiю; не мало дѣлъ не поступаетъ въ судъ, во 2) служа матерьяломъ для судебнаго слѣдствiя предварительное должно быть произведено не только *знающимъ*, но вмѣстѣ *самостоятельнымъ* лицомъ. Дайте эту самостоятельность слѣдователю, смотрите на него, какъ на *члена суда*, и слѣдствiя пойдутъ *быстрѣе*, а въ судъ будетъ поступать гораздо менѣе рискованныхъ и даже приводящихъ въ негодованiе дѣлъ. Такимъ образомъ, всякое улучшенiе *слѣдственной* части будетъ клониться не въ ущербъ, а въ пользу суда. Что касается строевыхъ офицеровъ, то неза-

вненмо отъ отсутствія самостоятельности въ нихъ юридическихъ знаній и т. д., а послѣднее повлечетъ за собою еще большую необходимость въ дополненіи слѣдствій, мы и теперь жалуемся на недостатокъ офицеровъ въ арміи для выполненія прямыхъ обязанностей. Какъ же вы будете отвлекать ихъ отъ строевой службы слѣдственной дѣятельностью? Выйдетъ что нибудь одно: или начальникъ части, въ ущербъ достоинству слѣдствій, будетъ поручать ихъ то одному, то другому офицеру, вслѣдствіе чего ни тотъ, ни другой не пріобрѣтутъ опытности, а если на оборотъ, они воспользуются случаемъ, чтобы валить всѣ слѣдствія на неудачниковъ въ строевомъ отношеніи, то вы обремените казну содержаніемъ полсотни, если не болѣе, совершенно безполезныхъ лицъ. Говорить серьозно о гражданскихъ слѣдователяхъ не представляется основанія, такъ какъ во 1) они и безъ того обременены дѣлами, слѣдовательно быстроты слѣдствій вы не достигнете, во 2) мало заинтересованные въ успѣхѣ дѣлъ, порученныхъ имъ военнымъ начальствомъ, въ особенности, коль скоро, по свойству дѣла, имъ очевидно, что дѣло должно идти въ военный судъ, гражданскіе слѣдователи будутъ производить ихъ медленнымъ и неудовлетворительнымъ способомъ, и въ 3) допуская, что гражданскимъ слѣдователямъ можетъ быть предоставлено право производить слѣдствія даже по преступленіямъ, совершеннымъ въ казармахъ, вы допустите волка въ овчарню, такъ-какъ многое, что можно скрыть при теперешнемъ порядкѣ слѣдствій, выплыветъ наружу, не всегда въ угоду военному начальству, не говоря уже о томъ, что сдѣлается невозможнымъ халатное отношеніе къ требованіямъ гражданскихъ слѣдователей.

2) Относительно возвышенія ценза временныхъ судей—возражать мы бы не стали, но какой цензъ вы возвысите? Слѣдовало бы юридическій, для того, чтобы постоянные судьи изъ юристовъ не имѣли преобладающаго вліянія. Но какими способами возвысите вы юридическій цензъ въ рядахъ арміи? Если наконецъ слово *цензъ* вы употребляете какъ красное словцо, сами не отдавая себѣ отчета въ его значеніи и подъ понятіемъ возвышенія ценза подразумѣваете только большую

авторитетность временныхъ судей, то существующій законъ къ достиженію этой цѣли вамъ не препятствуетъ. Исполняйте его какъ слѣдуетъ, и цѣль достигнется. 3) Децентрализація прокурорскаго надзора за полковыми судами, извращая существенно самый принципъ учрежденія ихъ, будетъ крайней роскошью, такъ-какъ, будутъ ли расположены помощники прокурора по бригаднымъ или дивизіоннымъ штабамъ, придется содержать двойной комплектъ помощниковъ: одному прокурору не справиться съ дѣлами, поступающими къ нему на заключеніе. Надзоръ за слѣдователями прокуроровъ слѣдуетъ по возможности сократить, предоставивъ этотъ надзоръ суду. Наконецъ, если вы предполагаете на децентрализованныхъ помощниковъ прокурора возложить и дачу заключеній по дѣламъ, къ нимъ поступающимъ отъ военныхъ начальниковъ, т. е. эманципировать ихъ отъ вліянія прокурора, при этомъ только одномъ условіи децентрализація могла бы имѣть смыслъ,—то, при настоящемъ составѣ помощниковъ прокуроровъ, вы, если и достигнете цѣли, то въ ущербъ дѣлу, а обновить составъ помощниковъ прокуровъ въ скоромъ времени вамъ не удастся.

Такимъ образомъ всѣ три мѣропріятія оказываются или не подходящими по существу, или не выполнимыми на практикѣ, или предполагающими практическіе результаты совершенно не тѣ, которыхъ думаютъ достигнуть.

Въ не гласной запискѣ остаются неразъясненными, для насъ по крайней мѣрѣ, слѣдующія два мѣропріятія, предложенныя или предположенныя:

1) предоставленіе Главнымъ Начальникамъ военныхъ округовъ надзора за судами и лицами военно-судебнаго вѣдомства. Если въ основѣ этого предположенія не кроется другаго, замаскированнаго и заключающагося въ посягательствѣ на самостоятельность военныхъ судовъ вообще, мы отказываемся рѣшительно понять цѣль предлагаемой мѣры. Въ первой главѣ нашего труда мы уже говорили, что извѣстную власть надзора и даже дисциплинарной власти командующіе войсками въ округахъ имѣютъ и теперь надъ военно-судебными чинами. Положимъ, этотъ надзоръ и власть не распространяются на случаи нарушенія судейскихъ обязанностей, но, развѣ коман-

дующіе войсками лишены возможности и теперь, замѣтивъ подобныя нарушенія, предупредить ихъ заблаговременно сношеніемъ съ тѣми лицами и учрежденіями, которымъ принадлежитъ по закону право пресѣченія подобныхъ нарушеній, а въ крайнихъ случаяхъ, съ Военнымъ Министромъ, какъ главнымъ начальникомъ военно-судебнаго вѣдомства. Можно-ли допустить, чтобы не только Военный Министръ, но даже посредничествующія инстанціи оставили подобныя указанія безъ соотвѣтственнаго исполненія? Что касается надзора за судами, то, понимая его въ смыслѣ *не прокурорскаго* (подобная функція дѣятельности едва ли бы соотвѣтствовала положенію командующихъ войсками), а *ревизіоннаго*, т. е. въ правѣ удостовѣриться во всякое время въ правильности и успѣшности дѣятельности судовъ и отдѣльныхъ лицъ судебной корпораціи, мы прежде всего должны усумниться въ цѣлесообразности этой мѣры, потому что въ теченіи 16 лѣтней дѣятельности военныхъ судовъ, если исключить нѣкоторыя слѣдственныя камеры, не предстояло никакого повода къ назначенію подобныхъ ревизій, на столько и личный характеръ дѣятелей, и существующія нынѣ формы надзора оказывались достигающими цѣли. Не много выиграетъ достоинство командующихъ войсками, если будетъ признано за ними право ревизовать слѣдственныя камеры? Но за тѣмъ возникаетъ вопросъ: кагого же рода ревизія можетъ быть возложена на командующихъ войсками: *внѣшняя ли по формѣ* или *внутренняя* по существу производства. О первой нечего и распространяться: на столько бы она не соотвѣтствовали достоинству командующимъ войсками. Ко всѣмъ этимъ доводамъ мы дозволимъ себѣ присовокупить и тотъ, что при настоящей обстановкѣ все военно судебное вѣдомство подчинено не только лично, но и по существу своей дѣятельности, Военному Министру. Спрашивается, чѣмъ же доказано, что этотъ *сосредоточенный* надзоръ неудобенъ, раздѣленіе же его, разрушая существенную основу дѣйствительности надзора—*единство*, привело бы скорѣе къ вреднымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ сферѣ судебной дѣятельности, болѣе, чѣмъ въ какой либо другой, можетъ оказать разрушающее вліяніе обиліе ня-

12*

некъ. Тотъ же аргументъ, что Главные начальники войскъ въ округахъ, отвѣтствуя передъ Государемъ Императоромъ за благосостояніе ввѣренныхъ имъ войскъ и за правильной, сообразной съ законами, дѣятельностью установленныхъ для сего лицъ и учрежденій, не могутъ быть отстранены отъ отвѣтственнаго надзора и за дѣйствіями военныхъ судовъ, представляющихся такими же спеціальными учрежденіями, отстраняется во 1) достаточно обезпечивающимъ въ этомъ отношеніи подчиненіемъ судебныхъ учрежденій Военному Министру и во 2) неотъемлемымъ правомъ, принадлежащимъ и нынѣ Главнымъ Начальникамъ военныхъ округовъ, не только довести до свѣдѣнія Военнаго Министра о замѣченныхъ безпорядкахъ въ военно судебномъ вѣдомствѣ, но, въ экстренныхъ случаяхъ, правомъ непосредственнаго принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ возстановленію порядка.

Мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что военно-судебное вѣдомство на столько усвоило себѣ извѣстныя преданія, что въ принятіи по отношенію къ нему подобныхъ экстренныхъ мѣръ не встрѣтитъ никогда надобности. Думать иначе,— значило бы наносить тяжелое и совершенно безосновательное оскорбленіе цѣлой корпораціи людей, не опозорившихъ себя на столько, чтобы ихъ можно было заподозрѣвать въ возможности намѣреннаго уклоненія отъ исполненія возложенныхъ на нихъ священныхъ обязанностей. Не мѣшало бы проводящимъ подобнаго рода опасенія помнить, что усиленіе и отягченіе надзора, въ большинствѣ случаевъ, приводитъ къ діаметрально противоположнымъ результатамъ, дезорганизируя часть, опорой благосостоянія которой должно служить сознаніе собственной отвѣтственности передъ совѣстью и закономъ.

во 2) *публичность постановки вопросовъ и участіе въ этой процедурѣ сторонъ.* Мы положительно недоумѣваемъ, какія соображенія могли привести къ сознанію необходимости этой мѣры.

Предложеніе сія ставитъ въ тѣмъ большее недоразумѣніе, что параллельно ей—предлагается уничтожить болѣе существенныя гарантіи судопроизводства, въ видахъ поднятія автори-

тета судовъ и на оборотъ, стѣсненія сторонъ на судебномъ слѣдствіи.

Какъ же согласить подобныя противорѣчащія воззрѣнія на существующій процессъ? Постановка вопросовъ, какъ процессуальная мѣра, имѣетъ громадное значеніе передъ судомъ присяжныхъ, причемъ необходимо имѣть въ виду, что, удаляясь въ совѣщательную комнату, кромѣ листа, заключающаго въ себѣ предложенные судомъ вопросы, да личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ судебнаго слѣдствія, присяжные не имѣютъ никакого другаго матеріала для составленія окончательнаго убѣжденія. Поэтому весьма понятно, что точная, правильная выработка вопросовъ для нихъ представляется существенной необходимостью. Малѣйшая сбивчивость въ изложеніи признаковъ, малѣйшая неточность въ этомъ отношеніи можетъ повлечь за собою или постановленіе ошибочнаго приговора, или обращеніе присяжныхъ къ суду за разъясненіями, что колеблетъ авторитетъ суда. Совершенно въ иномъ положеніи находятся судьи—юристы и не юристы, какъ скоро имъ приходится рѣшать одновременно вопросъ и о фактѣ, и о виновности, и о примѣненіи закона о наказаніи. Хотя же общій судебный уставъ и возлагаетъ на судей юристовъ обязанность, передъ удаленіемъ въ совѣщательную комнату, огласить вопросы, которые онѣ предлагаютъ разрѣшить, но эта форма, являясь какъ бы логическимъ или симметрическимъ послѣдствіемъ общепринятаго для суда съ присяжными засѣдателями порядка, далеко не совмѣщаетъ въ себѣ той важности, которую имѣетъ постановка вопросовъ передъ присяжными. Это доказывается и кассаціонной практикой Сената, такъ какъ въ массѣ рѣшеній коими разъяснялся обрядъ постановки вопросовъ, мы найдемъ весьма мало относящихся непосредственно къ случаямъ, возбуждавшимся по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Участіе сторонъ въ постановкѣ вопросовъ, какъ доказываетъ поясненіе къ 762 ст. общ. гражд. уст., вызывается столько же общимъ принципомъ, по которому, направленіе дѣла, во время судебнаго слѣдствія, принадлежитъ преимущественно сторонамъ, столько же и въ видахъ предупреж-

денія протестовъ и жалобъ, которые, какъ бы онѣ ни были основательны, колеблютъ авторитетъ рѣшенія присяжныхъ, а подобныхъ случаевъ законодатель желалъ избѣжать по возможности. Совершенно въ иномъ смыслѣ представляется обрядъ постановки вопросовъ передъ военнымъ судомъ, присутствіе коего составляется въ большинствѣ случаевъ изъ одного судьи юриста и временныхъ членовъ. Предположеніе о распространеніи и на это присутствіе сложнаго порядка, установленнаго въ общихъ судебныхъ мѣстахъ для дѣлъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, было въ виду составителей проекта военно-судебнаго устава и Комитета, разсматривающаго его въ высшей инстанціи, въ которой оно было поддержано Министромъ Юстиціи, но Коммиссія, разработывавшая проектъ, и Комитетъ признали болѣе удобнымъ руководствоваться въ томъ отношеніи французскимъ военно-уголовнымъ кодексомъ, въ виду того соображенія, что большинство членовъ въ военныхъ судахъ принадлежитъ не юристамъ, а офицерамъ, командируемымъ отъ войскъ, „кои, не имѣя возможности слѣдить за всѣми тонкостями юридической науки“, естественно не будутъ въ состояніи быть судьями тѣхъ сложныхъ пререканій, которыя могутъ возникнуть при постановкѣ вопросовъ, а потому власть окончательнаго рѣшенія этихъ пререканій перейдетъ къ предсѣдателю юристу, а разъ этотъ результатъ представляется неизбѣжнымъ, то оказывалось предпочтительнымъ предоставить постановку вопросовъ исключительно предсѣдателю, и при томъ, не публично, а въ совѣщательной комнатѣ, въ виду того, что вопросы эти представляются способомъ соглашенія мнѣній, а письменное ихъ изложеніе необходимо въ качествѣ единственнаго формальнаго акта, коимъ оглашается происходившее въ совѣщательной комнатѣ. При публичномъ постановленіи вопросовъ, было бы немыслимо признаніе за судомъ права заглядывать *въ самое дѣло*, форма, которая, хотя и не вполнѣ соотвѣтствуетъ условію устнаго суда и отчасти разбиваетъ значеніе судебнаго слѣдствія, тѣмъ не менѣе представляется существенно необходимой при настоящемъ составѣ суда, и даже обстановкѣ сторонъ на судѣ. Усвоить, удержать все

происходившее на судебномъ слѣдствіи, если и легко пріобыкшему къ веденію ихъ юристу, то не такъ легко для временныхъ судей. Публичной постановкѣ вопросовъ неминуемо должно предшествовать резюме предсѣдателя, но уже если, въ числѣ гражданскихъ юристовъ, находится весьма немного лицъ, справляющихся съ этой задачей, то много ли ихъ найдется въ средѣ военныхъ юристовъ. А такъ какъ надѣяться на скорое, по крайней мѣрѣ, обновленіе личнаго состава военныхъ судовъ, и при предполагаемомъ возвышеніи ценза временныхъ судей, представляется невозможнымъ, то предположенная мѣра, независимо отъ усложненія дѣла и безцѣльности, поведетъ лишь къ нескончаемому пререканію сторонъ исключительно съ предсѣдателемъ, между тѣмъ новаторы стараются избѣжать ихъ и въ болѣе важныхъ моментахъ процесса, и къ такой ломкѣ, водворившейся и усвоенной въ теченіи 16 лѣтъ практики, которая отзовется самыми неблагопріятными послѣдствіями по отношенію къ скорости и правильности судоотправленія. Иное дѣло было бы, если бы вопросъ о примѣненіи закона о наказаніи былъ поставляемъ при участіи сторонъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи временные судьи стоятъ въ особенно щекотливомъ положеніи къ предсѣдательствующему. Эта мѣра была бы полезна уже по одному тому, что вопросъ этотъ, возникая уже послѣ рѣшенія дѣла по существу, значительно бы сократилъ число тѣхъ случаевъ, когда оправдательные приговоры вызываются исключительно соображеніемъ тяжести наказанія. Наконецъ эта процессуальная форма представляется чисто *юридической работой*, въ которой временные члены помочь судьѣ не могутъ, участіе же сторонъ значительно бы облегчило предсѣдательствующаго. Прямымъ послѣдствіемъ этой мѣры, если бы и было нѣкоторое замедленіе процесса, то оно сократило бы значительно протесты, а кромѣ того, отбило бы прокуроровъ отъ излюбленной ими привычки, не ограничиваясь одной ссылкой на законъ о наказаніи, цитировать его буквально: намъ случалось не разъ, присутствуя на судебныхъ засѣданіяхъ военныхъ судовъ, видѣть, какое потрясающее впечатлѣніе производятъ подобныя цитаты на временныхъ судей, причемъ

мы бы могли привести не мало примѣровъ, что цѣль, къ которой стремятся прокуроры, не достигалась, такъ какъ, выслушавъ подобное предупрежденіе, судьи въ большинствѣ случаевъ выносили оправдательный приговоръ. При предлагаемой нами мѣрѣ, признаніе виновности, заключеніе объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, смягченіи наказанія и т. д. внушали бы къ себѣ болѣе довѣрія, а затѣмъ, процедура примѣненія закона о наказаніи облегчилась бы на столько, на сколько она облегчается при постановленіи приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Остается въ негласной запискѣ еще одно указанное ею мѣропріятіе, заключающееся въ необходимости *измѣненій дисциплинарной отвѣтственности*. Хотя, въ принципѣ, спеціально по отношенію къ слѣдователямъ, мы и не отвергаемъ возможности и справедливости нѣсколько иной обстановки въ порядкѣ возбужденія дисциплинарной отвѣтственности, тѣмъ не менѣе, при отсутствіи даже намека, въ чемъ именно находятъ новаторы существующую систему неудовлетворительной, мы считаемъ невозможнымъ высказываться ни pro, ни contra этого предположенія.

Мы не считаемъ возможнымъ умолчать еще объ одномъ соображеніи, приводимомъ безъ всякаго комментированія въ негласной запискѣ и возбуждающемъ въ насъ, относительно мотивовъ его, крайнее недоразумѣніе. Дѣло идетъ о предоставленіи военнымъ начальникамъ исключительнаго права принятія такъ называемыхъ мѣръ пресѣченія. Это предположеніе удивляетъ насъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Мѣры пресѣченія, по общему началу пріемлются или при самомъ возбужденіи дѣла, или при производствѣ слѣдствія, или при постановленіи окончательнаго заключенія о преданіи суду, или, наконецъ, судомъ при постановленіи приговора, при чемъ оправдательный приговоръ имѣетъ неминуемымъ послѣдствіемъ освобожденіе подсудимаго изъ-подъ стражи, если онъ состоялъ подъ таковой. Особенный бытъ военно-служащихъ и невозможность примѣненія къ подслѣдственнымъ изъ нихъ лицамъ ни отобранія вида, ни денежнаго залога, привелъ къ необходимости установить для нихъ три лишь мѣры пресѣченія: содержа-

ніе подъ стражей, домашній арестъ и отдача подъ ближайшій надзоръ начальства, при чемъ первыя двѣ мѣры обязательны, коль скоро военно-служащій обвиняется въ побѣгѣ. Мы имѣли уже случай указывать на ст. 548 по 553 В. С. Уст. и, по буквальному смыслу ихъ убѣдиться, что во 1) при назначеніи дознанія или слѣдствія, военный начальникъ самъ опредѣляетъ и мѣру пресѣченія, при чемъ если исключить специальное преступленіе — побѣги, онъ руководствуется въ этомъ случаѣ исключительно своими соображеніями, основанными на большей или меньшей вѣроятности въ томъ: уклонится или не уклонится отъ слѣдствія и суда подозрѣваемый. Важность обвиненія, сила уликъ въ этомъ отношеніи не играютъ никакой роли; не можетъ, въ глазахъ начальника, имѣть значеніе и другое соображеніе относительно того, можетъ ли заподозрѣнный, оставаясь на свободѣ, злоупотребить ею, въ смыслѣ ли сокрытія слѣдовъ преступленія, стачки съ соучастниками и т. д. въ ущербъ ходу слѣдствія. Передъ начальникомъ человѣкъ, лично ему извѣстный. Внушаетъ онъ извѣстнаго рода довѣріе, онъ оставляетъ его на свободѣ, не внушаетъ,—сажаетъ въ карцеръ, нѣтъ въ его вѣденіи свободныхъ карцеровъ, отправляетъ на гауптвахту или въ тюрьму. Стѣснить въ этомъ отношеніи право начальника невозможно, такъ какъ оставленіе заподозрѣннаго подъ надзоромъ начальства въ сущности равносильно отдачѣ на поруки, а можно ли, и при отсутствіи въ законѣ ясно очерченной отвѣтственности поручителей, принуждать кого либо къ дачѣ подобнаго обязательства. Это соображеніе пріобрѣтаетъ особенный смыслъ въ виду того, что содержаніе подъ стражей, въ военномъ быту, играетъ громадное значеніе, такъ какъ побѣгъ изъ-подъ стражи или изъ-подъ ареста, вопреки началамъ общаго права, составляетъ въ военной службѣ преступленіе [1]), а въ виду этого начальникъ,

[1]) По Уложенію о Наказ. Угол. и Испр. (ст. 312) бѣгущій изъ-подъ стражи не только до окончанія надъ нимъ слѣдствія и суда, но и при исполненіи надъ нимъ прежде состоявшагося приговора, по поимкѣ, заключается въ отдѣльномъ уединенномъ мѣстѣ, съ принятіемъ относительно его лишь болѣе строгихъ, закономъ дозволенныхъ, мѣръ предосторожности. Единственнымъ неблагопріятнымъ для него послѣдствіемъ

принявшій на свою отвѣтственность оставленіе подсудимаго подъ надзоромъ, въ случаѣ побѣга его, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, хотя бы по 433 ст. Уложенія. Такимъ образомъ, право въ этомъ отношеніи начальника, отяготить участь заподозрѣваемаго, хотя бы подобное распоряженіе сопровождалось очевидной несообразностью съ виной и ущербомъ для казны, представляется совершенно безконтрольнымъ. 2) Производитель дознанія, если онъ военно-служащій, въ силу начала подчиненности, можетъ усилить или облегчить принятую начальникомъ мѣру пресѣченія, единственно съ согласія начальника, буде же дознаніе производится полиціей, и тогда, когда она производитъ его по порученію начальства, и тогда, когда приступаетъ къ нему по непосредственному усмотрѣнію (ст. 257 общ. суд. уст.), при чемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, пользуется правомъ задержанія подозрѣваемаго лица, по отношенію къ военно-служащимъ, она руководствуется тѣми же правами, какія обязательны для судебныхъ слѣдователей (ст. 259 тѣхъ же уставовъ), а послѣдніе, хотя, въ силу общихъ судебныхъ уставовъ, и не стѣснены при принятіи мѣръ пресѣченія относительно военно-служащихъ, покрайней мѣрѣ, ни въ В. С. Уст., ни въ общихъ, категорическаго указанія на подобныя стѣсненія нѣтъ, тѣмъ не менѣе избрать мѣру пресѣченія они могутъ лишь въ предѣлахъ, указанныхъ 549 ст. В. С. Уст., слѣдовательно, если они могутъ безпрепятственно приложить высшую мѣру пресѣченія (т. е. содержаніе подъ стра-

представляется то, что, буде онъ содержался, въ силу состоявшагося объ немъ прежде приговора, срокъ заключенія исчисляется не со дня предварительнаго заарестованія, но со дня доставленія его снова въ мѣсто заключенія. Для послѣдственнаго побѣгъ изъ подъ стражи можетъ быть отнесенъ, да и то не буквально, подъ п. 10 ст. 129 Уложенія (объ увеличивающихъ виновность обстоятельствахъ). Побѣгъ чиновника, совершившаго растрату, видоизмѣняетъ наказаніе, обращая таковое изъ исправительнаго въ уголовное. По В. С. Уст. о Нак., ст. 133, побѣгъ изъ-подъ стражи или изъ-подъ ареста, даже подслѣдственнаго, представляется, вообще увеличивающимъ обстоятельствомъ, дающимъ право суду возвысить нормальное опредѣленное за побѣгъ наказаніе одной или двумя степенями, а въ частности, въ силу разъясненій Главнаго Военнаго Суда, можетъ быть подведенъ подъ неисполненіе приказанія или неповиновеніе, слѣдовательно, отозваться на участи обвиняемаго, въ силу принципа совокупности преступленій.

жей или подъ арестомъ), то приложеніе низшей будетъ все-таки въ зависимости отъ усмотрѣнія начальника, который можетъ огозваться, что онъ не принимаетъ на себя отвѣтственности за оставленіе подсудимаго исключительно подъ надзоромъ. 3) По отношенію къ военнымъ слѣдователямъ ст. 553 В. С. Уст. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ во 1) что, въ преступленіи побѣга, опредѣлить самостоятельно мѣру пресѣченія онъ не можетъ, 2) по отношенію къ прочимъ преступленіямъ права его ограничиваются сообщеніемъ начальнику, что участь привлеченнаго къ слѣдствію могла бы быть облегчена, да и то лишь въ томъ случаѣ, если слѣдователь найдетъ, что по дѣлу не представляется достаточныхъ основаній къ подозрѣнію обвиняемаго въ возникшемъ на него обвиненіи, т. е. лишь тогда, когда слѣдователь направляетъ дѣло къ прекращенію. Хотя же ст. 553 и допускаетъ возможность возникновенія пререканій въ подобномъ случаѣ и окончательнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ выставляетъ судъ, но, очевидно, что тутъ идетъ дѣло о чисто фиктивномъ правѣ. Начальникъ или согласится съ мнѣніемъ слѣдователя о прекращеніи слѣдствія, какъ бездоказательнаго, а слѣдовательно до полученія заключенія прокурора, освободитъ заподозрѣннаго или, сославшись на невозможность принять на свою отвѣтственность заподозрѣннаго, до постановленія окончательнаго заключенія о направленіи дѣла, отложитъ свое распоряженіе до представленія къ нему слѣдствія, и если направитъ дѣло въ судъ, то послѣдній будетъ поставленъ въ невозможность рѣшить вопросъ о содержаніи обвиняемаго самостоятельно, въ виду того, что подобное рѣшеніе имѣло бы характеръ насильственнаго воздѣйствія на начальника и, при томъ, по такому обстоятельству, судьей въ которомъ, какъ сказано нами выше, можетъ быть только начальникъ. Я не ручаюсь, чтобъ обвиняемый не бѣжалъ—напишетъ начальникъ, и никакой судъ не приметъ на свою отвѣтственность возразить на подобное заявленіе. 4) Относительно права прокурора, внося обвинительный актъ, распорядиться непосредственно измѣненіемъ пресѣченія, законъ умалчиваетъ по очень простой причинѣ: это дѣло начальника, за которое онъ и несетъ отвѣтственность.

Такимъ образомъ мы видимъ, что во все время предшествующаго постановленію приговора процесса, судьба обвиняемаго, по отношенію къ мѣрѣ содержанія, предоставлена непосредственному усмотрѣнію начальника, который въ этомъ отношеніи нестѣсненъ, да и не можетъ быть стѣсненъ тѣми мѣрками, какія установлены въ руководство слѣдователямъ, (ст. 415 по 432 общ. суд. уст.). Слѣдовательно, о дополненіи закона, въ смыслѣ расширенія власти начальника, не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ случая, чтобы со стороны слѣдователей и прокуроровъ, начальники въ этомъ случаѣ встрѣчали бы какое либо помѣшательство, скажемъ болѣе мы не знаемъ: былъ ли въ судахъ хоть одинъ случай возбужденія дѣлъ по 553 ст. Затѣмъ, если и встрѣчается надобность въ огражденіи правъ начальниковъ, то развѣ по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ, которые могутъ, въ ущербъ службѣ, злоупотреблять правомъ содержанія военно-служащихъ подъ стражей. Очень можетъ быть, что существовавшій порядокъ огражденія отъ подобныхъ посягательствъ на интересы службы, черезъ прокурора или прямой жалобой на слѣдователя, представляется затруднительнымъ, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ начальника, но при постановкѣ подобнымъ образомъ вопроса, очевидно, что онъ не имѣетъ прямого соотношенія къ В. С. Уст., а если сущность его заключается въ необходимости соотвѣтственнаго дополненія ст. 423 В. С. Уст. или другихъ, то в той мѣрѣ, въ какой непосредственнымъ послѣдствіемъ подобнаго дополненія представится необходимость тронуть общесудебный уставъ, онъ выходитъ изъ предѣловъ нашего обсужденія.

Остается передъ нами судъ, которому законъ и практика (Главнаго Военнаго Суда) предоставляютъ полное право самостоятельно указывать мѣры пресѣченія, но когда? въ моментъ постановленія приговора. До Главнаго Военнаго Суда, если и доходили подобнаго рода дѣла, то или по жалобамъ самихъ осужденныхъ, или по протестамъ прокуроровъ. Со стороны начальства, сколько помнится, было возбуждено лишь одно подобное дѣло, да и то имѣло основаніемъ непрактичность ука-

занной судомъ мѣры пресѣченія. И это весьма естественно: коль скоро постановляется приговоръ обвинительный и къ тому же влекущій или исправительное, или уголовное наказаніе, и подсудимый былъ подъ стражей, то, дѣйствуя въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 415 по 432 общ. суд. уст., судъ не нарушаетъ ни закона, ни правъ начальника. Если въ подобномъ случаѣ подсудимый былъ лишь подъ надзоромъ начальства, то постановленіе суда о взятіи его подъ стражу, въ той же мѣрѣ не можетъ нарушать правъ начальника, въ виду того, что съ момента постановленія подобнаго приговора, подсудимый, какъ подлежащій исключенію изъ военнаго вѣдомства, выходитъ изъ зависимости военнаго начальства. Возможность отмѣны приговора не играетъ въ этомъ отношеніи никакой роли. Представимъ себѣ другой случай: обвиняемый по тяжкому преступленію присуждается къ одному изъ тѣхъ наказаній, при которомъ онъ можетъ быть выпущенъ изъ подъ стражи, при чемъ, если судъ производится въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено и непосредственное начальство подсудимаго, судъ объ облегченія мѣръ пресѣченія сообщитъ этому начальству, въ противномъ случаѣ о подобномъ облегченіи будетъ извѣщено то начальство, въ вѣденіи котораго состоитъ подсудимый, какъ арестантъ. Но во 1) весьма рѣдки случаи, чтобы суды принимали подобныя мѣры до вступленія приговора въ окончательную законную силу, во 2) а если судъ и приметъ на себя подобную отвѣтственность, то, съ перенесеніемъ послѣдней съ лица начальника на судъ, какія соображенія могутъ вызвать протестъ начальника противъ подобной мѣры. Неисполнимость (можетъ быть предписано судомъ содержать подсудимаго подъ арестомъ, а при командѣ не найдется соотвѣтственнаго помѣщенія), но она дастъ поводъ къ возбужденію вопроса о затрудненіяхъ, представляющихся къ исполненію рѣшенія суда, т. е. чисто формальному, не затрогивающему нисколько самолюбія и достоинства начальника, тѣмъ болѣе, что по постановленіи судомъ приговора, невозможно же признать за начальникомъ право протеста, обусловивъ послѣдній и правомъ не подчиниться рѣшенію суда, продолжая тиранить человѣка. Это послѣднее

соображеніе пріобрѣтаетъ особенное значеніе при постановленіи оправдательнаго приговора. Лишить судъ права постановить немедленно заключеніе объ освобожденіи подсудимаго изъ подъ стражи, было бы посягательствомъ не только на священнѣйшее право суда, но даже на личность подсудимаго, какъ человѣка. Изъ за какихъ же соображеній будетъ допущено подобное посягательство? Не изъ за того ли, чтобы дать начальнику право такъ сказать отомстить подсудимому, я, молъ, тебя, подлеца, поморю; но много ли найдется теперь начальниковъ, которые были бы способны на подобную мѣру, а если и найдется десятокъ или два подобнаго рода отщепенцевъ, то можетъ ли законъ заикнуться даже о поддержаніи правъ подобныхъ личностей? Намъ могутъ возразить во 1) оправданный по одному дѣлу можетъ быть прикосновененъ къ другому, о которомъ суду неизвѣстно, и во 2) оправданіе по одному дѣлу не освобождаетъ оправданнаго отъ обязательной военной службы, а, слѣдовательно, отъ обязательнаго возвращенія его въ команду. Оба эти довода не имѣютъ никакой силы, первый потому, что если не судъ, то прокуроръ долженъ быть извѣщенъ о прикосновенности подсудимаго къ другому дѣлу, второй потому, что торжественное провозглашеніе на судѣ освобожденія изъ подъ стражи подсудимаго по дѣлу, по которому онъ судится, не лишаетъ возможности начальство, въ вѣденіи котораго онъ состоитъ, хотя бы временно, наблюдать за тѣмъ, чтобы онъ не уклонился отъ продолженія службы, для чего достаточно немедленнаго препровожденія его, не въ качествѣ арестанта, къ тому начальству, которому онъ подчиненъ. Если же исполненіе этой обязанности не мыслимо иначе, какъ посредствомъ арестованія оправданнаго, то это дѣло начальства и урегулированіе подобнаго порядка не имѣетъ никакого соотношенія къ военно судебному уставу.

Намъ остается въ заключеніе замѣтить, что при существующемъ нынѣ разграниченіи правъ военно-судебной и военно-тюремной властей, въ силу котораго и судьи и прокуроры лишены всякой возможности наблюдать за тюрьмами и, въ особенности, за правильностью и законностью содержанія въ нихъ людей,

права въ этомъ отношеніи начальства и теперь на столько велики и даже безконтрольны, что во 1) суды вынуждены, по крайней мѣрѣ, въ 6 изъ 10 приговоровъ, смягчающихъ наказуемость, указывать на продолжительность содержанія подъ стражей, какъ на основной мотивъ, а во 2) намъ достовѣрно извѣстно, что во многихъ округахъ Главные Начальники ихъ стараются всѣми силами удерживать въ законныхъ предѣлахъ излишнюю ревность военныхъ начальниковъ къ содержанію людей подъ стражей, поясняя имъ, что и въ случаѣ обвиненія въ побѣгѣ, они могутъ смягчать мѣру пресѣченія, если находятъ къ тому основательныя причины; а такъ какъ судъ, въ силу вышеизложеннаго, лишенъ возможности влiять на эту функцію дѣятельности начальства, то едва ли представляется основаніе расширять права начальниковъ въ ущербъ суду.

За доказательствами ходить не далеко. Намъ дадутъ ихъ слѣдующія цифры; въ то время, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ у судебныхъ слѣдователей, при 103640 прикосновенныхъ къ слѣдствіямъ въ 1875 году, высшая мѣра пресѣченія (содержаніе подъ стражей) примѣнена была къ 20482 лицамъ, т. е. къ одному изъ 5,06 привлеченныхъ, въ военно-судебномъ вѣдомствѣ военными слѣдователями въ 1878 году производилось 8483 дѣла, къ коимъ прикосновенно было 10988 лицъ, изъ нихъ подъ стражей содержалось 5112 или не многимъ менѣе половины; въ 1879 году производилось 7654 дѣла съ 9675 прикосновенными, изъ которыхъ 4085 т. е. около 42% содержалось подъ стражей. Положимъ, что въ общемъ числѣ обслѣдуемыхъ преступленій было не менѣе $^1/_3$ дѣлъ о побѣгахъ, такъ что, при обязательномъ содержаніи обвиняемыхъ подъ стражей, приведенныя выше отношенія арестантскихъ къ не арестантскимъ дѣламъ вообще измѣнится и составитъ для 1878 года по 1 арестанту на $5^1/_2$ прикосновенныхъ, а въ 1879 году по 1 на 9,7 прикосновенныхъ, но во 1) въ числѣ обвиняемыхъ въ побѣгахъ заключаются и виновные въ самовольныхъ отлучкахъ, а во 2) на сколько не зависимо отъ того, содержаніе подъ стражей въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, какъ высшая мѣра пресѣченія, прилагается съ должнымъ уваженіемъ къ

личности обвиняемаго, можно видѣть изъ слѣдующей вѣдомости.

	Въ 1878 году арестант.	на свободѣ.	Въ 1879 году арестант.	на свободѣ.
Отъ предъидущаго отчетнаго года оставалось у слѣдователей	679	1272	1000	1754
Вступило въ теченіи года	4434	4554	3085	3836
	5112	5826	4086	5590
Въ окружныхъ судахъ оставалось	2125	1685	2276	1960
Вступило въ теченіи года	13379	5160	10658	6656
	15504	6845	12934	8616
Изъ рѣшенныхъ	13228	4885	11177	6677
	вообще	за побѣги	вообще	за побѣги.
Оправдано	1975	106	2205	108
Присуждено къ смертной казни	40	—	24	—
Къ каторжной работѣ въ рудникахъ	227	1	167	—
Въ крѣпостяхъ	73	—	75	—
На заводахъ	104	25	145	16
Ссылкѣ на поселеніе	197	197	211	169
На житье въ Сибирскія губерніи	15	1	19	—
Въ менѣе отдаленныя	6	—	9	2
Въ исправительн. отд. гражданскаго вѣдомства	1033	49	938	58
Въ рабочіе дома	210	2	215	5
Въ смирительный домъ	12	—	—	
Въ дисциплинарные батальоны	1340	544	1155	523
	3257	819	2958	773
Къ одиночному заключенію въ военныхъ тюрьмахъ	3710	1480	3823	1645
Къ менѣе важнымъ наказаніямъ	5355	1411	4960	1376
	14297	3816	13952	3902
	18113		17854	

Такимъ образомъ, если исключить изъ общаго числа содержавшихся подъ стражей обвинявшихся въ побѣгахъ въ 1878 г.— 3816 чел., а въ 1879 г.—3902, остается арестованныхъ въ

1878 г.—9412, въ 1879 г.—7275, между тѣмъ по роду обвиненій (включая и оправданныхъ) содержаться могли въ 1878 г.—5232, въ 1879 г.—5163, слѣдовательно, излишекъ оказывается для 1878 г.—4189 чел., для 1879 г.—2112, другими словами до 3 т. подсудимыхъ изъ 17½ тысячъ (почти 1 изъ 6) содержалось подъ стражей напрасно, а такъ какъ отъ 1879 г. на 1880 г. перешло всего арестантовъ у военныхъ слѣдователей 609, а за судами числилось 1757, всего же 2366, то, примѣняя тоже отношеніе, надо заключить, что до 400 человѣкъ изъ нихъ содержится подъ стражей лишь въ силу вышеуказанной невозможности примѣнить къ нимъ другія мѣры пресѣченія.

Если этотъ результатъ особенностей быта военно-служащихъ и военно-судебнаго процесса и можетъ обратить на себя вниманіе, то развѣ, въ смыслѣ расширенія власти суда, а отнюдь не начальниковъ.

Мы выполнили мало по малу принятую на себя задачу. Мы ознакомили читателей со всѣми бывшими у насъ матеріалами, прочитанными и подслушанными, гласными и не гласными, мы представили, на сколько могли, полную картину предуказываемыхъ недостатковъ военнаго Суда. Мы старались доводы, приводимые противъ суда, разобрать безпристрастно, основываясь, гдѣ нужно, на цифрахъ, гдѣ дозволяла возможность, на указаніяхъ практики, наконецъ, избѣгая излишнихъ увлеченій и мудрствованій лукавыхъ.

Какое же общее впечатлѣніе должны произвести на насъ, заинтересованныхъ въ упроченіи военнаго Суда, реформаторскія попытки, съ которыми намъ удалось ознакомить читателей?

Впечатлѣніе это можетъ выясниться только при разрѣшеніи другого вопроса—о побужденіяхъ, которые подтолкнули реформаторовъ на неблагодарный трудъ радикальной ломки существующаго.

Эпиграфъ, поставленный нами въ заголовокъ этой части труда нашего, сознаемся, не вполнѣ отвѣчаетъ замысламъ. По

крайней мѣрѣ, относительно лица, ставшаго во главѣ движенія, вдохновляющаго работу и руководящаго ею, было бы несправедливо сказать, что, по рожденію, по образованію,—онъ носитель исключительно старыхъ, отжившихъ, давно заклейменныхъ преданій. Допустить, чтобы въ числѣ сотрудниковъ, имъ на скоро подобранныхъ, какими различными побужденіями они не руководствовались бы, были бы бурбоны стараго поколѣнія, едва ли представляется возможнымъ. Дѣятелей этого покроя стерла съ лица земли сама жизнь. Наконецъ, въ числѣ этихъ сотрудниковъ были и есть и судебные дѣятели и профессора.

Неужели въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, намъ приходится имѣть дѣло съ особой категоріей людей, порожденной реформами прошлаго царствованія, которыя не могутъ помириться съ тою мыслью, что судьба не дала имъ возможности фигурировать въ числѣ реформаторовъ. Что подобныя личности есть—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Намъ встрѣчалось случаться съ ними, видѣть ихъ на дѣлѣ. Съ неумолимой злобой, съ шипящей досадой, они относились и относятся ко всему, что сдѣлано, что проведено въ жизнь и это не изъ-за того, чтобы сдѣланное и проведенное было дѣйствительно дурно. Оно дурно, потому, что на немъ не лежитъ печати нашего творчества. Оно дурно потому, что вылилось, облеклось въ извѣстную, живучую форму, а насъ не спросили Эти своего рода Герострата, изъ-за обиженнаго тщеславія, достигнувъ власти, не задумаются сжечь любой храмъ, лишь бы имѣть удовольствіе занести свои имена въ лѣтописи пахавшихъ, при чемъ для нихъ безразлично: будутъ ли ихъ имена благословляемы или опозорены. Ужели военно-судебная реформа, пройдя побѣдоносно всѣ противупоставлявшіяся ей испытанія, въ концѣ концевъ, должна попасть въ передѣлку дѣятелямъ этого разряда? Ужели, въ пользу и за ея, не будетъ произнесено ни одного живительнаго слова и она будетъ принесена въ жертву цѣлямъ и видамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ задачами нашей будущей, государственной и общественной жизни?

Не углубляясь далѣе въ эту тонкую, психологическую за-

дачу, мы считаемъ себя невольно обязанными остановиться на послѣднемъ вопросѣ и высказать нѣсколько скромныхъ, пришедшихъ намъ въ голову, замѣтокъ относительно пути, которымъ слѣдовало бы руководствоваться при окончательной развязкѣ—увѣнчанія вновь созидаемаго зданія, если только избѣжать этой бѣды намъ невозможно.

Мы уже видѣли, что проэктъ военно-судебной реформы разрабатывался при посредствѣ не только двухъ существовавшихъ инстанцій генералъ-аудиторіатовъ—но и особо учрежденныхъ, внушавшихъ къ своимъ трудамъ полное довѣріе. Прямымъ послѣдствіемъ утвержденія Военно-судебнаго устава было учрежденіе двухъ особыхъ установленій для разрѣшенія законодательныхъ вопросовъ, возникающихъ по военно-судебному вѣдомству. Установленіями этими служатъ—Главные Военные Суды, которые, или дѣйствуютъ порознь или соединяются въ общее присутствіе для разрѣшенія вопросовъ общихъ обоимъ вѣдомствамъ (военному и морскому). Военно-судебный уставъ предусматриваетъ, впрочемъ, и тотъ случай, когда возникшій по военно-судебному вѣдомству вопросъ имѣетъ связь съ вопросами общаго права или, такъ сказать, общаго благосостоянія. Дѣла подобнаго рода, пройдя Главные Военные Суды, проходятъ черезъ Государственный Совѣтъ.

При всемъ довѣріи, которое мы имѣемъ къ Главнымъ Военнымъ Судамъ (мы не допускаемъ возможности дальнѣйшаго раздвоенія между двумя вѣдомствами въ существѣ дѣла), мы полагаемъ, однако, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда армія рекрутируется путемъ всеобщей воинской повинности, когда будущностью ея, обстановкой, всѣмъ внутреннимъ бытомъ заинтересовано все безъ исключенія общество, слѣдящее съ понятнымъ трепетомъ за ходомъ предпринятыхъ реформъ, обстановка суда принадлежитъ къ числу тѣхъ сторонъ ея органической жизни, окончательное устройство которой мыслимо лишь подъ условіемъ произнесенія послѣдняго въ этомъ отношеніи слова высшей законодательной властью. Этотъ выводъ въ нашихъ глазахъ пріобрѣтаетъ особенную силу и въ виду дѣлъ смѣшанной подсудности.

Исполненіемъ этого скромнаго желанія Гг. реформаторы, если бы и замедлили свою работу, удовлетворили бы справедливѣйшему и святѣйшему требованію общества.

Мы не только окончили эту главу, но она была у насъ уже набрана, когда съ нами случилось совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Приступивъ къ нашему труду, мы, какъ убѣдятся читатели изъ второй главы, постоянно жаловались на недостатокъ матеріаловъ т. е. на незнаніе всѣхъ подробностей, всей обстановки, всей подкладки задуманной реформы. Намъ приходилось вылавливать эти данныя, догадываться. И вдругъ, совершенно случайно, но не воровски, мы получили всѣ необходимые матеріалы т. е. полный комплектъ подготовительныхъ записокъ, которыя разсылались специалистамъ, при чемъ въ запискахъ этихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, не одинъ критическій элементъ. Въ нихъ изложена и положительная сторона..

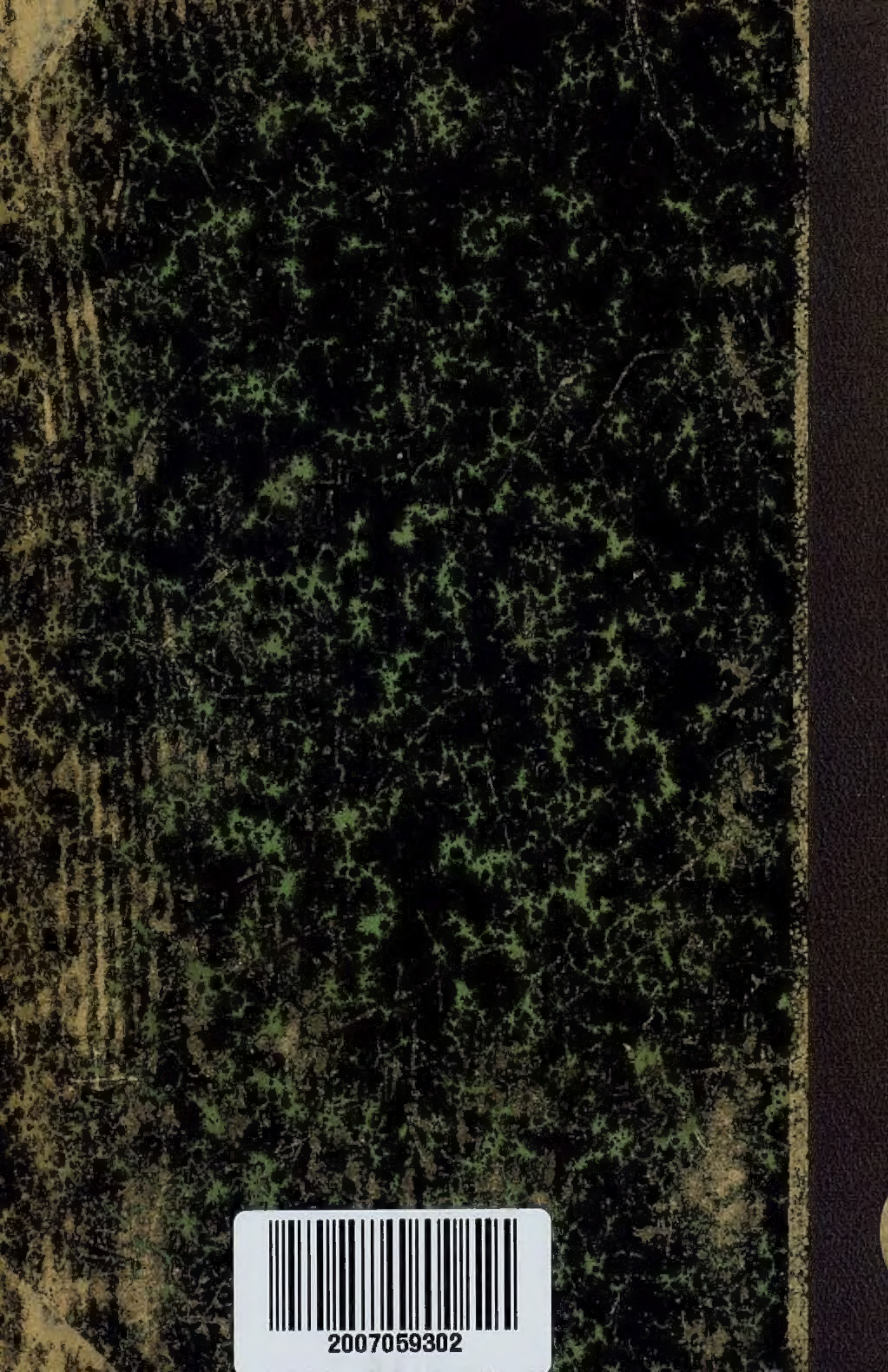
Какъ ни заманчивъ этотъ матеріалъ, но пробѣжавъ его внимательно, мы, за рѣдкими исключеніями, не нашли основанія измѣнить общаго впечатлѣнія на плодотворную работу Гг. реформаторовъ. Пришлось, однако, измѣнить совершенно планъ третьей главы, которую мы предполагали посвятить изложенію своихъ мыслей о тѣхъ сторонахъ военно-судебной реформы, которыя требовали бы соотвѣтственнаго измѣненія. Ее придется переработать, а такъ какъ для подобнаго труда нужно время, и современный интересъ предыдущихъ главъ можетъ потеряться, между тѣмъ, при предстоящемъ разсмотрѣніи проэктовъ кто знаетъ, можетъ быть пригодятся и наши скромныя замѣтки, то мы признали за лучшее выпустить въ свѣтъ то, что готово, а третью главу разработать самостоятельно, въ видѣ втораго выпуска. Можетъ быть онъ выйдетъ не своевременно. Пусть сохранитъ онъ за собой значеніе антикварнаго труда.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести еще маленькую, по нашему, характеристическую замѣтку, иллюстрирующую

высказанное нами въ первой главѣ. Новое время, какъ известно, первые номера своего каждаго года посвящаетъ обзору совершившагося въ истекшемъ году. Весьма естественно, что въ № 2458 (въ существѣ первомъ 1883 года) газета напечатала военное обозрѣніе за 1882 годъ. Мы въ правѣ предполагать, что эта статья написана спеціалистомъ. Судамъ въ ней посвящены слѣдующія строки:

„Наши военные суды, по мнѣнію нѣкоторыхъ слишкомъ либеральны (?), по нашему они просто *непрактичны* (??), отнимая *много времени* (??) и создавая между начальникомъ и подчиненнымъ нѣкоторую quasi *власть суда* (?), въ сущности въ военномъ отношеніи *не способную сдѣлать, но многому* (?) способную помѣшать. *Тутъ* реформа необходима и будущее обѣщаетъ намъ, что возбужденный вопросъ найдетъ послѣ надлежащаго обсужденія въ одной или нѣсколькихъ инстанціяхъ свое настоящее практическое рѣшеніе„.

Мы приводимъ эту замѣтку безъ всякихъ комментаріевъ, предоставляя читателямъ, на основаніи всего нами изложеннаго, сдѣлать выводъ о томъ на какой прочной почвѣ строится задуманное, новое зданіе. Для насъ эта замѣтка, новѣйшей формаціи важна, какъ доказательство серьезнаго соотношенія къ вопросу и печати и загадочныхъ сфинксовъ спеціалистовъ: со стороны послѣдняго важна для насъ эта слѣпая вѣра въ благополучный исходъ сооруженія, созидаемаго на пескѣ!..


2007059302